

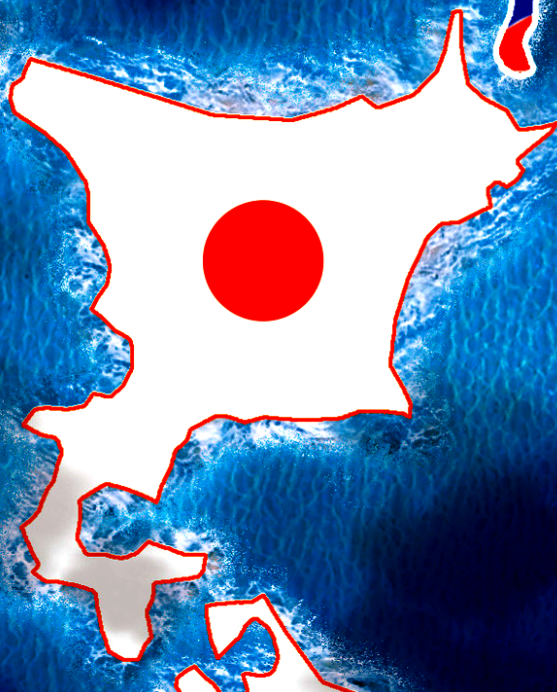
Анатолий Кошкин

КУРИЛЬСКИЙ ПИНГ-ПОНГ

100 ЛЕТ БОРЬБЫ
ЗА ОСТРОВА

о. ИТУРУП

о. КУНАШИР

Анатолий Кошкин

**Курильский пинг-понг.
100 лет борьбы за острова**

Кошкин А. А.

Курильский пинг-понг. 100 лет борьбы за острова

История взаимоотношений России со своей дальневосточной соседкой – Японией не столь продолжительна. Первый официальный контакт произошел в 1792 г., а дипломатические отношения установлены лишь в 1855 г. Но полтора столетия межгосударственных связей вместили в себя множество событий, которые, к сожалению, характеризовались не столько добрососедством и сотрудничеством, сколько противоречиями и вооруженными конфликтами. В предлагаемой читателю книге предпринята попытка подробного рассмотрения основных аспектов советско-японских, а после и российско-японских отношений. Анатолий Аркадьевич Кошкин – историк, публицист, доктор исторических наук, профессор, член исполнительного совета Российской ассоциации историков Второй мировой войны, один из ведущих специалистов по современной Японии и российско-японским отношениям.

Содержание

Россия и Япония – история соседей	6
От автора	7
Вместо предисловия	10
Глава первая. Советская Россия – опасный и злейший враг	13
Вторжение в Сибирь	13
Глава вторая. «Хокусин» – экспансия на север	20
Сначала Китай, затем Россия	20
«На границе тучи ходят хмуро...»	28
Халхин-гольская авантюра	36
Глава третья. Дипломатические маневры Токио и Москвы	42
Номонханский синдром	42
Союз с Гитлером	51
Пакт со Сталиным	59
Глава четвертая. Вооруженный нейтралитет	75
«Лучше пролить кровь...»	75
Дипломатическая прелюдия войны	84
Японский вариант «блицкрига»	92
Глава пятая. Хурма не поспела	96
Предупреждения разведки	96
План «примирения» СССР с Германией	106
Сталин решает вступить в войну	113
Глава шестая. Долгий путь к миру	135
Громыко говорит «нет»	135
«Не поверил своим ушам»	144
Фиаско Хрущева	152
Глава седьмая. На исходе холодной войны	160
Япония как «непотопляемый авианосец» США	160
Попытки сделки вокруг Курил	167
«Экспромты» российского президента	172
Глава восьмая. Иркутское обещание	177
Поиск компромисса	177
«Все или ничего»	182
От конфронтации к сотрудничеству	189
Глава девятая. Курильский пинг-понг. Затянувшаяся партия	195
«Непозволительный произвол» Медведева	195
«Хикивакэ» Путина – ничья по Курилам	200
«Троянский конь» на Курилах	207
Послесловие	212

Россия и Япония – история соседей

Анатолий Аркадьевич Кошкин – один из ведущих специалистов по русско-японским отношениям. Лично я думаю, что самый лучший. Во время наших долгих бесед с профессором Кошкиным лично убедился, что знания у него поистине энциклопедические. В Японии его знают и уважают.

Познакомились мы с Анатолием Аркадьевичем на Курилах. Где же еще встретить знатока истории наших отношений с Японией, как не на самых восточных рубежах России?

В книге подробно рассматриваются основные вехи русско-японских отношений. Ведь именно детали и нюансы договоров и соглашений рождают споры, несогласие или, наоборот, способствуют мирному сосуществованию двух уникальных цивилизаций.

Россия и Япония могут мирно жить друг с другом. Мы разные, мы по-разному строим свои государства. Русский народ сплотил вокруг себя народы и народности Евразии и создал самую большую страну в мире. Японцы также попытались построить империю, но у них ничего не получилось. Потому, что они считали других людей «вторым сортом». До сих пор на Сахалине, к примеру, живет большая корейская диаспора. Корейцев на остров завезли японцы, фактически в качестве рабов.

В 1905 году Россия подписала Портсмутский мир с Японией, отдав половину Сахалина. В 1910 году Япония присоединила к себе Корею – помешать ей сделать это было уже некому...

Сегодня российско-японские отношения крутятся вокруг вопроса, который Япония снова и снова пытается ставить перед Россией: вопроса принадлежности Курильских островов. Но для нас такого вопроса не существует – Курилы являются неотъемлемой частью России. А в Японии вместо того, чтобы поднимать вопрос фактической оккупации страны американцами и требовать вывода войск США с Окинавы, вновь и вновь мулсируется тема «принадлежности Северных территорий». Японцы все ждут, что Россия передаст им часть своей территории. Напрасные надежды!

Среднестатистический россиянин знает историю отношений России с Европой куда лучше, чем историю с нашими дальневосточными соседями. Да и сам этот восточный край нашей земли – Дальний. Недостаток информации рождает отсутствие интереса к проблемам и перспективам России в этом регионе. К малоизвестным страницам относится и скоротечная, но от этого не менее блистательная военная кампания нашей армии против Японии в августе 1945 года. В нашей стране ежегодно отмечается День Победы 9 мая. Это дата разгрома нацистской Германии. А вот официального дня Победы над Японией в России сегодня нет.

Не надо стесняться своих побед. Тем более что именно благодаря ей весь Сахалин снова стал российским и Курилы перешли под юрисдикцию СССР.

Курильский пинг-понг закончился...

Николай Стариков

*Посвящаю памяти моего учителя, выдающегося знатока Японии
профессора Коваленко Ивана Ивановича*

От автора

Прошедшая 6 мая 2016 г. в Сочи неформальная встреча президента России Владимира Путина с премьер-министром Японии Синдзо Абэ и особенно их получасовая беседа тет-а-тет вызвали немало комментариев, а также слухов и предположений. Результаты переговоров были названы «весьма конструктивными». Заговорили о достигнутой договоренности: о принципиально новом подходе сторон к российско-японским отношениям в целом и так называемой территориальной проблеме в частности. Нашлись и такие, кто обвинил Путина в «продаже Курильских островов», их обмене на широкое экономическое сотрудничество двух стран. Это серьезное обвинение заставило президента заявить: «Мы готовы купить многое, но ничего не продаем».

Вслед за этим министр иностранных дел России Сергей Лавров разъяснил в интервью, что «мы не отдаем Курильские острова» и «не выпрашиваем у Японии мирный договор». Но при этом руководитель внешнеполитического ведомства указал на то, что российская сторона признает действенность подписанной 60 лет назад Советско-японской совместной декларации, включая ее 9-й пункт, предусматривающий передачу Японии группы островов Хабомаи и острова Шикотан, но только после подписания между государствами мирного договора. По сути, эту позицию подтвердил и президент Владимир Путин во время прошедшего в сентябре 2016 г. во Владивостоке Восточного экономического форума.

Тогда он заявил: «Мы не торгуем территориями, хотя проблема заключения мирного договора с Японией является, конечно, ключевой и нам бы очень хотелось с нашими японскими друзьями найти решение этой проблемы... У нас еще в 1956 году был подписан договор, и, на удивление, он был ратифицирован и Верховным Советом СССР, и японским парламентом. Но затем японская сторона отказалась его выполнять, а затем и Советский Союз свел тоже на нет все договоренности в рамках этого договора...»

Сейчас наши партнеры проявляют желание вернуться к обсуждению этой темы. Речь не идет о каком-то обмене, о каких-то продажах, речь идет о поиске решения, при котором ни одна из сторон не будет чувствовать себя внакладе, ни одна из сторон не будет чувствовать себя ни побежденной, ни проигравшей...»¹

Хотя российский лидер фактически признает сохранение договоренности 1956 г. в силе, нельзя не учитывать, что произошедшие за столь длительный период кардинальные изменения в международном праве, а также геополитическом и военно-стратегическом положении Курильских островов не позволяют автоматически, без серьезных дополнительных переговоров вернуться к договоренностям 60-летней давности. Тем более что тогда японское правительство под давлением Соединенных Штатов, не заинтересованных в японо-советском добрососедстве, в нарушение достигнутого соглашения о территориальном размежевании произвольно расширило предполагаемые уступки Советского Союза. Было выдвинуто неприемлемое для СССР дополнительное требование о «возвращении» еще и наиболее крупных и освоенных островов Курильской гряды – Кунашира и Итурупа. Избранная официальным Токио и поддерживаемая Вашингтоном позиция претензии на все принадлежащие России южно-курильские острова остается неизменной и по сей день.

Однако опасение того, что нежелание Токио искать взаимоприемлемое решение противоречий вокруг Курил может побудить Москву вернуться к советской позиции отрицания «территориальной проблемы» как таковой, заставило премьер-министра Японии Абэ и его ближайшее окружение несколько сменить тактику. К этому побуждают Токио и дальнейшее углубление российско-китайских отношений, в том числе в военно-технической области, и

---

¹ Путин в интервью Bloomberg назвал ключевой проблему мирного договора с Японией // <http://tass.ru/politika/3585009/>

подозрения о возможном ослаблении в будущем союзнических отношений Японии с США, а также другие факторы стратегического характера.

Похоже, в конфиденциальных разговорах с российским президентом в Сочи и Владивостоке японский премьер-министр дал понять, что хочет отказаться от многолетнего принципа «сэйкэй фукабун», то есть неразрывности политики и экономики в отношениях с Москвой. Суть принципа состоит в том, чтобы без уступок в политике – то есть в вопросе о принадлежности Курил – сдерживать торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Однако в действительности этот чисто политический и пропагандистский лозунг, по сути, никогда не работал. Даже в разгар холодной войны и шумной кампании «за возвращение северных территорий» торгово-экономические отношения Японии с Советским Союзом успешно развивались.

Вот и теперь премьер-министр Абэ по собственной инициативе предложил президенту Путину активизацию сотрудничества в восьми областях экономики. Считается, что разговор о воплощении в жизнь «плана Абэ» уже начался на Восточном экономическом форуме, где японскую представительную делегацию крупных бизнесменов возглавлял сам японский премьер. Заговорили даже о 20-миллиардных японских инвестициях в российский Дальний Восток. Хотелось бы верить, что это поможет перейти от слов к делу, к реальному участию японского капитала и предпринимательских организаций в развитии российского Дальнего Востока и Сибири.

В связи с этим следует обратить внимание на распространенное в Японии, да и у нас в стране представление о том, что, дескать, в экономическом сотрудничестве нуждается в первую очередь Россия, а Япония якобы лишь использует его для того, чтобы «заинтересовать» Москву и побудить ее идти на политические уступки. В действительности же Японии, пребывающей в длительной экономической стагнации, не в меньшей степени нужны инвестиции в Россию, освоение ее перспективного рынка. Дальновидные японские экономисты уже давно подают сигналы, что сфера японских инвестиций в странах Восточной Азии сокращается, а сами эти страны настолько экономически выросли, что уже в гораздо меньшей степени, чем ранее, нуждаются в помощи Японии. При этом слышатся призывы «не опоздать на автобус», не уступать Россию конкурентам из Китая, Республики Корея и других экономически успешных стран региона.

Однако официальный Токио не скрывает, что экономическое сотрудничество с нашей страной он рассматривает как средство для «создания благоприятных условий» для разрешения в пользу Японии так называемой «территориальной проблемы», причем не на компромиссной, а на близкой к ультимативной основе. Власти Японии открыто заявляют, что намерены одновременно решить судьбу всех Южных Курил – островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряды Хабомаи. При этом есть немало японских политиков, которые считают такой подход нереалистичным. Но и они, предлагая «для начала» побудить российское правительство сдать Хабомаи и Шикотан, намерены обусловить согласие японского правительства подписать мирный договор с указанием о том, что переговоры о принадлежности самых крупных и освоенных островов Курильской гряды – Кунашира и Итурупа – будут продолжены. Очевидно, что мирный договор рассматривается Токио не как цель, а как средство добиться «возвращения» всех требуемых Японией островов.

На это же нацелены и усилия по организации на южных Курилах так называемой «совместной хозяйственной деятельности», через которую японское правительство намеревается приучить местное население к присутствию своих компаний на островах, склонить его к согласию передать острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряду Хабомаи в состав японского государства. При этом Токио заявляет о готовности разрешить своим гражданам работать на «северных территориях» лишь при согласии российского правительства ввести для них некое «особое законодательство», учитывающее японские претензии на южные Курилы, что явилось бы грубым нарушением Конституции РФ и всей законодательной базы нашего государства.

Вместе с тем в Японии постепенно растет понимание того, что следовало бы пересмотреть политическую и экономическую стратегию в отношении России, развивать двусторонние отношения в различных областях, не выдвигая на первый план вопросы территориальной принадлежности Курил и подписания мирного договора. Развитие ситуации в мире рано или поздно приведет японский политический истеблишмент к пониманию, что по военно-стратегическим и торгово-экономическим соображениям неразумно замыкать японо-российские отношения на уже порядком надоевшие перепалки относительно того, признавать или не признавать итоги Второй мировой войны.

Хотелось бы высказать надежду, что предлагаемая читателю книга позволит глубже понять суть и содержание отношений нашей страны с дальневосточной соседкой – Японией, укрепит веру в правоте политики, направленной не на конфронтацию, а на преодоление наслоений прошлого, выход на новые рубежи сотрудничества и доверия между нашими странами и народами.

Вместо предисловия

Приоритет в установлении контактов европейцев с Японией принадлежит португальцам, которые одними из первых проникли в Китай и другие земли Востока, ныне именуемые Азиатско-Тихоокеанским регионом. До путешествия итальянского купца Марко Поло (XIII в.) в Китай в Европе не знали о существовании Японии. Считается, что именно он был первым европейцем, который услышал от китайцев о расположенном к востоку от азиатского материка «островном царстве», богатом золотом и серебром и называемом «Дзипангу».

Слухи о существовании где-то в водах Великого океана «восточного Эльдорадо» будили воображение европейцев. Однако первые выходцы из Старого света оказались в Японии по воле случая. В 1542 г. сильный шторм занес португальских моряков на остров Танэгасима, что у южной оконечности одного из четырех главных японских островов – Кюсю. До этого японцы имели торговые контакты лишь с корейцами и китайцами. Люди необычной для них белой расы вызвали немалое любопытство. Однако наибольший интерес не знавшие огнестрельного оружия местные феодалы проявили к вооружению пришельцев – аркебузам.

Почти сразу же была организована торговля этим оружием, за которое японцы платили золотом. Закупленные у португальцев аркебузы в Японии стали называть «танэгасима» по имени острова, где произошло первое знакомство местного населения с извергающим огонь и сеющим страх и панику оружием. Торговля с вновь открытой страной сулила большие барыши. Лишь за шесть первых месяцев после высадки на Танэгасима португальцам удалось весьма выгодно продать свыше 6000 аркебузов. На протяжении последующих 50 лет, пока португальцы оставались монополистами, оружие являлось основной статьей японского импорта.

Интерес португальцев, а затем испанцев, голландцев и британцев к Востоку не ограничился лишь выгодной торговлей. Их целью было превращение стран Восточной и Юго-Восточной Азии в колонии и полукolonии. При этом важным инструментом экспансии стало миссионерство, внедрение христианства. Это в равной степени характерно и для тогдашней политики западноевропейских государств в отношении Японии. Однако японское центральное правительство сёгуна скоро осознало, что распространение католичества и расширение иностранной торговли ведет к подчинению страны европейцам. Католические миссионеры грубо вмешивались во внутренние дела Японии. В 1637–1638 гг. на острове Кюсю произошло крупное Симабарское крестьянское восстание против притеснений властей. Среди восставших было много крестьян, принявших христианство. Восстание было использовано находившимися под влиянием европейцев южными католическими феодалами для борьбы с верховным правителем – сёгуном. Дальнейшее распространение христианства создавало угрозу центральной власти, поощряло сепаратистские настроения.

Для пресечения миссионерской деятельности европейцев и недопущения колониального подчинения страны правительство сёгуна еще в 1636 г. издало эдикт об ограничении контактов своих подданных с иностранцами и запрете японцам под страхом смерти покидать страну. Запрещался ввоз в Японию каких бы то ни было книг, упоминавших о западных странах и христианской религии. Правительственным указом 1639 г. иностранцам было предписано прекратить всякую торговлю в Японии. В стране вводился строгий режим самоизоляции. Закон об изоляции гласил: «На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти». Приверженцев христианской веры, как европейцев, так и японцев, правительство подвергало жестоким казням: их зарывали живыми в землю, распинали на кресте, сажали на кол, распиливали на части, сжигали живыми, нередко целыми семьями, бросали в кратер действующего вулкана или завязывали в мешки и сжигали на медленном огне. По существующим сведениям, за 1614–1650 гг. за принадлежность к христиан-

ской вере было казнено 2128 человек, в том числе 71 европеец. Однако в действительности жертв было больше.

Ограниченная торговля была разрешена только голландцам. Им был выделен маленький островок Дэдзима в нагасакской гавани, где они проживали под строгим наблюдением властей. Объявленная политика самоизоляции хотя и затормозила развитие страны и консервировала ее феодальные порядки, в то же время эффективно воспрепятствовала превращению Японии в зависимое государство.

В отличие от западноевропейцев, проникновение русских на Восток шло как освоение новых земель русскими поселенцами, в результате чего сибирские и дальневосточные районы были включены в состав российского государства. Если из Западной Европы на вновь открытые территории Восточной Азии направлялись купцы, военные корабли, чиновники и миссионеры, то из России в восточном направлении продвигались не только заинтересованные в добыче пушнины купцы, но и искавшие свободной пахотной земли и вольной жизни казаки, беглые крестьяне, промысловые и служилые люди. Относительная легкость продвижения русских объяснялась тем, что оно проходило без противодействия других держав, ибо в XVI в. Сибирь, как Америка до Колумба, была неведомой для европейцев землей. Хотя в ряде случаев местные племена оказывали сопротивление русским, остановить их продвижение на Восток они не могли. В результате к середине XVII в. русские землепроходцы и промысловые люди вышли к Тихому океану.

Считается, что сведения о Японии стали поступать в Россию в середине XVII в. Первые же письменные упоминания об этой стране датируются 1670 г., когда было завершено составление в Холмогорском монастыре книги «Космография». В нее была включена глава «О Иапонии или Японострове».

Важные сведения о Японии были получены от отправленного в 1675 г. послом России в Китай Николая Спафария. Он доносил в Москву: «Великий и славный остров Японский, как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двой суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные острова меньшие видятся от устья Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летах казаки, которые зимовали на усть Амура».

Интерес России к Японии объяснялся не столько наличием в этой стране запасов золота и серебра, сколько стремлением русских мирно и взаимовыгодно торговать. Отсутствие у русских агрессивных намерений признает весьма популярный в современной Японии автор исторических романов и эссе Рётаро Сиба, кстати нередко критически относившийся к России и ее внешней политике. Он писал в своей книге «О России. Изначальный облик Севера»: «... Россия хотела получать продовольствие из Японии для того, чтобы осваивать Сибирь. Во имя этой цели Россия изучала Японию, оказывала радушный прием потерпевшим кораблекрушения, наконец, выражала желание установить дипломатические отношения с правительством Японии. Это желание было очень настойчивым...»² Признается и то, что проводившая российскую «государственную политику» на Дальнем Востоке «Российско-американская компания» не имела «никаких замыслов обращения в свою собственность территории Японии, единственного независимого государства в морях Дальнего Востока».

В качестве «моста» для мирной и дружественной торговли русские видели соединяющие Камчатку с Японией Курильские острова. Однако этого не произошло. Более того, Курильский архипелаг на столетия стал «камнем преткновения» между двумя странами, объектом борьбы между Японией и Россией за включение его в состав своего государства.

---

² Рётаро Сиба. О России. Изначальный облик Севера. М., МИК, 1999.

Вопреки утверждению официального Токио, Курильские острова, включая южные, не являются исконно японскими территориями. Аборигенами островов были люди народности айну. Что касается политической принадлежности островов, то с 1786 г. вся Курильская гряда до острова Хоккайдо официально входила в состав Российской империи. Лишь для установления дипломатических отношений с Японией в 1855 г. острова Итуруп, Кунашир и Шикотан были переданы Японии. Россия пошла на эту территориальную уступку, ибо была весьма заинтересована в торговых отношениях с Японией.

Затем в 1875 г. произошел неравноценный обмен всех Курильских островов вплоть до Камчатки на отказ Японии претендовать на остров Сахалин. Потом была Русско-японская война, и наши военные неудачи привели к тому, что российское правительство под давлением Японии и США было вынуждено уступить Японии южную половину Сахалина. Тем самым соглашение 1875 г. по Курилам было перечеркнуто, и до 1945 г. Япония владела островами не де-юре, а только де-факто. Это давало право новому государству на территории России – РСФСР при установлении дипломатических отношений с Японией и впоследствии ставить вопрос о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов.

Глава первая. Советская Россия – опасный и злейший враг

Вторжение в Сибирь

Февральскую революцию 1917 г. в России политические и военные круги Японии восприняли относительно спокойно и даже с оптимизмом. Считалось, что переход от монархии к власти буржуазии в условиях продолжения кровопролитных сражений на европейском фронте мировой войны надолго отвлечет русских от дальневосточных проблем, позволит Японии беспрепятственно завоевывать Китай, внедряться в экономику Приморья и других районов России. Совершенно иную реакцию вызвало известие о рождении в результате пролетарской революции нового государства – Советской России. «Уже сам факт создания социалистического государства рабочих и крестьян, факт свержения монархии и капитализма вызвал у господствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к Советскому Союзу», – отмечали японские историки. Советская Россия была объявлена «самым опасным и злейшим врагом», и началась спешная разработка планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта». ³ Имелось в виду «собственными силами захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим». ⁴

8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской военной академии выступил один из идеологов милитаризма генерал Кадзусигэ Угаки, который обрушился на большевиков, обвинив их в том, что они «сломали столетиями существовавшую империю, растоптали принципы демократии и создали анархическую систему власти безответственных интеллигентов и нищих». Страшась воздействия социалистических идей на умы японцев, генерал требовал создания «правительства твердой руки и великой решимости в борьбе против национальных предателей, выставляющих себя революционерами». ⁵

Японские генералы не считали революционную Россию серьезным противником и предсказывали быстрое овладение доблестными японскими войсками «обширными азиатскими территориями вплоть до границ между Азией и Европой». О том, что выдвинутые впоследствии в качестве обоснования интервенции «гуманитарные причины» были лишь прикрытием, свидетельствуют откровенные призывы к агрессии, публиковавшиеся в японской прессе сразу после сообщений об Октябрьской революции. О том, что писала в ноябре-декабре 1917 г. «рупор реакционных кругов Японии» газета «Хоти симбун», свидетельствуют заголовки статей: «Смута в России и требования отправки японских войск», «Один из путей – независимость Сибири», «Неотложная задача отправки войск в Сибирь. Продемонстрируем мощь Японии», «Послать войска!».

Правительство молодой Советской республики, сознавая нависшую над российским Дальним Востоком и Сибирью опасность вторжения, искало возможность вступить в переговоры с Японией. Еще в декабре 1917 г. оно обратилось к японским представителям в Петрограде с предложением пересмотреть все договорные обязательства между царской Россией и Японией и заключить новое торгово-экономическое соглашение. Однако взявшее курс на подавление революции и занятие российской территории японское правительство не желало нормальных отношений с новой Россией.

---

³ *Имаи Сэйдзиро*. Рококу какумэй дзицудзё (Истинное положение революции в России). Токио, 1918. С. 82–83.

⁴ Тайхэйё сэнго си (История войны на Тихом океане). Т. 1. Токио, 1972. С. 45.

⁵ *Кадзухигэ Угаки*. Гумби то сэйсин кёйку (Подготовка армии и моральное воспитание). Токио, 1921. С. 9–10.

С конца 1917 г. между США, Англией, Францией и Японией велись активные переговоры об организации интервенции. Было решено, что свержением советской власти на Дальнем Востоке и в Сибири будут заниматься в основном японские войска. Однако в отличие от западноевропейских держав США не собирались полностью отдавать эти богатые природными ресурсами земли японцам. Вашингтонских политиков озаботили попытки Токио заранее оговорить свои права на получение рыболовных, горнорудных и лесных концессий в Сибири, что означало установление там единоличного экономического и политического контроля Японии. С тем чтобы воспрепятствовать этому, было решено направить на российский Дальний Восток и американские войска.

Поводом для начала вторжения послужило убийство неизвестными во Владивостоке в ночь на 5 апреля 1918 г. двух сотрудников японской торговой конторы «Исидо». Это походило на спланированную провокацию, явившуюся сигналом для начала задуманной операции. Не дожидаясь выяснения обстоятельств произошедшего, в тот же день под прикрытием артиллерии военных кораблей, вошедших во внутреннюю гавань порта военных кораблей во Владивостоке, высадились две роты японских пехотинцев и подразделение английской морской пехоты. Быстро заняв центр города, японское командование пыталось представить свои действия как чисто полицейскую акцию с целью поддержания общественного порядка. Однако уже на следующий день масштабы операции были расширены – силами десантного отряда в 250 человек был захвачен прикрывавший Владивосток с моря хорошо укрепленный остров Русский.

То, что проведенная японцами акция знаменовала собой начало вооруженной интервенции, не вызывало сомнений. В день высадки японских войск правительство Советской республики выступило с сообщением, в котором было заявлено: «Давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян».⁶ В директиве правительства Владивостокскому совету содержалось предупреждение: «Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил».

Чтобы двинуться вглубь Сибири, японцы и американцы спровоцировали так называемый «мятеж чехословаков». Входившие ранее в состав австро-венгерской армии чехи и словаки по решению советского правительства направлялись на родину через Владивосток. К концу мая 63 эшелона с объединенными в Чехословацкий корпус 40 тысячами репатриантов растянулись по всей Сибири от Пензы до Приморья. Советские власти беспокоило то, что корпус следовал через незащищенную российскую территорию с оружием. С тем чтобы исключить по пути следования какие-либо инциденты и столкновения, был отдан приказ о сдаче оружия. Воспротивившись этому, корпусное командование призвало своих солдат и офицеров к неповиновению, вылившемуся затем в открытый мятеж.⁷

В Токио и Вашингтоне тотчас же решили воспользоваться ситуацией. 6 июля 1918 г. Белый дом санкционировал посылку в Сибирь войск «для оказания помощи чехословакам». Для начала было решено направить на территорию России японские и американские войска численностью в 7 тысяч штыков. Однако японцы, для которых главным было быстро занять как можно больше стратегически важных районов Дальнего Востока и Сибири, не собирались вводить какие-либо ограничения для численности своих интервенционистских войск. Уже 2 августа они под прикрытием миноносцев, высадив десант в устье Амура, овладели городом Николаевском-на-Амуре, а 12 августа перебросили во Владивосток пехотную дивизию числен-

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1959. С. 225.

⁷ См.: Шишов А. Разгром Японии и самурайская угроза. М., 2005. С. 279–280.

ностью около 16 тысяч человек. Наряду с японцами город оккупировали также меньшие по численности военные контингенты англичан, французов и американцев.

Командующим оккупационными войсками на российской территории был назначен японский генерал Отани. По официальным американским данным, на российский Дальний Восток было направлено 72 тысячи японских и свыше 9 тысяч американских солдат. При этом следует иметь в виду, что численность японских интервенционистских войск менялась. Так, в литературе существуют указания на то, что в различные периоды оккупации на Дальнем Востоке и в Сибири действовало до 100 тысяч японских солдат и офицеров.⁸

Хотя в принятом 7 ноября 1918 г. VI Чрезвычайным съездом Советов обращении к правительствам великих держав, в том числе Японии, было сделано предложение начать переговоры о мире, интервенция на востоке России не только продолжалась, но и охватывала все новые районы – Приморье, Приамурье и Прибайкалье. В условиях острой нехватки здесь регулярных войск повсеместно разворачивается партизанское движение. К осени 1919 г. под руководством подпольных большевистских организаций в партизанских соединениях насчитывалось 45–50 тысяч бойцов: в Забайкалье – 15–20 тысяч, в Амурской области – 10 тысяч, в Приамурье и на Северном Сахалине – 6 тысяч, в Приморье – 10–15 тысяч.⁹

Имея многократное преимущество в численности войск, оккупанты тем не менее не могли своими силами контролировать захваченные огромные просторы восточной части России. Это вынуждало их использовать своих ставленников из числа укрывшихся на территории Китая возглавлявших белобандитские формирования атаманов – Семенова, Калмыкова, Гамова. С их помощью на оккупированных японскими войсками территориях отменялись все законы и установления советской власти, реставрировались старые, дореволюционные порядки. Были восстановлены дореволюционные права офицерства, чины и звания царских чиновников, казачье сословие. Национализированные предприятия возвращались прежним владельцам. Крестьянам было позволено пользоваться только «теми земельными гранями, кои были до марта 1917 года».¹⁰

В ходе Гражданской войны значительная часть Сибири была захвачена войсками белогвардейских армий Колчака, который, присвоив себе звание Верховного правителя России, координировал свои действия с японским командованием и получал от него материальную помощь. Все выступавшие за свержение советской власти силы, будь то интервенты или белогвардейцы, применяли крайне жестокие методы борьбы с политическими противниками и партизанами.

По всему Дальнему Востоку и Сибири развернулись кровавые расправы с представителями и сочувствующими советской власти. С целью запугать местное население сжигались целые деревни и устраивались массовые показательные расстрелы, проводились карательные операции. Существует множество свидетельств бесчинств и бесчеловечного обращения оккупантов с местным населением. Вот лишь одно из них. Жители деревни Круглая Рождественской волости сообщали в марте 1919 г.: «Расстреляно японцами 25 человек, после которых осталось 25 душ семейств. Японскими отрядами деревня была посещена два раза: 17 февраля 1919 года было сожжено 23 двора, 25 октября 1919 года сожжено 67 дворов, имущество разграблено. Общий убыток от пожара и грабежей выражается в 201 315 рублей золотом».¹¹

В результате активных боевых действий созданной после революции Красной армии и сибирских партизанских формирований к концу 1919 г. армия Колчака была разгромлена.

⁸ История дипломатии. Т. III. М., 1965. С. 128. Приводятся и другие цифры: «Подсчитано, что с августа 1918 года по октябрь 1919-го Япония ввела на территорию дальневосточного края 120 тысяч своих войск. Общая же численность войск интервентов здесь в начале 1919 года составила 150 тысяч человек». (Шишов А. Указ. соч. С. 289).

⁹ Шерешевский Б. М. В битвах за Дальний Восток (1920–1922). Новосибирск, 1974. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 13–14.

¹¹ Цит. по: Шишов А. Указ. соч. С. 297.

Потеряв надежду на восстановление в России прежнего режима, правительства США и стран Антанты приняли решение об отзыве своих войск из Сибири. Однако правительство Японии, не пожелав присоединиться к этому решению, продолжало оккупацию российской территории. С тем чтобы добиться вывода японских войск с Дальнего Востока, 24 февраля 1920 г. советское правительство официально предложило Токио «начать с мирных переговоров с целью гарантировать обоим народам мирное сожительство, добрососедские отношения и взаимное удовлетворение их обоюдных интересов».¹²

Хотя в японской оккупационной армии началось брожение и отмечались факты заключения соглашений о перемирии с местными русскими отрядами, далеко не все в Японии соглашались вернуть войска на родину, отказаться от целей интервенции. Предлогом для продолжения пребывания японских войск на российском Дальнем Востоке стали так называемые «николаевские события». Так как эти события и по сей день используются в Японии в качестве обоснования затянувшейся на годы интервенции, приведем как японскую, так и российскую версию произошедшего.

Японские историки пишут: «Революция в России 1917 года оказала глубокое влияние на капиталистические государства во всем мире. Борьба в каждом из таких государств рабочего класса и коммунистических организаций против капитализма увеличила социальную напряженность. Появление в России государства рабочих усилило у рабочих всех стран чувство солидарности с Россией как государством, порожденным революцией. В результате этого у них не могло не возникнуть мечты осуществить мировую революцию, которую провозгласили большевики.

Капиталистические государства стали на сторону представителей старого строя и их войск – Белой армии, что представляло вмешательство в Гражданскую войну. По настоянию трех государств Антанты два других государства – Япония и Соединенные Штаты под предлогом спасения Чехословацкого корпуса приняли решение о военной экспедиции в Сибирь. Чехословацкий корпус, сражавшийся в период Первой мировой войны вместе с германской армией, в результате революционных волнений, лишившись прежнего места своей дислокации, перемещался в Сибирь. В августе 1918 года войска Англии, Канады, Франции, Соединенных Штатов и Японии высадились во Владивостоке. Японские войска, нарушив договоренность о том, что их численность, как и американских вооруженных сил, будет составлять 7 тыс. человек, продолжали наращивать свою мощь и довели численность войск в максимальный период до 72,4 тыс. человек.

Что касается Гражданской войны, то, начиная с 1920 года, преимущество Красной армии стало очевидным, и в марте месяце того же года американские войска были полностью выведены на родину. Однако японская армия так не поступила. В феврале 1920 года произошел так называемый Николаевский инцидент, в результате которого жертвами партизан в городе Николаевске-на-Амуре стали 384 японских местных жителя и 351 японский военный. Поэтому японские войска продолжали находиться в России до октября 1922 года (а на Северном Сахалине – до 1925 года)».¹³

В одном из российских изданий на эту тему дается более подробное описание событий: «Николаевский инцидент произошел 12–14 марта 1920 года. Еще в начале февраля отряды красных партизан низовьев Амура захватили крепость Чныррах и до 28 февраля держали с суши в блокаде город Николаевск-на-Амуре, который занимали японский гарнизон и белогвардейцы. Японское командование заключило с партизанами соглашение, по которому обязывалось соблюдать нейтралитет и не вмешиваться в жизнь освобожденного партизанами города.

---

¹² Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 389.

¹³ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп.). М., 2000. С. 57–58.

Однако нейтралитет интервенты соблюдали недолго. В ночь на 12 марта японский гарнизон под командованием майора Исикава, по-самурайски вероломно нарушив недавнее соглашение, внезапно атаковал казармы партизан и их штаб. Однако нападавшие не добились желаемого и не застали амурских партизан врасплох. В ходе кровопролитных трехдневных боев японский гарнизон оказался наголову разгромленным и изгнанным из города.

Несколько позднее, после очищения Амура ото льда, в Николаевск-на-Амуре на военных судах прибыл крупный японский экспедиционный отряд с карательными функциями. Партизаны из-за своей малочисленности и плохой вооруженности, отсутствия боеприпасов не могли защищать освобожденный город и ушли из него вместе с местными жителями. Японцам, по сути дела, без боя достался обезлюдевший город, который прикрывал собой устье реки Амур».¹⁴

Желая отомстить за поражение в Николаевске-на-Амуре, японские каратели организовали в Приморье массовую резню – было убито и ранено свыше пяти тысяч человек, в их числе в топке паровоза сожжен один из руководителей Дальнего Востока Сергей Лазо. В апреле 1920 г. японцы силой разогнали во Владивостоке и других городах Приморья и в Хабаровске органы власти, разоружили местные войска. Под предлогом «защиты жизни и собственности соотечественников» в этом же месяце японские войска оккупировали Северный Сахалин.

Так как изгнание японских оккупантов с российской территории было признано советскими властями делом «сейчас непосильным», советское правительство в целях временного мирного урегулирования в восточных районах страны решило пойти на создание «буферного» демократического государства на Дальнем Востоке. 6 апреля 1920 г.

Учредительный съезд трудящихся Забайкалья в Верхнеудинске провозгласил образование самостоятельной Дальневосточной республики (ДВР), включившей в свой состав территорию от Байкала до Тихого океана. Одновременно советское правительство предложило Японии прекратить военные действия на Дальнем Востоке.

Неся потери в столкновениях с частями армии ДВР и партизанами, японцы согласились на переговоры. 14 июля 1920 г. между правительством ДВР и командованием экспедиционных войск на Дальнем Востоке был подписан договор о перемирии, после чего японские войска были выведены из Забайкалья. Потеряв поддержку японцев, бежали в Маньчжурию банды атамана Семенова. После своего освобождения Чита стала столицей Дальневосточной республики. Хотя японцы продолжали оккупировать Приморье и не желали отказываться от планов подчинения себе входящих в ДВР сибирских территорий, ситуация складывалась не в их пользу. В принятом 4 августа 1920 г. постановлении японского правительства говорилось: «Общее положение в Европе, победы советских армий на польском фронте, возрастающая опасность со стороны советского правительства, ощущаемая антипатия со стороны Соединенных Штатов и Китая, шаги, предпринятые Америкой в вопросе о Сахалине, общая подготовка Соединенных Штатов к войне... препятствуют нам полностью проводить наши политические проекты в Сибири... Операция против Амурской области должна быть приостановлена, но войска следует держать наготове».¹⁵

Понимая, что Москва рассматривает ДВР как временное образование, японское командование стремилось устранить из Народного собрания и правительства республики коммунистов и способствовать захвату власти в Приморье контрреволюционными силами. С этой целью в начале декабря 1920 г. при прямом участии японцев в Приморье были переброшены из Маньчжурии три дивизии белогвардейцев. Эти войска были использованы при организации

---

¹⁴ Шишов А. Указ. соч. С. 314.

¹⁵ Japanese Intervention in the Russian Far East. Washington, 1922. P. 60. Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. С. 32.

переворота с целью передачи в мае 1921 г. власти выполнявшему волю японцев «правительству Меркулова». Однако расширить масштабы мятежа за пределы Южного Приморья не удалось.¹⁶

Продолжение вооруженной борьбы Красной армии и партизан с интервентами, факты разложения и дезертирства солдат и офицеров японской экспедиционной армии вынудили Токио вступить в переговорный процесс. Обсуждение условий мирного урегулирования велось между ДВР и правительством Японии с августа 1921 г. по апрель 1922 г. в китайском городе Дайрене. Делегация ДВР предложила подписать договор, предусматривавший обязательства Японии эвакуировать все войска с Дальнего Востока. Однако японская сторона, отклонив это предложение, выдвинула свой проект, обязывающий ДВР: уничтожить все укрепления на границе с Кореей и в районе Владивостокской крепости; ликвидировать военный флот на Тихом океане; признать свободу проживания и передвижения японских военных чинов в ДВР; приравнять японских подданных к подданным ДВР в области торговли, ремесел, промыслов; предоставить японским подданным право собственности на землю, японским судам свободу плавания по рекам Амуру и Сунгари; передать Японии в аренду на 80 лет остров Сахалин; не вводить в ДВР коммунистического режима и др.¹⁷ Расценив подобные требования как направленные на превращение российского Дальнего Востока в японскую колонию, делегация ДВР решительно их отвергла. В ответ японская делегация заявила 16 апреля, что «в соответствии с указанием своего правительства она прерывает конференцию».

Чтобы укрепить свои позиции на переговорах, японцы организовали наступление белогвардейских частей из Приморья на Хабаровск. Пользуясь превосходством в силах, насчитывавшая 20 тысяч штыков армия белогвардейцев овладела Хабаровском и, координируя свои действия с японским командованием, изготавилась к броску в Амурскую область. Однако эти планы были сорваны. В начале 1922 г. армия ДВР нанесла поражение белогвардейцам при Волочаевке, а 14 февраля был освобожден Хабаровск. Последовавшие за этим попытки японцев и белогвардейцев вновь перейти в наступление были сорваны.

Негативное отношение к продолжению интервенции как внутри страны, так и за рубежом, в частности в США, побудило японское правительство вступить в переговоры уже не только с ДВР, но и с РСФСР. Конференция открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне. Началу переговоров способствовало заявление японского правительства о готовности до 1 ноября 1922 г. вывести войска из Приморья. Объединенная делегация ДВР и РСФСР потребовала эвакуации японских войск также с Северного Сахалина. Японцы, заявив о своем несогласии прекратить оккупацию острова, выдвинули прежний вариант своих условий. Это завело конференцию в тупик – 26 сентября она была прервана.

Вопреки обещанию об эвакуации войск японское правительство стало открыто готовить отторжение Приморья. Было заявлено о намерении, объединив Приморье и Маньчжурию, создать на их территории «буфер» под протекторатом Японии. Японская газета «Кокумин» в сентябре опубликовала высказывание начальника генерального штаба японской армии о том, что без создания русско-маньчжурского буфера «нельзя осуществить японские планы в Сибири и Маньчжурии».¹⁸ Становилось ясно, что по своей воле японские интервенты российский Дальний Восток не оставят.

1 сентября 1922 г. белогвардейские части вновь попытались перейти в наступление из Приморья на север. Однако части армии ДВР и партизанские отряды отбили их атаки, а затем, перейдя в октябре в контрнаступление, овладели опорным пунктом белых в районе Спасска. 15 октября был освобожден Никольск-Уссурийский, и войска ДВР вплотную подошли к Владивостоку. Здесь им путь преградили японские войска. 21 октября правительства РСФСР и

¹⁶ См. подробнее: *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР. М., 1974. С. 164–175.

¹⁷ Там же. С. 180.

¹⁸ *Шерешевский Б. М.* Указ. соч. С. 172.

ДВР направили ноту правительству Японии, в которой заявили решительный протест против «затягивания эвакуации и недопущения русских войск во Владивосток». ¹⁹ Оказавшись в окружении стянутых к Владивостоку частей регулярной армии и партизанских отрядов, японское командование вынуждено было подписать соглашение об эвакуации своих войск не позднее 25 октября 1922 г. В этот день Владивосток и весь Дальний Восток перешли под власть правительства Дальневосточной республики. В поздравительной телеграмме председателя Совнаркома РСФСР В. Ульянова (Ленина) говорилось: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР». ²⁰

13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР провозгласило-объявило власть Советов на всем Дальнем Востоке, а 16 ноября ВЦИК провозгласил ДВР составной частью РСФСР.

---

¹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1960. С. 624.

²⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45.

Глава вторая. «Хокусин» – экспансия на север

Сначала Китай, затем Россия

Завершение японской интервенции не привело к окончательному урегулированию отношений между РСФСР и Японией. Под японским контролем оставался оккупированный Северный Сахалин, страны не имели дипломатических отношений друг с другом, между ними отсутствовали торгово-экономическое, рыболовное и другие соглашения. Поняв, что одержать верх над Советской Россией в обозримом будущем вооруженным путем не удастся, деловые круги Японии выступили за развитие с ней экономических отношений. Распространению таких настроений объективно способствовало ослабление международных позиций Токио. Японское правительство вынуждено было согласиться с решениями Вашингтонской конференции 1922 г., ликвидировавшими исключительные привилегии Японии в Китае и установившими нормы для японского военного флота, – меньшие, чем для ее соперников. Как дипломатическое поражение было воспринято и прекращение действия англо-японского союза. Воспользовавшись ситуацией, американцы стали теснить Японию в Китае и на рынках стран Южных морей.

Движение за установление дипломатических отношений с СССР возглавил видный политический деятель, мэр Токио Симпэй Гото. По его инициативе в феврале 1923 г. начались неофициальные советско-японские переговоры. Тогда из-за обструкции антисоветски настроенного правого крыла японского правящего класса и активной деятельности в Японии белоэмигрантских организаций и групп добиться успеха не удалось. Однако заинтересованность деловых кругов в урегулировании существовавших проблем и установлении на долгосрочной основе условий экономического сотрудничества, в первую очередь в области рыболовства, побудили правительство объявить «новую политику» в отношении СССР. Немаловажное влияние на изменение японской политики в отношении северного соседа оказало признание его ведущими европейскими державами – в 1924 г. дипломатические отношения с СССР установили Великобритания, Италия, Франция. В мае 1924 г. в Пекине начались официальные советско-японские переговоры, которые завершились подписанием 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией.²¹

Согласно статье I конвенции, стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения. По настоянию японской стороны правительство СССР было вынуждено согласиться с положением конвенции о сохранении в силе Портсмутского договора. Однако при подписании документа конвенции уполномоченный СССР по указанию Москвы сделал специальное заявление. В нем говорилось о том, что «признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора».²² Тем самым советское правительство заявляло, что не считает себя политически связанным с положениями Портсмутского договора в той его части, где шла речь об уступке Японии Южного Сахалина.

Конвенция разрешала проблему вывода всех японских войск с территории оккупированного Северного Сахалина. Заинтересованные в продолжении эксплуатации нефтяных месторождений острова японцы соглашались на эвакуацию армии с Северного Сахалина только при

---

²¹ См. подробнее: СССР – Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений. М., 1978; Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

²² Русские Курилы. История и современность. М., 2002. С. 54.

условии сдачи им в концессию всех или, по крайней мере, 60 процентов скважин. В результате растянувшихся на месяцы переговоров по этому вопросу был достигнут компромисс о выделении Японии на срок от 40 до 50 лет 50 процентов площади нефтяных и угольных месторождений острова при условии уплаты концессионерами советским правительственным органам определенного процента от валовой добычи.

Несмотря на то что одной из статей конвенции предусматривалось заключение договора о торговле и мореплавании, японские власти всячески затягивали решение этого вопроса. Реализации открывавшихся перспектив развития двусторонних связей во всех областях препятствовала позиция Токио в отношении открыто действовавших (вопреки положениям конвенции) на территории Японии и ЮМЖД²³ белоэмигрантских организаций. К тому же недовольство нормализацией отношений выражали военные круги Японии, для которых Россия, а затем СССР являлись традиционным противником, под предлогом необходимости борьбы с которым армейские генералы выбивали для себя крупные бюджетные ассигнования.

Идеологи японского милитаризма убеждали свой народ, что Япония сможет занять достойное место в мире только на пути внешней экспансии. В японской прессе прямо заявлялось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и незащищенной островной страны».²⁴ На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии – северное и южное. Соответственно, в качестве основных вероятных противников назывались СССР и США. Подготовка к войне против СССР возлагалась главным образом на сухопутные войска, против США – на военно-морской флот. В Японии были приняты следующие геополитические термины: «хокусин» – «движение на север» и «нансин» – «движение на юг». Если вооруженное столкновение с США рассматривалось в те годы лишь как теоретическая возможность, то будущая агрессия против СССР приобретала вполне зримые очертания. Подтверждением этого является составление генеральным штабом армии конкретных планов ведения боевых действий на территории Советского Союза.

После провала интервенции в 1923 г. был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский».²⁵

Стремясь не допустить возобновления конфронтации с Японией, советское правительство в мае 1927 г. обратилось к Токио с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении. Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, японское правительство не желало связывать себя подобным соглашением. Его позиция сводилась к тому, чтобы «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий».²⁶

Против подписания пакта о ненападении с СССР выступило руководство японской армии. В генеральном штабе и военном министерстве считали, что новую войну следует начать как можно раньше, до того как СССР усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г., против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослаблен-

²³ ЮМЖД – Южно-Маньчжурская железная дорога.

²⁴ Токио нити-нити. 21.8.1922.

²⁵ Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 1. Токио, 1968. С. 258–259.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 92.

ная революцией и Гражданской войной Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий».²⁷

Усилившие свое влияние в политике японского государства, военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил один из идеологов милитаризма генерал Гиити Танака. 27 июня в Токио проходила так называемая «Восточная конференция», по итогам работы которой 7 июля был принят документ «Политическая программа в отношении Китая». В документе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она не исходила...» Ссылки на «обеспечение спокойствия» не могли затушевывать подлинные цели создателей документа, которые состояли в оккупации Маньчжурии и Монголии и превращении их в управляемые Японией марионеточные государства. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», – указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». Перспектива утверждения японской армии в Маньчжурии и Монголии создавала реальную угрозу Советскому Союзу. Для защиты дальневосточных границ страны в августе 1929 г. была создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА).

В то же время, несмотря на наличие в правящих кругах Японии противников развития связей с «большевистской Россией», установление дипломатических отношений способствовало активизации торгово-экономических связей. В 1928 г. была заключена советско-японская рыболовная конвенция. В 1929–1930 гг. объем торговли достиг 43,1 млн иен, в четыре раза превысив довоенный товарооборот между Японией и Россией.²⁸

В мае 1929 г. в СССР был принят первый пятилетний план экономического развития страны. Параллельно началось осуществление программы создания современной военно-технической базы для обороны государства, повышения мощи вооруженных сил до уровня перwokлассных европейских армий. Это беспокоило составителей японских планов войны против Советского Союза. В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление генерала К. Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения». Перед этим японский посол в Москве Х. Хирота рекомендовал начальнику генерального штаба проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири».²⁹ 29 марта 1931 г. военный атташе японского посольства в Москве подполковник Ю. Касахара писал в генеральный штаб: «Япония должна продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы».³⁰

Составленный в конце 20-х гг. генеральным штабом армии план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и из северных районов Кореи. Однако существовали сомнения в успехе такого десанта. Как указывают японские историки, после разгрома в 1929 г. китайских милитаристских банд и совершавших многочисленные нападения на дальневосточные районы СССР и КВЖД русских белогвардейцев «японская армия резко изменила свои взгляды на Красную армию».³¹

²⁷ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 302.

²⁸ Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 64.

²⁹ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 257. Л. 90.

³⁰ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 90.

³¹ Фудзивара Акира. Тайхэйё сэно си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 5.

После тщательного изучения военно-стратегической ситуации на Дальнем Востоке японские стратеги пришли к выводу о целесообразности, до нападения на СССР, укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток и Сибирь с нескольких направлений. Считалось, что для успеха военных действий необходимо в самом начале войны перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Осуществить это можно было только с территории Маньчжурии.

Так как овладение Маньчжурией было включено Японией в первостепенные стратегические планы завоевания господства в Восточной Азии, было решено, воспользовавшись разобщенностью великих держав в период разразившегося в конце 20-х гг. мирового экономического кризиса, в кратчайший срок оккупировать Северо-Восточный Китай. 18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся территория Маньчжурии была оккупирована японской армией.

Захват Маньчжурии был чрезвычайно масштабной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Япония в результате оказалась в прямом пограничном соприкосновении с СССР.

Японские военные историки признают, что «после оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции».³² Среди командования армии укреплялось мнение о том, что в результате овладения Маньчжурией Япония получила преимущества для проведения военных действий против СССР. Группа экстремистски настроенных офицеров и генералов предлагала осуществить нападение уже в ближайшем будущем. В докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахара, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения боеспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» Далее японский военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности».³³

Руководство СССР хорошо понимало, что выход японских вооруженных сил на советскую границу увеличивает опасность военного столкновения с Японией. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая на то, что отсутствие такого пакта не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М. М. Литвинов в беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзава, состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г., отметил, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном и ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. Он подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики».³⁴

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европей-

³² Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 319.

³³ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 257. Л. 91–92.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 746.

ско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от всевозрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии».³⁵ И это было действительно так. В начале 30-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы – Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, большая война с СССР тогда едва ли была возможна. Тем не менее, не желая сеять подозрения у западных держав по поводу отказа Японии от конфронтации с СССР, 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем».³⁶

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежало не только Приморье, но и вся территория к востоку от озера Байкал.³⁷

Вопрос о будущей войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к военному противостоянию прежде всего с СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии».³⁸ Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предлагалось воспользоваться заинтересованностью советского правительства в улучшении советско-японских отношений и изучить условия заключения пакта о ненападении с СССР.

Главный смысл предложений сторонников серьезной подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство участников совещания, хотя и понимали важность «китайского фактора», проголосовали за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который был определен как «противник номер один».

Агрессивные намерения японских армейских офицеров и генералов не остались незамеченными в столицах западных держав, которые были заинтересованы в военной конфронтации Японии с СССР и пытались ее стимулировать. Посол США в Японии Джозеф Грю доносил в госдепартамент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неиз-

³⁵ Цит. по: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.: Л., 1950. С. 237.

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 17.

³⁷ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 339–340.

³⁸ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

бежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь». ³⁹

В Советском Союзе верно расценивали складывавшуюся обстановку. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...» ⁴⁰

Подыгрывая ожиданиям западных политиков, японское правительство пыталось создать у них впечатление, что оккупация Маньчжурии предпринята с единственной целью – обрести плацдарм для войны с СССР. Еще за несколько месяцев до начала «маньчжурского инцидента» оно официально запросило английское и французское правительства, можно ли рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. При попустительстве руководства страны японские правые силы развернули шумную антисоветскую пропаганду, необоснованно стали требовать новых дополнительных льгот при оплате аренды рыболовных участков. 16 марта 1931 г. было совершено покушение на торгового представителя СССР в Токио.

Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая, в конце октября 1931 г. японское правительство в конце октября 1931 г. поручило своему послу Хирота обратиться в НКВД СССР с заявлением о том, что, мол, ходят слухи о помощи, якобы оказываемой СССР китайским войскам в Маньчжурии и направленной против Японии. В ответе НКВД было сказано, что СССР «уважает международные договоры, заключенные с Китаем, ... и считает, что политика военной оккупации, проводимая хотя бы под видом так называемой помощи, несовместима с мирной политикой СССР и интересами всеобщего мира». Тем не менее 19 ноября 1931 г. японское правительство вновь демонстративно и в жестких выражениях потребовало «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами, и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР». ⁴¹

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем невмешательстве в японо-китайский конфликт в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. Это, однако, не означало безучастного отношения Москвы к японской агрессии. 25 сентября 1931 г. газета «Правда» в передовой статье, озаглавленной «Военная оккупация Маньчжурии», писала: «Есть только одна сила, способная положить конец насилию империалистов над трудящимися Китая, – это победа рабоче-крестьянской революции в Китае под руководством китайской компартии. Рабочие и крестьяне Китая уже несколько лет ведут не без успеха вооруженную борьбу против империализма и Гоминьдана. Теперь, когда японский

³⁹ Цит по: *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939). М., 1957. С. 30.

⁴⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 296.

⁴¹ История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 277.

империализм пытается расправиться с китайским народом, рабочие всего мира поднимаются на защиту китайской революции.

Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием. Их сочувствие на стороне китайского народа».

Морально-политическая поддержка со стороны СССР китайского народа в его борьбе с оккупантами раздражала японские власти. В японской армии бряцали оружием, угрожая СССР войной. На советско-маньчжурской границе начались постоянные «пограничные инциденты». Провокационная активность японской военщины заставила советское правительство потребовать от правительства Японии прекращения антисоветской кампании, «систематически проводимой некоторыми военными кругами в Маньчжурии с целью осложнения отношений между Японией и СССР». Вместе с тем Москва предпринимала шаги по недопущению вооруженного столкновения между двумя странами. Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать военные действия явилось сделанное в июне 1933 г. Японии предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). При этом было принято во внимание, что японцы, недовольные восстановлением в декабре 1932 г. советско-китайских дипломатических отношений, сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Предпринимавшиеся советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать долгосрочное добрососедство с СССР. Японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало советское руководство принимать меры к укреплению обороноспособности страны. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь экспансии за рубежом, создания с опорой на военную силу обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

Заявив в марте 1933 г. о своем выходе из Лиги Наций, Япония, не обращая внимания на международное общественное мнение, демонстративно продолжала проводить экспансионистскую политику в Китае. Не ограничиваясь Маньчжурией, японские власти стремились расширить плацдарм для военных действий против СССР и Монгольской Народной Республики (МНР) путем широкого внедрения своей агентуры в Хинганскую провинцию, Внутреннюю Монголию и Синьцзян. Японская угроза побудила СССР и МНР заключить 27 ноября 1934 г. двустороннее соглашение о взаимной поддержке всеми мерами в целях недопущения военного нападения. Это нарушало планы японской военщины, которая с начала 1935 г. стала открыто организовывать на маньчжуро-монгольской границе провокации и вооруженные нападения. В марте 1936 г. был подписан протокол о взаимопомощи между СССР и МНР, по которому оба государства в случае военного нападения на одно из них обязались «оказывать друг другу всяческую, в том числе военную помощь».⁴² Подписание этого соглашения было использовано реакционными силами Японии для дальнейшего нагнетания в своей стране антисовет-

⁴² История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

ских настроений под лозунгами «агрессивности большевистской России», «борьбы с коммунистической опасностью».

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других, входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае. Предпринимаемые советским правительством меры по укреплению обороноспособности восточных районов страны оказали сдерживающее влияние на японских генералов, заставляли их переносить сроки осуществления военных планов в отношении СССР. Среди японских политиков и военачальников стало утверждаться мнение о том, что «решающему сражению с Советами» должна предшествовать быстрая победоносная война в Китае. Наряду с политическими и экономическими целями такой войны ставилась задача создать в Китае прочный тыл, опираясь на который можно было бы предпринять наступление против СССР. 7 августа 1936 г. японское правительство приняло секретное постановление, в котором указывалось: «Учитывая теперешнее состояние японо-советских отношений, при осуществлении северной политики, основное внимание в мероприятиях в отношении Китая следует направить на быстрое превращение Северного Китая в антикоммунистическую и прояпоно-маньчжурскую зону и также на то, чтобы весь Китай сделать антисоветским и прояпонским».⁴³ За месяц до развязывания японо-китайской войны, 9 июня 1937 г. начальник штаба размещенной в Маньчжурии японской Квантунской армии генерал Хидэки Тодзио телеграфировал в генеральный штаб: «Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны с СССР, наиболее целесообразной политикой является нанесение, прежде всего, удара, если позволят наши силы, по Нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу».⁴⁴

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо (Марко Поло), близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой «гарнизонной армии в Китае». Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

---

⁴³ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 195. Стенограмма Международного военного трибунала для Дальнего Востока. С. 5754.

⁴⁴ Там же.

«На границе тучи ходят хмуро...»

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцзяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться». ⁴⁵ Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 г. по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тысяч пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение. ⁴⁶

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была чисто символической. Так, с июля 1937-го по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха. ⁴⁷

Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось в качестве одной из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз». ⁴⁸

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше – 124. ⁴⁹ Всего же за три года, с 1936 по 1938 г., на границе был зарегистрирован 231 инцидент, из этого числа было 35 крупных столкновений. Японские источники дают еще большие цифры – 506 инцидентов за три года (1935–1937). Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки,

---

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 654–655.

⁴⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 72.

⁴⁷ Сапожников Б. Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.

⁴⁸ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 2.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172–173.

заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью».

В марте 1938 г. штаб размещенной в Маньчжурии Квантунской армии направил в центр документ под названием «Политика обороны государства», в котором предлагалось следующее: в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий (Корейская армия – японская армия, дислоцировавшаяся на территории Кореи. – *Примеч. авт.*) нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику.⁵⁰

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Восточной Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. Государственный секретарь США Корделл Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае».

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Цели организации конфликта не ограничивались лишь демонстрацией японских намерений западным державам. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая находилась в прямом подчинении императорской ставки. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить возможное выступление СССР против Японии».⁵¹

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор момента диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Начальник оперативного отдела японской императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии».⁵²

---

⁵⁰ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Токио, 1976. Т. 9. С. 727–729.

⁵¹ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 108–111.

⁵² Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.

В Японии немало тех, кто пытается оправдывать действия японской армии, предпринятые летом 1938 г. Для «обоснования» своей позиции они изобретают прямо-таки фантастические версии. Согласно одной из них хасанские события были спланированы и спровоцированы Москвой. Якобы в условиях усилившихся в конце 30-х гг. «антисталинских настроений в СССР» Кремль задался целью отвлечь народ от внутренних проблем, создав в стране обстановку военной опасности.

Авторы этой версии пишут: «В то время японская армия перехватила советские кодированные телеграммы и частично их расшифровала. Генеральный штаб проявил особый интерес к двум из них. В одной сообщалось, что в пограничных отрядах боеприпасов осталось менее половины положенного запаса, и делался запрос о восполнении необходимого боекомплекта. Во второй – предписывалось незамедлительно занять высоту Тёкохо (Заозёрная. – *Примеч. авт.*). Это были провоцирующие японскую армию телеграммы в расчете на то, что они будут расшифрованы. Японская армия поддалась на эту провокацию. Она сочла необходимым, предупредив советские войска, занять высоту Тёкохо. Тем более что у советских пограничников не было боеприпасов».

По другой версии конфликт был организован советской стороной с целью оказания косвенной помощи Китаю в его сопротивлении японской агрессии.

В условиях, когда японское правительство упорно отвергало предложения СССР о заключении пакта о ненападении, а опасность советско-японского вооруженного столкновения становилась постоянным фактором, советское руководство было вынуждено проявлять заботу об укреплении обороноспособности в восточных районах своей страны. Увеличивалась численность войск, на Дальнем Востоке появились танковые и авиационные части, усиливался Тихоокеанский флот, шло строительство укрепленных районов. Эти меры имели оборонительный характер и не превышали необходимого для защиты границ уровня. «Поскольку оккупация Маньчжурии была предпринята исходя из стратегии войны против СССР, необходимость увеличения войск возникала не для Японии, а, наоборот, для Советского Союза», – указывал японский военный историк Акира Фудзивара.

Наряду с усилением группировки советских войск оборудовались в инженерном отношении ранее не укрепленные участки советско-маньчжурской границы. Одним из таких пограничных участков и были высоты Заозёрная и Безымянная, находившиеся к западу от озера Хасан.

Как сообщают японские источники, 6 июля 1938 г. на вершине высоты Заозёрная были замечены несколько советских конных дозорных, а затем там появились солдаты, которые приступили к рытью окопов. Об этом было доложено командующему японской Корейской армии генералу Куниаки Коисо. Командующий сначала не придавал сообщению особого значения, но рапорт в Токио все же направил.

В отличие от Коисо, в оперативном управлении генштаба проявили к сообщению немалый интерес. Генштабисты и ранее подумывали о том, каким образом испытать силу Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, особенно после того, как она 1 июля 1938 г. была преобразована в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Японскому командованию важно было также проверить имевшуюся у него информацию о состоянии советских войск в Приморье, полученную от перебежавшего 13 июня 1938 г. к японцам начальника управления НКВД по Дальневосточному краю комиссара 3-го ранга Г. Люшкова. В генштабе родилась идея: «Атаковав советских солдат на высоте Тёкохо, выяснить, как будет реагировать на это Советский Союз. Воспользовавшись случаем, протиснуть силу Советов в этом районе».

Предлагая провести разведку боем именно на этом участке границы, офицеры генштаба учитывали, что здесь советскому командованию будет весьма непросто развернуть войска, находившиеся в 150–200 км от высоты Заозёрная. Принималось во внимание и то, что к пограничным сопкам вела лишь одна размытая дождем грунтовая дорога. Это затрудняло быстрое

сосредоточение в данном районе советской тяжелой техники и артиллерии. С другой стороны, маньчжуро-корейская дорога отстояла от высоты Заозёрной лишь на 6 км. Старший офицер ставки подполковник Тосио Нисимура свидетельствовал после войны, что эти факторы позволяли рассчитывать на успех японского удара.

Однако если офицеры генштаба среднего звена отрабатывали оперативно-тактические вопросы предстоявшей операции, высшее военно-политическое руководство страны придавало намечавшейся провокации уже важное стратегическое значение.

Планируя начало широкомасштабной войны в Китае, японское руководство было весьма озабочено позицией СССР в отношении новой агрессии Японии на континенте. Как отмечалось выше, японским военным и политикам было важно выяснить, не окажет ли в этом случае Москва прямую военную помощь Китаю силами своих регулярных войск. С этой целью за десять дней до вторжения в Китай японцы спровоцировали вооруженный инцидент в районе Константиновских островов на Амуре, которые советская сторона считала своими. 29 июня 1937 г. японские солдаты неожиданно высадились на эти острова. Пограничники оказали сопротивление. В завязавшейся перестрелке было убито и ранено несколько советских моряков, потоплен бронекатер, серьезно повреждены другие суда.

Тогда советское правительство предпочло урегулировать инцидент дипломатическим путем. Для японцев это было важным сигналом, свидетельством того, что СССР стремится избегать обострения отношений с Японией. В японской исторической литературе есть указание на то, что занятая Москвой во время этого инцидента примирительная позиция была учтена при принятии японским правительством решения о начале 7 июля 1937 г. войны в Китае.

Вопреки японским расчетам, советское правительство не осталось безучастным по отношению к агрессии Японии в Китае. 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был заключен договор о ненападении. Содержание этого договора не ограничивалось лишь обязательствами сторон не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими захватчиками. В Токио это хорошо понимали.

Японцы рассматривали советскую помощь Китаю как вмешательство СССР в японо-китайскую войну и предпринимали попытки выступать с дипломатическими протестами по этому поводу. Их опасения усиливала поступающая информация о том, что правительство Чан Кайши и лидеры западных держав все настойчивее подталкивают Москву к прямому участию в войне в Китае.

При анализе замыслов японской ставки по использованию пограничного инцидента в районе озера Хасан важно учитывать тогдашнюю обстановку, сложившуюся на китайском театре военных действий. В июне 1938 г. в экспедиционную армию в Китае ставкой была направлена директива о проведении операции по овладению трехградьем Ухань, объединявшим крупные промышленные центры – Учан, Ханьян и Ханькоу. 15 июня был отдан приказ о подготовке операции по захвату Ханькоу.

Летом 1938 г. две трети всех сухопутных сил Японии, а именно 23 дивизии, находились на китайском фронте. Против СССР в Маньчжурии и Корее имелось девять дивизий. В метрополии оставались лишь две дивизии. В этих условиях провоцировать начало войны с СССР было рискованно. Второе управление генштаба (разведка) считало, что в случае войны СССР сможет выставить на Дальнем Востоке от 31 до 58 стрелковых дивизий, что значительно превышало японские возможности.

И все же в Токио решили рискнуть и путем проведения ограниченной по масштабам операции выяснить, не нанесет ли СССР удар в тыл японским войскам, когда они будут заняты овладением Уханью. Замысел оперативного управления генштаба предусматривал: «Провести бои, но при этом не расширять сверх необходимости масштабы военных действий. Исключить

применение авиации. Выделить для проведения операции одну дивизию из состава Корейской армии. Захватив высоты, дальнейших действий не предпринимать».

В исторической литературе со ссылкой на материалы Токийского процесса утверждается, что «22 июля на совещании пяти ведущих министров японского правительства план нападения на советскую территорию в районе озера Хасан был одобрен императором». Появившиеся в послевоенные годы дополнительные сведения позволяют внести в это утверждение некоторые коррективы.

Итак, 14 июля временный поверенный в делах Японии в СССР Харухико Ниси по указанию Токио потребовал незамедлительного отвода советских войск с высот Заозёрная и Безымянная. 20 июля такое же требование выдвинул перед наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым срочно вернувшийся в Москву из поездки в Северную Европу посол Японии в СССР Мамору Сигэмицу. Он подчеркнул, что по соглашению с Маньчжоу-Го Япония взяла на себя обязательства защищать маньчжурскую границу, не останавливаясь перед использованием силы. Советский нарком решительно отверг требование японского правительства и заявил, что Советский Союз «посягательств на свою территорию не допустит». Японскому послу была предъявлена приложенная к российско-китайскому Хунчунскому договору 1886 г. карта, согласно которой граница была определена по вершинам высот Заозёрная и Безымянная. Но посол, игнорируя этот документ и доводы советской стороны, продолжал стоять на своем. Впоследствии в своих мемуарах посол Сигэмицу признал, что «возможности разрешить конфликт путем удовлетворения односторонних требований японской стороны об отводе войск с самого начала были невелики». Понимали это и генералы из императорской ставки, целью которых было не урегулирование конфликта, а проведение запланированной операции.

20 июля военный министр Японии Сэйсиро Итагаки и начальник генерального штаба Номия Канъин запросили аудиенции императора. Они намеревались получить его санкцию как главнокомандующего на применение войск и мобилизацию для проведения операции в районе озера Хасан. Хотя они и заявляли, что эти действия поддерживают и другие министры, в действительности не все высшие чиновники разделяли мнение о необходимости военных действий против СССР в Приморье. Некоторые из них – министр иностранных дел Иссэй Угаки, военно-морской министр Мицумаса Ионаи, министр внутренних дел Курахэй Юаса – опасались начала войны с СССР. Такая перспектива пугала и императора Хирохито.

В условиях затягивания войны в Китае, победить в которой японские генералы обещали за три месяца, император уже с большей осторожностью воспринимал предложения военных о применении войск. Близкие к нему придворные и личные советники убеждали монарха в неготовности Японии воевать с СССР. Хирохито весьма обескуражил военного министра Итагаки, явившегося за разрешением на проведение операции против советских войск. Император с раздражением бросил министру: «Впредь чтобы ни один солдат и шаг не ступил без моего указания». Это, однако, не означало, что император был против проведения операции в районе Хасана. Он лишь стремился держать ситуацию под своим контролем.

После неудачной аудиенции вопрос о начале военных действий оставался открытым. В этой ситуации ставка поручила полковнику Инада отправить в Корейскую армию телеграмму следующего содержания: «Пока рассчитывать на директиву ставки о начале применения войск не приходится... Действуйте по обстановке». Японские историки склонны считать, что эта шифровка сознательно была составлена столь двусмысленно. По сути дела, она давала возможность командирам на местах действовать самостоятельно, что в конце концов и произошло.

Район инцидента входил в зону ответственности 19-й дивизии из состава Корейской армии. В ставке знали о том, что командир этой дивизии генерал-лейтенант Камэдзо Суэтака рвался в бой. Еще 21 июля он придвинул к высотам Заозёрная и Безымянная свой 75-й пехотный полк, который готовился к наступлению. Так как приказ из центра задерживался, Суэтака решил ускорить события. 29 июля, воспользовавшись туманом, он отдал распоряже-

ние захватить Безымянную. Преодолев сопротивление погранотряда численностью в 11 человек, японцы овладели высотой. Хотя подоспевшая на помощь рота поддержки из 40-й стрелковой дивизии успешно контратаковала противника, столкновения продолжались.

30 июля японским генштабом было дано разрешение Корейской армии «применять силу в случае незаконного нарушения границы». Оправдывая свои действия, Суэтакэ 31 июля доложил в центр, что советские войска вновь нарушили границу и изготавились к превентивному удару. В Токио не осудили самовольные действия 19-й дивизии, хотя и предостерегли ее командование от дальнейшего расширения конфликта.

В результате предпринятого наступления батальоны 75-го пехотного полка 19-й дивизии при поддержке артиллерии вклинились вглубь советской территории на 4 километра и вышли к населенным пунктам Пакшекори и Новосёлки, расположенные к северо-востоку от озера Хасан. Это уже была неприкрытая агрессия, захват территории сопредельного государства.

Докладывая о действиях 19-й дивизии императору, заместитель начальника генштаба Хаяо Тада заверил монарха в том, что японская армия не будет дальше развивать наступление. В ответ Хирохито «выразил удовлетворение».

Агрессивные действия японской армии нарушали территориальную целостность СССР. Поэтому 1 августа И. Сталин лично приказал командующему Дальневосточным фронтом маршалу В. Блюхеру в кратчайший срок выбить японцев с захваченной территории. Он говорил в телефонном разговоре маршалу: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что вам следовало бы выехать на место немедленно... Товарищ Блюхер должен показать, что он остался Блюхером периода Перекопа...»⁵³

Раздражение Сталина можно понять – на глазах у всего мира японцы совершали против СССР откровенную вооруженную провокацию, вторглись в пределы страны. Однако эти упреки в адрес Блюхера нельзя считать полностью обоснованными. Во-первых, без приказа из центра Блюхер не мог использовать силы стратегического назначения, что было бы чревато опасностью начала войны. Из сообщений разведки ему было известно, что в боевую готовность приводилась не только Корейская, но и Квантунская армия. Во-вторых, командующий Дальневосточным фронтом из-за особенностей местности не мог быстро сосредоточить на узком участке между границей и озером Хасан крупные силы.

3 августа резидент советской разведки в Японии Рихард Зорге сообщил в Москву: «... Японский генеральный штаб заинтересован в войне с СССР не сейчас, а позднее. Активные действия на границе предприняты японцами, чтобы показать Советскому Союзу, что Япония все еще способна проявить свою мощь».⁵⁴ В тот же день после заседания ЦК ВКП(б) нарком обороны К. Ворошилов направил командованию Дальневосточного фронта директиву, в которой потребовал сосредоточить в районе конфликта 39-й стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий и одной механизированной бригады. Наркомом была поставлена задача восстановить государственную границу. 4 августа он отдал приказ о приведении в боеготовность всех войск Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа.

За двое суток в районе боевых действий удалось сосредоточить 15 тысяч человек, 1014 пулеметов, 237 орудий, 285 танков. Всего же в составе 39-го стрелкового корпуса насчитывалось до 32 тысяч человек, 609 орудий и 345 танков. Для поддержки действий наземных войск было выделено 250 самолетов (180 бомбардировщиков и 70 истребителей).

Получая сведения о сосредоточении в районе конфликта столь сильной группировки советских войск, японское правительство проявило серьезную обеспокоенность. 4 августа

---

⁵³ Приказы народного комиссара обороны СССР: 1937 – 21 июня 1941 г. / Сост. Емелин А. С. и др. М., 1994. С. 59.

⁵⁴ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 147.

посол Сигэмицу передал Литвинову предложение Токио: прекратить военные действия с обеих сторон и без промедления приступить к урегулированию конфликта. В ответ нарком подтвердил требование правительства СССР: незамедлительно отвести японские войска за линию границы. Однако в Токио соглашались отступить, оставляя за собой высоты Заозёрную и Безымянную, на которых спешно возводились укрепления. Было ясно, что японцы стремились начать переговоры, с тем чтобы успеть закрепиться на захваченных высотах.

Выполняя директиву Москвы, командир 39-го стрелкового корпуса комкор Г. Штерн отдал приказ перейти 6 августа в общее наступление и одновременными ударами с севера и юга зажать и уничтожить войска противника в полосе между рекой Тумень-Ула и озером Хасан. Начавшиеся ожесточенные бои продолжались до 9 августа. За четыре дня японские войска были выбиты с захваченной территории. 10 августа начальник штаба 19-й дивизии полковник Ёсиаки Накамура вынужден был телеграфировать начальнику штаба Корейской армии: «С каждым днем боеспособность дивизии сокращается. Противнику нанесен большой урон. Он применяет все новые способы ведения боя, усиливает артиллерийский обстрел. Если так будет продолжаться и далее, существует опасность перерастания боев в еще более ожесточенные сражения. В течение одних-трех суток необходимо определиться по поводу дальнейших действий дивизии... До настоящего момента японские войска уже продемонстрировали противнику свою мощь, а потому, пока еще возможно, необходимо принять меры по разрешению конфликта дипломатическим путем».⁵⁵ Как отмечают японские историки, это было «криком о помощи».

В тот же день по указанию Токио посол Японии в СССР Сигэмицу спешно явился в Наркоминдел и вновь предложил, прекратив военные действия, приступить к переговорам. Советское правительство дало согласие, и в полдень 11 августа военные действия были прекращены. К этому времени все захваченные японцами пограничные высоты (Заозёрная, Безымянная, Богомольная, Пулемётная) были освобождены и заняты советскими войсками.

Предпринятая по инициативе японской императорской ставки, военного министерства и генерального штаба Японии операция в Приморье стала серьезным испытанием для советских дальневосточных войск. В событиях в районе озера Хасан Красная армия впервые после Гражданской войны вступила в сражение с кадровой армией крупного и сильного в военном отношении государства. О масштабах развернувшихся сражений свидетельствуют данные о потерях сторон. По числу убитых и раненых эти события выходят на уровень локальной войны.

По сообщению ТАСС от 15 августа 1938 г., японцы потеряли 600 человек убитыми и 2500 ранеными. Японская же «Официальная история войны в великой Восточной Азии» дает несколько иные цифры: 1440 погибших и раненых, или 22,1 процента от числа принимавших непосредственное участие в боях (6914 человек). Особенно велики были потери в 75-м пехотном полку – 708 человек убитыми и ранеными, что составило 51,2 процента от списочного состава полка. Как отмечают японские авторы, «обычно при потерях в 30 процентов воинская часть теряет боеспособность, а 50 процентов потерь – это разгром».

Пытаясь оправдать столь большие потери, японские авторы утверждают, что Дальневосточной армии был нанесен еще больший урон, а именно: общие потери Красной армии оцениваются в 5500 человек (1200 убитыми). Согласно же проведенному в 90-е гг. отечественными историками на основе архивных документов исследованию, части Дальневосточной армии потеряли 4071 человека (792 убитыми). О масштабах и ожесточенности боев говорит и то, что среди участвовавших в хасанских событиях советских военнослужащих 26 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, 95 человек награждены орденами Ленина, 1985 – орденами Красного Знамени, 1935 – орденами Красной Звезды, 2485 – медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

⁵⁵ Фудзивара Акира. Ниттю дзэмэн сэно (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154–155.

Многие японские военные историки дают в своих трудах в целом объективную оценку хасанским событиям. Так, упоминавшийся выше профессор Фудзивара приходит к такому заключению: «Конфликт на Тёкохо (Заозёрная) начинался лишь как один из пограничных инцидентов. Однако он был сознательно расширен по умыслу императорской ставки. Конечно, в условиях разрастания японо-китайской войны у центрального командования сухопутных сил не могло быть намерения начинать еще и большую войну с СССР. Однако перед началом операции по захвату Ухани было решено использовать 19-ю дивизию для провоцирования советского командования с целью выяснить, нет ли у СССР намерения вмешаться в войну в Китае... Ценой огромных потерь все же удалось добиться поставленной цели. Как показала предпринятая разведка боем, советское правительство не имело планов вступления в японо-китайскую войну».

Следует отдать должное советским обвинителям, выступавшим на Токийском процессе. При ограниченности документальной базы (в Японии успели до начала процесса уничтожить или сокрыть касавшиеся хасанских событий документы и материалы) они сумели вскрыть подлинный характер предпринятой летом 1938 г. японской провокационной вылазки на советскую территорию. Объективность проявили и судьи Токийского трибунала. В приговоре указывалось: «Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующей над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и Приморью... Трибунал также считает установленным, что военные действия были начаты японцами... Трибунал считает, что операции японских войск носили явно агрессивный характер».

Халхин-гольская авантюра

Потерпев поражение, японцы тем не менее частично добились целей проведения провокации – продемонстрировали западным державам намерение продолжать конфронтацию с СССР и убедились в стремлении советского правительства избегать непосредственного вовлечения Советского Союза в японо-китайскую войну. Однако заставить советское правительство СССР отказаться от поддержки Китая не удалось – советская помощь борющемуся с захватчиками китайскому народу продолжалась.

Весной 1939 г. в Токио рассчитывали, что в обстановке угрозы германского нападения СССР не сможет использовать крупные силы в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. При этом в качестве главной политической уступки неизменно рассматривался отказ советского правительства от оказания помощи и поддержки Китаю в его борьбе против японской агрессии. Ради этого военно-политическое руководство Японии было готово даже идти на риск большой войны с СССР.

После хасанских событий пришлось вносить коррективы в японские оперативно-стратегические планы войны против СССР. С осени 1938 г. генеральный штаб японской армии разрабатывал новый вариант плана, закодированный как «Операция № 8». Отличительной особенностью этого варианта было нанесение основного удара не в Приморье, а через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Генеральный штаб изыскивал такое место для удара, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз значительно укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской армией крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) основное внимание обычно уделяется в основном военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную вылазку против Советского Союза, командование японской армии преследовало цель проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении. Японских военных интересовала также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. Японская «Официальная история» признает: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения – как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР».⁵⁶

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо глубже, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Как уже отмечалось, главная из них состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше мирно уладить японо-китайский конфликт, разумеется, на японских условиях.

---

⁵⁶ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. С. 585.

Во-вторых, события на Халхин-Голе рассматривались японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают японские документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхин-гольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией».⁵⁷

Речь шла о переговорах, касающихся заключения между Японией и Великобританией так называемого «соглашения Арита-Крейги», которое вошло в историю как дальневосточный вариант «мюнхенского сговора». По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхин-гольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Это со всей определенностью было оговорено в японо-английском соглашении, которое гласило: «Правительство Объединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику.

Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...» Заключенное 22 июля 1939 г. в разгар халхин-гольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Хориноути убеждал госсекретаря Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

В результате, хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно много оснований полагать, что не последнюю роль при этом сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла какого-либо ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 г. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Рихард Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «...Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и

⁵⁷ Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.

Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам».⁵⁸

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с японской позицией. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению “нового порядка” в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

Токио было известно и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после завершения войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента».⁵⁹

Хотя в официальной японской историографии утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведуправление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле – августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот “инцидент”.

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

---

⁵⁸ Русский архив. Т. 18. С. 156.

⁵⁹ War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. New York; London, 1980. P. 105–106.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР».⁶⁰

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из оперативного управления генштаба полковник Тэрада и подполковник Хаттори. В районе намечавшихся военных действий была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной армии». Сам командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Комацубара слыл знатоком «психологии красных», так как до этого был военным атташе в Москве.

К концу апреля подготовка к проведению операции была завершена. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Инструкция гласила, что «все прежние указания отменяются».⁶¹ Очевидно, что издать подобную, провоцирующую войну с СССР, инструкцию командующий Квантунской армии без согласования с центром не мог. Скорее, наоборот, указания об издании такой инструкции были получены из Токио.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая 1939 г. советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе спешно направлялись советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции.

28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан». В тот же день генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запросил о дополнительных нуждах армии в увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, но, по данным разведки, Токио направил командованию Кван-

---

⁶⁰ Русский архив. Т. 18. С. 114.

⁶¹ *Симада Тосихико*. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

тунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

В Кремле было решено, не допуская перерастания халхин-гольских событий в войну, в то же время преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Г. К. Жуков, которому было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола. О том, как оценивались столкновения с японцами советским командованием, Г. К. Жуков рассказывал в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»:

«Войдя в кабинет, я отпартовал наркому о прибытии. К. Е. Ворошилов, справившись о здоровье, сказал:

– Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защитить от всякой внешней агрессии. Вот карта района вторжения с обстановкой на 30 мая.

Я подошел к карте.

– Вот здесь, – указал нарком, – длительное время проводились мелкие провокационные налеты на монгольских пограничников, а вот здесь японские войска в составе группы войск Хайларского гарнизона вторглись на территорию МНР и напали на монгольские пограничные части, прикрывавшие участок местности восточнее реки Халхин-Гол.

– Думаю, – продолжал нарком, – что затеяна серьезная военная авантюра. Во всяком случае, на этом дело не кончится... Можете ли вы вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

– Готов вылететь сию же минуту».

Последовавшие события хорошо известны. После кровопролитных боев в июне-июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием Г. К. Жукова нанесли сокрушительный удар японским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения была завершена. Японская авантюра закончилась полным крахом.

По опубликованным советской стороной данным, всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тысячи убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тысячи человек ранеными и убитыми.

Характеризуя халхин-гольские события, И. В. Сталин говорил 28 сентября Риббентропу:

«...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались».

Как известно, военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Р. Зорге следующим образом характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривосточный кризис.

Рамзай».⁶²

То же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта.

Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Хал-хин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому послу А. С. Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу».⁶³

При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в оси «Токио – Берлин» трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

Халхин-гольское поражение свидетельствовало об авантюристичности и порочности японской политики и стратегии. Было очевидно, что Японии не под силу военное противостояние с СССР. В ее интересах было перейти от конфронтации к установлению мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю советское правительство.

---

⁶² Русский архив. Т. 18. С. 158.

⁶³ Рахманин О. Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 9.

Глава третья. Дипломатические маневры Токио и Москвы

Номонханский синдром

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Международная ситуация складывалась не в пользу Японии. Китай продолжал упорное сопротивление, японские войска потерпели сокрушительное поражение на Халхин-Голе, Германия, как тогда считалось, «изменила» Японии, заключив с Советским Союзом пакт о ненападении, напряженными оставались японо-американские отношения. После того как 4 сентября закончилось формирование нового кабинета министров во главе с генералом в отставке Нобу-юки Абэ, 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства».⁶⁴

Хотя подписание советско-германского пакта о ненападении рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместной с Германией борьбы с «большевистской Россией», японское военно-политическое руководство не стало обострять отношения с Берлином, ограничившись направлением формальной ноты протеста.

Среди японских историков распространены утверждения о том, что после номонханского фиаско в Японии якобы отказались от конфронтации с СССР, а Москва, одержав победу, обеспечила безопасность своих дальневосточных границ. Японские авторы пишут: «Антикоминтерновский пакт, заключенный в 1936 году между Японией и Германией, посеял семена беспокойства у Советского Союза, который шел по пути строительства коммунизма. В 1938 году произошло локальное столкновение японских и советских войск у небольшой сопки Чжанку-фэн (Заозёрная) в зоне государственной границы между Восточной Маньчжурией и Советским Союзом. А летом следующего года произошло также столкновение в зоне государственной границы между Западной Маньчжурией и Монголией в районе Номонхан (у реки Халхин-Гол) между японскими и советскими войсками. Монголия тогда была государством-сателлитом СССР, и на ее территории дислоцировались советские войска. Само столкновение произошло в районе, в котором отсутствовала четкая демаркация государственной границы. В результате Квантунская армия потерпела серьезное поражение, а СССР одержал победу и тем самым выполнил трудную задачу по обороне Сибири и Дальнего Востока».⁶⁵

Однако в действительности японские стратеги из числа как военных, так и политиков продолжали рассматривать Советский Союз в качестве одного из основных потенциальных противников. После халхин-гольских событий было решено «максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР».⁶⁶ В декабре 1939 г. был принят «Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск». В целях высвобождения необходимых для будущей войны сил планировалось при необходимости резко сократить

---

⁶⁴ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 316.

⁶⁵ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 59.

⁶⁶ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 4.

число японских войск в Китае (с 850 тысяч до 500 тысяч). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить количество бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения этой подготовки – середина 1941 г.⁶⁷

Чтобы обеспечить благоприятные международные условия для осуществления этой программы, было признано целесообразным предпринять дипломатические шаги, призванные на определенный период нормализовать японо-советские отношения. Стало высказываться мнение о полезности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхин-гольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Как и прежде, ставилась цель попытаться в обмен на пакт о ненападении добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 г. японским правительством документе «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств» по поводу Советского Союза говорилось: «Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю».⁶⁸

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении В. М. Молотов поставил вопрос, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с И. В. Сталиным министр иностранных дел Германии И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи «не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем». Сталин предупредил собеседника: «Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны».⁶⁹

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 г. Из германской записи беседы:

«...Г-н министр (Риббентроп) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, сославшись на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

---

⁶⁷ Нихон рэкиси (История Японии). Т. 20. Токио, 1977. С. 8.

⁶⁸ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 9.

⁶⁹ Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 62–63.

Г-н Сталин ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Сталин, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой...»⁷⁰

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японии легче было подтолкнуть к действиям против Великобритании на Дальнем Востоке. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы нейтрализовать Лондон. «Оказавшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать», – заявлял он.⁷¹ На встречах с японским послом в Берлине Х. Осима Риббентроп говорил: «Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы». Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику.⁷²

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезосновательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: «Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств».⁷³ При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 г. занимавший ранее пост премьер-министра князь Фумимаро Коноэ сообщил германскому послу в Токио Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, продемонстрированного Красной Армией в боях в районе Номонхана».⁷⁴

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшала надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 г. попыталось получить официальное подтверждение японского МИД о том, что пакт о ненападении не входит в программу переговоров Токио с Москвой. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в антисоветскую

⁷⁰ Документы внешней политики (Далее ДВП). 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 616.

⁷¹ *Presseisen E. L. Germany and Japan. The Hague, 1958. P. 219.*

⁷² *Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 436.*

⁷³ «Мияко». 1939. 13 декабря.

⁷⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 182.

кампанию, поднятую в США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и гоминь-дановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание войны между СССР и Японией, были откровенно высказаны командующим 5-го военного района Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А. С. Панюшкиным. 12 октября 1939 г. он говорил: «Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией». Генерал заявил, что эта точка зрения «поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши». ⁷⁵

Для того чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939 – начале 1940 г. ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помощь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать советское правительство возможностью получения после войны китайских территорий для размещения советских военных баз на Ляодунском и Шаньдунском полуостровах. ⁷⁶ Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период, с тем чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении вселял у Сталина надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Считалось, что будет не трудно побудить переживающих «номонханский синдром» японцев хотя бы на время отказаться от враждебных выпадов в отношении Советского Союза. Однако в Японии большое влияние сохраняли сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против самой идеи пакта о ненападении, заявляя, что она «подрывает идеологические основы Японии». ⁷⁷ 16 января 1940 г. министр иностранных дел Японии Хатиро Арита заявил: «Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта – дело отдаленного будущего и не очень полезное». ⁷⁸ Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март – апрель 1940 г.) прозвучало предупреждение: «В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно». ⁷⁹

⁷⁵ ДВП. 1939 г. С. 267.

⁷⁶ ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн.1. 1 января – 31 октября 1940. М., 1995. С. 29.

⁷⁷ Lensen G. A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Florida, 1972. P. 6.

⁷⁸ «Асахи». 1940. 17 января.

⁷⁹ Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта – 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 41.

Позиция Японии в отношении СССР изменилась только после поражения Франции в мае – июне 1940 г. и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого им надо было обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР С. Того 1 июня 1940 г. Молотов заявил, что он готов «говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем».⁸⁰

Эту мысль Молотов в более развернутом виде развивал перед Того через неделю после того, как было достигнуто принципиальное согласие сторон по поводу заключения Соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 г.:

«Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. "Кроме того, – добавляет Того, – мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов".

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно если есть понимание друг друга. "Я рад заявлению тов. Молотова, – продолжает Того, – и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам"».⁸¹

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом «коренные вопросы» подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение на попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, существовали противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Вот что писал об этом в своих мемуарах Того:

«Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на *modus vivendi* без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я рекомендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

---

⁸⁰ ДВП. Т. XXIII. С. 304.

⁸¹ Там же. С. 120–121.

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым». ⁸²

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на то, чтобы параллельно обсуждению рыболовных и торговых проблем велись переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 г.

В Кремле понимали, что сам факт подобных переговоров может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете, был присвоен гриф высшей секретности – «особая папка». Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 г. состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы:

«Того: ...За последние 2–3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желают столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее тов. Молотов просит уточнить слова: "не нападать" или "не помогать одной из нападающих стран". Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать

---

⁸² Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 207–208.

нападающей стороне и не нападать, – правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того: излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 г. между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю, и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны.

Того говорит, что он с удовлетворением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помощь и не будет оказывать такую помощь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помощь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помощь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белорусами. – *Примеч. авт.*), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете». ⁸³

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на «не предоставление помощи чунцинскому режиму», он сообщает, что со своей стороны Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того пишет:

«В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировки со странами, враждебными стороне-участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о не предоставлении помощи чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на добычу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а Советы – прекратить помощь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом». ⁸⁴

Согласие прекратить помощь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитете явилось серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир прошлогодний дипломатический разворот в отношениях с Германией. Задача обеспечения безопасности своего государства как с Запада, так и с Востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрастала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере – против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 г., пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, Чан Кайши заявил: «Некоторая часть американцев опасается, что СССР может пойти на соглашательство с Японией». Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как «слухи». Он отвечал Чан Кайши: «Подобное мнение, конечно, ни на чем не основано. Оно просто смехотворно. По крайней мере, известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения». Далее он заверил своего собеседника в дружбе

---

⁸³ ДВП. Т. XXIII. С. 400–406.

⁸⁴ Там же.

и верности Советского Союза: «Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помощь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу».⁸⁵

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в состоявшейся 22 июля беседе с заместителем начальника генштаба Китая Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: «Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например, о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помощи и т. д.». И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: «Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей – Ленина и Сун Ятсена, Сталина и Сун Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу».⁸⁶ Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской политики в отношении Китая.

Однако дипломатический «блиц» на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 г. к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Японии полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на японских условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Ёсукэ Мацуока, одобрил «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось «установление нового порядка в Великой Восточной Азии», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось: 1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии. 2. Заключить с СССР соглашение о ненападении, с тем чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение. 3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского «нового порядка» в Восточной Азии. 4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания «нового порядка» в Восточной Азии.⁸⁷

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами Японии стало разрабатывать возможные варианты вступления страны во Вторую мировую войну: «южный» вариант – против США и западноевропейских государств и «северный» – против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до вовлечения Советского Союза в войну в Европе. Так как в «Программе» выдвигалось требование «избежать войны на два фронта», заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении, – писала японская газета. – Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США».⁸⁸ При этом японские лидеры сочли выгодным приступить к конкретным переговорам с Москвой после заключения военно-политического союза с Германией, что должно было усилить позиции Токио.

---

⁸⁵ ДВП. Т. XXIII. С. 441.

⁸⁶ Там же. С. 447.

⁸⁷ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 316.

⁸⁸ «Токио нити-нити». 1940. 16 июля.

Союз с Гитлером

Планируя военную экспансию в Восточной Азии и на Тихом океане, японские стратеги искикали возможность обретения влиятельных союзников из числа европейских держав. В отличие от периода войны с Россией 1904–1905 гг. ни Великобритания, ни США не могли выступить на стороне Японии, ибо теперь она наступала на интересы этих стран. Особенно важным для Японии считалось объединение с крупным государством в Европе для совместной борьбы с СССР. Еще до оккупации Маньчжурии в марте 1931 г. вышеупомянутый японский военный атташе в Москве Ю. Касахара убеждал Токио: «Ввиду того что Японии трудно будет нанести смертельный удар Советскому Союзу путем войны на советском Дальнем Востоке, особое внимание должно быть уделено тому, чтобы путем подрывной пропаганды вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР». ⁸⁹ Существует немало свидетельств активной работы японской агентуры в этом направлении в Польше, Финляндии, прибалтийских государствах, Турции и других странах.

После захвата Маньчжурии и прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера японский генеральный штаб направил своим военным атташе в Берлин генерала Х. Осима, перед которым была поставлена задача наблюдать за германо-советскими отношениями и выяснить, как повела бы себя Германия в случае войны Японии с Советским Союзом. ⁹⁰ Присматривался к Японии и Гитлер. Комментируя ее выход из Лиги Наций, фюрер заявил: «Лига Наций из-за выхода Японии должна пострадать больше, чем сама Япония». ⁹¹

Опасаясь остаться в изоляции, японцы стали искать союза с идеологически и политически близким им фашистским государством. Уже в феврале – марте 1933 г. объявивший о выходе из Лиги Наций глава японской делегации Ё. Мацуока нанес визит в Германию, где в публичном заявлении назвал ее «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, которая также борется за свое место в мире». ⁹²

Со своей стороны Германия также видела в милитаристской Японии потенциального союзника, способного создать против СССР второй фронт, на Востоке. Японцы всячески поддерживали такие ее надежды. В апреле 1934 г. японский посол в Берлине Нагаи в беседе с германским министром иностранных дел Нейратом заявил: «Германия и Япония являются бастионом против большевизма, и на этой основе уже оформилась общность германо-японских интересов». ⁹³ С этого времени Гитлер все чаще стал обсуждать в кругу своих приближенных вопрос о заключении германо-японского союза. Ради такого союза руководители рейха готовы были действовать в обход «теории расового превосходства». По поручению фюрера его заместитель Р. Гесс издал специальную директиву о недопущении появления в печати и публичных выступлениях рассуждений о превосходстве арийской расы над «неполноценными» японцами. «Прежде всего, – указывал Гесс, – необходимо избегать всех выражений, которые могли бы быть восприняты как обида и презрение другими народами и государствами земного шара, с которыми германский народ и фюрер желают жить в мире. Мы не должны повторять ошибок старой Германии. Известно, какой тяжелый ущерб нанес бывший кайзер взаимоотношениям между Германией и Дальним Востоком». Под «ущербом» подразумевалось, что кайзеровская Германия перед Первой мировой войной якобы «упустила», как писал Гитлер в

---

⁸⁹ Цит. по: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 108.

⁹⁰ Цит. по: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 137.

⁹¹ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 28.

⁹² *Presseisen E.* Germany and Japan: A Study in Totalitarian Diplomacy 1933–1941. The Hague, 1958. P. 32.

⁹³ *Fox J. P.* Germany and the Far Eastern Crisis. 1931–1938. London, 1982. P. 81.

книге «Моя борьба», возможность заключить с Японией военный союз, направленный против России.⁹⁴

После серии предварительных встреч и бесед высокопоставленных эмиссаров двух государств о формировании союза в декабре 1935 г. в Берлин был направлен представитель японского генерального штаба армии для ведения конкретных переговоров. В этих переговорах активное участие принимали как японский посол, так и военный атташе Осима, с самого начала ратовавший за скорейшее военно-политическое объединение с фашистской Германией. Как отмечалось выше, переговоры завершились заключением 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта. Незадолго до подписания соглашения, 7 августа, японское правительство одобрило секретный документ, в котором было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными».⁹⁵ В день подписания пакта министр иностранных дел Японии Арита заявил на заседании Тайного совета: «Отныне Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией».⁹⁶ Как указывалось международным «Токийским трибуналом для главных японских военных преступников», Антикоминтерновский пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик».

Приступая к войне за мировое господство, Гитлер стремился создать мощный кулак из государств с тоталитарными идеологией и политикой. В начале апреля 1938 г. он дал указание готовить почву для заключения германо-итальянского союзного договора. Летом того же года начались переговоры между Германией и Японией о заключении германо-итало-японского военного союза, так называемого «Тройственного пакта». На том этапе гитлеровскому руководству такой пакт был необходим для удерживания западных держав и Советского Союза от противодействия расширению германской агрессии в Европе, в частности готовящемуся нападению на Чехословакию. Стратегической же целью пакта была совместная вооруженная борьба против любых противников фашистских государств – будь то на Западе или на Востоке. Эта позиция Германии явилась тогда определенным препятствием для быстрого заключения военного союза. Опасаясь принятия обязательств по «автоматическому» вступлению в войну с западными державами в случае их вооруженного столкновения с Германией, Токио соглашался подписать Тройственный пакт только в том случае, если в текст буден внесена оговорка о его исключительной направленности против СССР. Необходимость внесения в текст пакта такой оговорки мотивировалась тем, что Япония еще не готова «вести эффективную войну на море» против Великобритании и США, а также нежеланием испортить японо-американские отношения и как следствие этого лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов.⁹⁷ Такая позиция не устраивала германское правительство, вследствие чего в переговорах с Токио весной 1939 г. наступила пауза. Тем временем Гитлер форсировал заключение двустороннего военного союза с Италией. 22 мая 1939 г. в Берлине состоялось подписание «Пакта о дружбе и союзе между Германией и Италией», получившего название «Стальной пакт».

Японцы имели достаточно оснований опасаться того, что, создавая блок тоталитарных государств, Гитлер стремится использовать его в собственных интересах, рассматривая других участников как второстепенных союзников, которым не следует полностью доверять. И они были недалеки от истины. На другой день после подписания «Стального пакта» Гитлер на совещании с высшим командованием вермахта, посвященном предстоящему нападению на

⁹⁴ 1939 год. Уроки истории. С. 28–29.

⁹⁵ Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 153.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 141.

⁹⁷ 1939 год. Уроки истории. С. 45.

Польшу, заявил: «Сохранение тайны – решающая предпосылка успеха. Цель должна сохраняться в тайне даже от Италии и Японии».⁹⁸

После подписания «Стального пакта» Германия продолжала добиваться согласия Японии с ее условиями Тройственного пакта. На это японцы отвечали, что согласны вступить в любую войну на стороне Германии, если только «в составе противостоящей ей группировки государств окажется Советский Союз».⁹⁹ Однако гитлеровское руководство в то время заботила реакция на захват Польши не столько Советского Союза, с которым намечалось соглашение, сколько Великобритании и Франции, а также США. По планам Гитлера именно японцы могли своими действиями на Востоке создать трудности для этих держав, отвлекая их внимание и силы от ситуации в Европе.

Заключение Германией пакта о ненападении с Советским Союзом было расценено как серьезное политико-дипломатическое поражение Японии, делавшей ставку на тесный союз с европейскими фашистскими государствами. Однако наиболее проницательные политики быстро поняли, что пакт с Москвой Гитлер рассматривает как необходимый, но временный маневр. Это было подтверждено правительством рейха, представители которого уже на второй день после заключения пакта довольно откровенно разъяснили японскому послу в Берлине, что «при всех обстоятельствах, которые могут возникнуть на дипломатической арене, идеи и цели общей борьбы против коммунизма сохраняются».

Ставший к тому времени послом в Берлине генерал Х. Осима с пониманием отнесся к сделанному немцами разъяснению. Хотя 26 августа японское правительство дало ему указание вручить гитлеровскому руководству протест по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении, охарактеризовав его как «противоречащий секретному соглашению, приложенному к Антикоминтерновскому пакту», посол счел возможным задержать его передачу. Считая, что в условиях начавшейся Второй мировой войны Японии не следовало портить отношения с Германией, Осима стремился принизить значение дипломатического демарша Токио. Сообщая лишь 18 сентября о японском протесте, он сказал статс-секретарю германского министерства иностранных дел фон Вейцекеру: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен».¹⁰⁰

Встречаясь в сентябре с Осима, Риббентроп утверждал, что Япония в своих же собственных интересах должна установить военное сотрудничество с Германией, так как поражение Германии позволило бы западным державам объединиться в широкую коалицию с целью изгнания Японии из Китая. Он убеждал японца, что германо-советский договор о ненападении «отвечает правильно понятым интересам Японии, поскольку ей выгодно любое усиление Германии», что Японии, следуя примеру Германии, необходимо добиться нормализации отношений с СССР, с тем чтобы затем «свободно развернуть свои силы в Восточной Азии в южном направлении», где находится сфера ее «жизненных интересов». В том случае, если Япония послушается его советов, считал Риббентроп, вполне могла бы осуществиться идея о германо-итало-японском военном союзе, направленном «исключительно против Англии».¹⁰¹ Осима разделял эти идеи и в своих депешах соответствующим образом настраивал Токио.

В разгар польской кампании вермахта германский «восточный фронт» посетил бывший военный министр Японии Тэраути. 20 сентября Гитлер и Риббентроп во время состоявшейся с ним беседы подчеркивали свою заинтересованность в налаживании военного сотрудниче-

⁹⁸ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. I. М., 1973. С. 137.

⁹⁹ 1939 год. Уроки истории. С. 49.

¹⁰⁰ Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 169.

¹⁰¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 95–96.

ства с Японией и развертывании наступления японских вооруженных сил в южном направлении. Тэраути оказался их полным единомышленником. Сопровождавший его Осима высказался за перенос центра тяжести военных усилий Японии в Юго-Восточную Азию. Он говорил: «Япония нуждается в цинке, каучуке и нефти из Нидерландской Индии, хлопке из Британской Индии, шерсти из Австралии. Если она все это получит, то будет независима и очень сильна».¹⁰²

Сторонники сохранения тесных связей с Германией предостерегали от поспешных выводов о «предательстве» гитлеровского руководства, указывали на невозможность германо-советского сотрудничества в начавшейся войне. В сентябрьском номере влиятельного японского журнала «Бунгэй сюдзю» была помещена статья «Германо-советский пакт о ненападении и Япония», где японское правительство подвергалось критике за нерешительность в вопросе о заключении военного союза с Германией и Италией. Важность такого союза для реализации политики внешней экспансии сознавало и японское правительство. 4 октября 1939 г. оно приняло постановление «Актуальные мероприятия внешней политики в связи с войной в Европе», в котором подтверждалось «сохранение по-прежнему с Германией и Италией дружественных отношений». Более развернуто это положение было сформулировано в правительственном документе от 28 декабря 1939 г. «Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств». В нем было записано: «...Хотя между Германией и СССР подписан пакт о ненападении, необходимо сохранять дружественные отношения с Германией и Италией, учитывая общность целей империи с целями этих государств в построении нового порядка».¹⁰³ Пришедший 16 января 1940 г. к власти кабинет адмирала Ионаи подтвердил эту позицию.

Союзные отношения с агрессивными державами Европы отвечали интересам Японии при осуществлении как «южного», так и «северного» варианта вооруженной экспансии. С одной стороны, по расчетам японского военно-политического руководства, такой союз должен был закрепить распределение сфер господства между Японией, Германией и Италией, облегчить захват японской империей азиатских колоний западных держав и удержать США от вступления в войну. С другой стороны, объединение военных усилий в целях будущего разгрома Советского Союза отвечало основным требованиям японской стратегии и рассматривалось как неременное условие разрешения «северной проблемы».

В соответствии с решениями, зафиксированными в «Основных принципах политического курса в отношении иностранных государств», в начале 1940 г. проходили заседания представителей руководства армии, флота и министерства иностранных дел, на которых согласовывался новый документ «Предложение усиления сотрудничества между Японией, Германией и Италией». Однако более осторожные политические деятели Японии, хотя в принципе они и не возражали против возобновления переговоров с Берлином о союзе, выступали за то, чтобы дождаться результатов военного противостояния Великобритании и Франции с Германией. Германский посол в Токио О. Отт информировал центр о том, что позиция Японии будет во многом зависеть от германских успехов в борьбе с англо-французской коалицией.

Начавшаяся 10 мая «битва за Францию» решительным образом изменила ситуацию. В войну против Великобритании и Франции вступила на стороне Германии фашистская Италия. Последовавшая вскоре капитуляция Франции побудила Японию заявить свои претензии на ее колонии в Юго-Восточной Азии. Однако на это требовалось согласие Германии. Стремясь использовать Японию в борьбе против западных держав, германское правительство «подыгрывало» японским экспансионистским устремлениям. 20 мая 1940 г. Риббентроп сообщил в Токио, что Германию якобы «совершенно не беспокоит дальнейшая судьба Голландской Индии». Тем самым давалось понять, что Германия не будет противиться овладению Япо-

¹⁰² Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 95–96.

¹⁰³ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 10.

нией богатыми природными ресурсами колоний оккупированных ею европейских государств. В ответ министр иностранных дел Японии включил в свое июньское выступление по радио такую фразу: «Правительство никогда не отойдет от политики держав оси и всегда с симпатией относилось к требованиям Германии о создании нового порядка в Европе, тем более что сама Япония стремится к новому порядку в Азии».

12 июля в МИД Японии был подготовлен проект документа, в котором целью заключения союза с Германией определялось признание рейхом политического и экономического руководства Японии в районах Южных морей в качестве ее «жизненного пространства». Одновременно Японией признавалось политическое и экономическое руководство Германии в Европе и Африке. 16 июля этот проект был одобрен командованием армии и флота.

За участие Японии в мировой войне в блоке с Германией и Италией активно выступили политики, вошедшие в сформированный 22 июля 1940 г. второй кабинет князя Ф. Коноэ. Министром иностранных дел стал Ё. Мацуока, который патетически заявлял в 1936 г. после заключения с Германией Антикоминтерновского пакта: «Поскольку мы боремся против Коминтерна, деятельность которого является в настоящее время главной мировой проблемой, необходимо противостоять ему со всей решимостью. Половинчатые усилия здесь недопустимы. Мы должны вступить в сражение, поддерживая и обнимая друг друга... Нам остается только, сплотившись, идти вперед, даже если это приведет к совместному самоубийству». После назначения на пост министра он заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в ее борьбе за господство в восточноазиатском пространстве, и поэтому «сближение с Германией – это ее естественный путь».¹⁰⁴

Хотя при обсуждении вопроса о заключении пакта имели место разногласия между армией и флотом, они не носили принципиального характера. На заседании высших руководителей армии и флота 22 июля было решено, что «если со стороны Германии и Италии будет предложено заключить военный союз, Япония рассмотрит эту возможность». Эта установка была закреплена 27 июля на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки в документе «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении».

Стремление гитлеровского руководства как можно скорее использовать Японию для реализации собственных стратегических планов усилилось осенью 1940 г., когда стало ясно, что быстро одержать победу над Великобританией не удастся. В этих условиях важно было поощрить Токио на активизацию экспансии в южном направлении с тем, чтобы создать для англичан реальную опасность ведения войны на двух отдаленных друг от друга фронтах. С другой стороны, приняв 31 июля 1940 г. решение о подготовке к нападению на СССР весной следующего года, Гитлер хотел иметь Японию союзницей и в этой войне. В ходе германо-советской войны, по планам немцев, японские войска должны были сковывать советские вооруженные силы на Дальнем Востоке, не допускать их переброски в европейскую часть страны, а при необходимости, по согласованию с Германией, разгромить их. При этом, однако, Гитлер, продолжая рассматривать Японию и Италию как младших партнеров, предназначенных для выполнения второстепенных задач, распорядился не посвящать руководителей стран-союзниц в антисоветские планы.

В сентябре 1940 г. в Токио начались официальные переговоры о заключении японо-германского военного союза. Германию на переговорах представлял специальный уполномоченный правительства Г. Штамер. Следуя указаниям руководства, германский эмиссар не скрывал, что в Берлине хотели бы согласия Японии как с антиамериканским и антибританским характером союза, так и с его антисоветской направленностью. Однако на данном этапе, указывал Штамер, Германии и Японии важно использовать союз в первую очередь для «устрашения

¹⁰⁴ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 99.

Америки». Японские представители с пониманием относились к подобным геополитическим построениям. Уже в начале переговоров посол Германии в Токио генерал Отт докладывал в Берлин, что «атмосфера благоприятствует германскому плану».

Однако сомнения у японцев оставались. Как и ранее, им не хотелось создавать у Великобритании и США впечатления о том, что союз создается против них. Характеризуя позицию Японии, Риббентроп писал своему послу в Токио 26 апреля 1939 г., что после заключения союза Япония хотела бы «вручить декларацию английскому, французскому и американскому послам следующего содержания: пакт является только развитием Антикоминтерновского пакта; стороны рассматривают Россию как врага. Англия, Франция и Америка не должны думать, что подразумеваются они».¹⁰⁵

В отличие от германского, японское руководство не желало раньше времени открыто подчеркивать свою враждебность к США и Великобритании из опасения подтолкнуть эти страны к кардинальному пересмотру политики в отношении Японии. В Токио весьма опасались прекращения поставок американского стратегического сырья, что ставило бы под сомнение способность Японии продолжать вооруженную экспансию в Восточной Азии и на Тихом океане. В Германии же рассчитывали, что официальное оформление союза с Японией явится эффективным средством удержать США от вступления во Вторую мировую войну.

Японское правительство и командование оказались перед дилеммой: или продолжать настаивать на исключительно антисоветской направленности союза, что могло в качестве ответной меры побудить Германию заявить о своих правах на азиатские колонии поверженных ею европейских государств, или согласиться с требованиями Германии направить действие союза как против СССР, так и против США и Великобритании.

Стремясь найти выход из затруднительного положения, в июле 1940 г. японское министерство иностранных дел, командование армии и флота согласовали между собой компромиссный вариант. Они соглашались на то, чтобы в обмен на признание Германией японского контроля над Юго-Восточной Азией Япония оказала бы определенное давление на Великобританию на Дальнем Востоке. Но при этом Япония не брала бы на себя обязательство вступить в войну с ней на стороне Германии.

Однако новый кабинет Коноэ занял более решительную позицию, считая необходимым в определенных условиях пойти на прямое военное сотрудничество с Германией и Италией в борьбе против Великобритании. Эту позицию поддерживала и армия. Флот же не мог безоговорочно согласиться с ярко выраженной антибританской направленностью союза, ибо не был готов к сражениям с мощными английскими ВМС. Тем не менее командование флота в конце концов было вынуждено принять сторону большинства.

Окончательное решение о заключении пакта было принято на состоявшемся 19 сентября 1940 г. Императорском совещании (Годзэн кайги) в присутствии монарха. Начальник главного штаба ВМС Канъин при этом подчеркнул, что флот дает свое согласие на заключение договора при условии, что «будут приняты все мыслимые меры с целью избежать войны с Соединенными Штатами».¹⁰⁶ Это требование легло в основу принятого совещанием решения. Выступая с заключительным словом от имени императора, председатель Тайного совета К. Хара заявил: «Хотя японо-американское столкновение в конце концов может стать неизбежным, я надеюсь, что будет проявлена достаточная забота о том, чтобы это не произошло в ближайшем будущем и что не будет необдуманных действий. Я даю свое "добро", только исходя из этого».¹⁰⁷

---

¹⁰⁵ Нихон-но тайсо имбо. С. 158.

¹⁰⁶ Тайхэйё сэнсо-э но мити (Бэккан). Сирехэн (Путь к войне на Тихом океане. Приложение: Сборник документов). Токио, 1963. С. 341.

¹⁰⁷ Там же. С. 341–342.

27 сентября 1940 г. в Берлине представителями Германии, Италии и Японии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. Хотя официально этот документ именовался «Пактом трех держав», он более известен как Тройственный пакт. Основные статьи пакта гласили:

Ст. 1. Япония признаёт и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Ст. 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии.

Ст. 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и китайско-японском конфликте.

Таковыми не участвовавшими державами осенью 1940 г. оставались только СССР и США. Поэтому третья статья пакта предусматривала согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с СССР или США. Попытка представить пакт как «оборонительный», заключенный на случай, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению», едва ли могла ввести кого-либо в заблуждение. «В лексиконе японских и германских агрессоров эти слова надо понимать так: "Когда Советский Союз подвергнется нападению со стороны Японии и Германии"», – указывается в одной из японских исторических работ.¹⁰⁸ Еще в октябре 1938 г. лидер итальянских фашистов Б. Муссолини писал Гитлеру: «Мы не должны заключать чисто оборонительный союз. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы перекроить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний».¹⁰⁹

В японском проекте пакта было прямо сказано, что между участниками переговоров должны быть «выработаны меры на случай вступления Японии или Германии в войну с Советским Союзом». В ходе переговоров 7 сентября 1940 г. Мацуока говорил японскому представителю Штамеру: «Нам необходимо понять, что после окончания войны в Европе Россия останется великой державой. Это будет создавать угрозу новому порядку в Восточной Азии. Япония и Германия должны быть рядом и должны выработать общую политику против России». Это мнение полностью разделяли и другие участники пакта. Риббентроп, разъясняя направленность Пакта трех держав, говорил: «Эта палка будет иметь два конца – против России и против Америки».¹¹⁰ Итальянский министр иностранных дел Д. Чиано вообще сомневался в целесообразности определения в качестве противника Соединенные Штаты Америки, называя антисоветскую направленность пакта «очень хорошей».¹¹¹

С целью дезориентировать советское правительство относительно намерений создаваемой коалиции и оставить возможность для маневра в японо-советских отношениях, Токио согласился включить в пакт статью 5-ю о том, что его положения «не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией». Накануне подписания пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов». Однако это была, безусловно, тактическая уловка, предназначенная для

---

¹⁰⁸ Нихон-но тайсо имбо. С. 159.

¹⁰⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 320.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 833.

¹¹¹ См. подробнее: The Ciano Diaries 1939–1943. N. Y., 1946.

того, чтобы сосредоточить усилия на быстром захвате азиатских колоний западных держав и завершении подготовки к агрессии против СССР. 26 сентября 1940 г. Мацуока от имени правительства с удовлетворением констатировал достижение давно поставленной цели объединения с Германией в войне против СССР. «Япония поддержит Германию в случае ее войны с Советским Союзом, а Германия поможет нам в случае столкновения с Советским Союзом», – заявил японский министр иностранных дел.

Маскировки антисоветской направленности пакта требовало и гитлеровское руководство. «Германское правительство, – телеграфировал 26 сентября 1940 г. в Токио японский посол в Берлине Курусу, – намеревается дать указания своей прессе о том, чтобы особо подчеркивался тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но, с другой стороны, Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию».

Согласно секретному протоколу Тройственного пакта, создавались объединенные военная и военно-морская комиссии, а также комиссия по экономическим вопросам.

Участники пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство координации усилий по установлению «нового мирового порядка». Германский посол в Японии Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель Пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза». ¹¹² Со своей стороны, Токио довольно прозрачно давал понять, что для него прежде всего важно прежде всего «нейтрализовать» США на период создания в Восточной Азии и на Тихом океане японской колониальной империи.

Похожие цели преследовались и в отношении Советского Союза – важно было, демонстрируя миролюбие, убедить руководителей СССР не вмешиваться в войну в Европе и Китае. Однако в Берлине и Токио сознавали, что, выполнявшая роль «фигового листка» 5-я статья об отсутствии намерения стран – участников пакта использовать свой союз против СССР, едва ли будет с доверием воспринята в Москве. Статс-секретарь германского МИД после подписания «Пакта трех держав» отметил в своем дневнике: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без проведения предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз». ¹¹³

Тройственный пакт был заключен в целях расширения масштабов Второй мировой войны, объединения сил наиболее агрессивных в то время государств в борьбе за завоевание мирового господства. Он был направлен как против Великобритании и США, так и против Советского Союза. Однако если в отношении США он преследовал цель путем оказания давления заставить американское правительство продолжать политику изоляционизма и не принимать участия в мировой войне, то в отношении СССР предусматривалось практическое объединение политических, экономических и военных усилий государств-участников в их предстоящем нападении на Советский Союз, подготовка к которому уже активно велась.

---

¹¹² Цит по: СССР – Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). М., 1978. С. 192.

¹¹³ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 101.

Пакт со Сталиным

Хотя с приходом к власти второго кабинета Коноэ японцы активно готовились к заключению союза с Германией, в Токио было признано целесообразным не прекращать дипломатические контакты с Москвой для выработки политического соглашения. Тем более что расчеты на заинтересованность СССР в улучшении отношений с Японией в условиях ее сближения с Германией имели под собой объективные основания.

Убедившись в том, что новое правительство Японии готово продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 г. дало ответ на предложенный Того вариант договора. В нем говорилось: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции».

Вместе с тем советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора «урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами».¹¹⁴

Принимая 2 и 3 статьи японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 г., оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 г., по которому Россия вследствие поражения в русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой «чистки Мацуоки» были заменены японские послы в основных мировых державах. Отзывался на родину и посол в СССР Того. Тем не менее он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о нейтралитете. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа.

Из записи беседы:

«... Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: "Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше".

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо, пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: "Правильно. Совершенно правильно".

Молотов: "Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью"».¹¹⁵

---

¹¹⁴ Тихвинский С. Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 26.

¹¹⁵ ДВП. Т. XXIII. С. 543–544.

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. Эту цель он преследовал и во время последующих встреч с Того.

5 сентября Молотов говорил Того: «Портсмутский договор по очень существенным пунктам нарушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 г. также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным».

Того возражает против такого подхода.

Молотов: «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией».¹¹⁶

Главная причина нежелания советского правительства признавать действенным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

То, что говорил Молотов послу Того, безусловно, было согласовано со Сталиным. Да и сама идея заключения пакта о ненападении или нейтралитете во многом исходила от советского лидера. Сталин контролировал весь ход советско-японских переговоров.

Его беспокоило то, что японцы затягивали ответ на советские предложения от 14 августа, а также заявление нового посла Ёсицугу Татэкава о том, что он «не будет продолжать те переговоры, которые велись до сих пор, а начнет все переговоры снова».¹¹⁷ После заключения «Пакта трех держав» это беспокойство вождя усилилось. Заверения Того в том, что «заключение японо-германо-итальянского пакта не отразится на переговорах по коренным вопросам японо-советских отношений», не могли развеять возникшую тревогу. Тем более что в Москву стали поступать сведения о вероятности германского нападения на СССР весной будущего года. Посол США в СССР Л. Штейнгардт в телеграмме Государственному секретарю США от 28 сентября 1940 г. сообщал, что реакция советского правительства на Тройственный пакт была отрицательной. Сотрудники германского посольства в Москве, писал он, откровенно говорят, что СССР недоволен Тройственным пактом, они считают, что пакт означает принципиальное изменение германской политики в отношении СССР, и в сугубо доверительном плане высказывают мнение, что следующей весной Германия начнет войну против СССР. По их словам, на германо-советской границе находится неоправданно большое количество немецких войск, при этом они подтверждают, что германского вторжения в Англию осенью 1940 г. не будет.

Аналогичная информация поступала из различных источников и в Кремль. Это заставляло Сталина думать о том, как не допустить участия Японии в надвигающейся германо-советской войне. Наиболее эффективным средством решения этой задачи было стимулирование китайского руководства на продолжение сопротивления Японии в Китае. Хотя, как отмечалось выше, летом 1940 г. Сталин был готов пересмотреть свои связи с Китаем ради пакта о ненападении с Японией, осенью он решил, что этого делать не следует.

Об этом свидетельствует личное послание Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 г. В послании говорилось:

«...Мне кажется, что заключение тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после

---

¹¹⁶ Там же. С. 572–574.

¹¹⁷ Там же. С. 678.

же тройственного пакта она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношениях с Японией. Эта сторона пакта тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие Бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной противоречивой обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим.

Теперь много говорят и пишут о возможности мирных переговоров и мире с Японией. Я не знаю, насколько эти слухи соответствуют действительности. Но, как бы то ни было, одно для меня ясно, что китайская национальная армия крепка и могуча, Китай может преодолеть любые трудности.

Желаю Вам здоровья и успеха в Ваших делах.

И. Сталин».¹¹⁸

Укрепляя военные связи с Германией и Италией, японское правительство в то же время не отказывалось от намерения оторвать СССР от Китая. Вскоре после заключения Тройственного пакта министерство иностранных дел Японии разработало предложения об условиях заключения соглашения с СССР. Чтобы облегчить переговоры, предлагалось подписать пакт, аналогичный советско-германскому, а урегулирование спорных вопросов провести после его заключения. Смысл этого маневра состоял в том, чтобы, уже имея подписанным договор о ненападении или нейтралитете, добиться от СССР заключения на выгодных Японии условиях рыболовного соглашения, прекращения оказания помощи Китаю, а также попытаться вынудить СССР на территориальные уступки.

Восьмой пункт предложений японского МИД гласил: «Впоследствии в подходящий период мирным путем включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье». В случае, если советское правительство не пойдет на это, предусматривалось добиться демилитаризации этих территорий. Чтобы побудить СССР пересмотреть свою позицию в отношении японо-китайской войны, планировалось вовлечь его в сговор о разделе сфер влияния в Китае. А также согласиться с экспансией Советского Союза в южном направлении – в Афганистан, Персию, Индию.¹¹⁹

Участие СССР в подобном разделе Азии, по расчетам японских стратегов, помогло бы вовлечь его в четырехстороннюю коалицию (Япония, Германия, Италия, СССР), что облегчило бы вооруженную борьбу с западными державами. Политика «превращения врага на севере в друга» должна была исключить весьма беспокоившую Японию и Германию перспективу образования в ходе войны союза СССР, США и Великобритании. Накануне подписания Тройственного пакта Мацуока объяснял Тайному совету: «Пока мы строим новый порядок, мы не можем позволить себе, чтобы Советский Союз видел в нас своих врагов».¹²⁰ В то же время участники Тройственного пакта подчеркивали, что избранный в отношении СССР курс имеет временный характер.

Посетивший 17 октября Молотова с прощальным визитом посол Того выразил свое сожаление по поводу задержки заключения соглашения и указал, что лично он полагал, что доку-

---

¹¹⁸ Дипломатический вестник МИД РФ. 1994. № 23, 24 декабря. С. 72.

¹¹⁹ *Кудо Митихиро*. Указ. соч. С. 80.

¹²⁰ *David J. Lu*. From the Marco Polo Bridge to Pearl Harbor. Washington, 1961. P. 112.

мент будет подписан в июле или самое позднее в августе текущего года. При этом посол объяснил задержку сменой кабинета в Японии.

Молотов же, намекая на то, что, возможно, задержка объясняется заключением Тройственного пакта, сказал: «Что касается пакта трех держав, поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений с державами, подписавшими пакт». ¹²¹ Тем самым Молотов дал понять, что советское руководство готово продолжать советско-японские переговоры.

В этот же день заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский принимал посла Китайской республики в СССР Шао Лицзы, который напрямую заявил, что «заключение договора о ненападении (с Японией) явилось бы большим ударом для Китая». Далее посол отметил, что «за время четырехлетнего пребывания здесь он убедился в том, что в принципе политика СССР не изменилась, но практическая помощь Китаю за это время приостановилась». ¹²²

Неодобрительно относились к перспективе японо-советского сближения и американцы. Того вспоминал в мемуарах: «...В ходе так называемой “чистки Мацуоки” меня отозвали на родину, и переговоры в преддверии их завершения пришлось бросить. Американские представители в Москве, которые внимательно следили за улучшением советско-японских отношений, по всей видимости, решили, что переговоры о пакте о ненападении завершены, коль скоро на моем прощальном приеме в японском посольстве присутствовали, причем довольно долго, народный комиссар иностранных дел Молотов, народный комиссар торговли Микоян и заместитель наркома Вышинский. Мне даже рассказывали, что газетчики дежурили у здания посольства, ожидая подписания пакта. Во всяком случае, американцы настойчиво стремились помешать сближению между Японией и Россией». ¹²³

Назначенный в сентябре 1940 г. новым послом в СССР Ёсицугу Татэкава 30 октября в беседе с Молотовым сообщил, что его правительство прекращает переговоры с СССР о заключении соглашения о нейтралитете и выдвигает предложение о подписании пакта о ненападении.

Посол заявил, что после прихода к власти кабинета Коноэ внешняя политика Японии в корне изменилась. Это нашло свое выражение, по словам Татэкавы, в заключении военного союза с Германией и Италией. В связи с этим японское правительство предлагает советскому правительству заключить пакт о ненападении, а не пакт о нейтралитете, который-де недостаточен. ¹²⁴

Посол передал текст пакта о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту о ненападении, заключенному в августе 1939 г. Японский проект пакта гласил:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны. Срок действия пакта определяется в десять лет».

Посол сделал два добавления:

---

¹²¹ ДВП. Т. XXIII. С. 677–678.

¹²² Там же. С. 685–686.

¹²³ *Того Сигэюри*. Указ. соч. С. 209.

¹²⁴ ДВП. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 10.

- Прежние переговоры с Того о заключении соглашения о нейтралитете прекращаются.
- Японское правительство предлагает все прочие спорные вопросы разрешить после заключения пакта о ненападении.

На вопрос Молотова, в чем заключается разница между прежним и новым предложениями японского правительства, Татэкава повторил, что соглашение о нейтралитете было признано недостаточным, ибо в нем был неясно отражен вопрос о ненападении. И потому после заключения тройственного военного союза было признано целесообразным заключить пакт о ненападении. При этом он добавил, что прежний кабинет вел переговоры осторожно, а новый кабинет хочет совершить прыжок для улучшения отношений.

В телеграмме Молотова послу СССР в Японии К. А. Сметанину от 1 ноября 1940 г. нарком писал:

«...Напомнив свои прежние высказывания по вопросу о Портсмутском договоре и Конвенции 1925 г., я заявил, что если Япония в улучшении отношений с СССР будет исходить из сохранения Конвенции 1925 г., то это не даст должных результатов, так как Портсмутский договор оставил в нашем народе такой же нехороший след, как и Версальский договор...

Далее я заявил, что по примеру с Германией считаю целесообразным вести обсуждение вопроса о заключении пакта о ненападении с одновременным выяснением ряда практических вопросов, интересующих обе стороны. Татэкава вновь повторил, что сначала следует заключить пакт о ненападении без каких-либо компенсаций, а после заключения пакта японское правительство готово вести переговоры о пересмотре как Конвенции 1925 г., так и по другим вопросам, которые он назвал второстепенными.

Я снова вернулся к вопросу о компенсациях и указал послу, что заключение пакта даст ряд выгод для Японии, развязывая ей руки на юге, а с другой стороны – создаст затруднения для СССР в его отношениях с США и Китаем, а потому следует учесть и то возмещение, которое необходимо для компенсации отрицательных для СССР моментов, сопровождающих заключение этого пакта.

На вопрос Татэкавы, что нужно понимать под возмещениями, я не дал прямого ответа, а заявил, что на наши предложения от 14 августа я еще не имею ответа японского правительства, и если бы этот ответ был, то я смог бы продолжать обсуждение этого вопроса».¹²⁵

18 ноября во время очередной беседы с Татэкавой Молотов по согласованию со Сталиным изложил суть сделанного ранее предложения о желательности для советской стороны «получить компенсации» в случае заключения с Японией политического соглашения. Было указано, что вопрос о заключении пакта о ненападении с Японией общественное мнение в СССР будет связывать с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий – Южного Сахалина и Курильских островов. Было заявлено, что если Япония не готова к постановке этих вопросов, то было бы целесообразно говорить о заключении пакта не о ненападении, а о нейтралитете, не предусматривающего разрешения территориальных проблем. Советское руководство настаивало также на подписании протокола о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине.

Из телеграммы Молотова Сметанину от 19 ноября 1940 года:

«...Я заявил, что последнее предложение японского правительства о пакте о ненападении может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что

---

¹²⁵ ДВП. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 10–11.

СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уже во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов. Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении. Но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий...

Татэкава, не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить советско-японские отношения. На мой вопрос, считает ли Татэкава мои предложения о пакте и о протоколе приемлемыми в качестве базы для переговоров, Татэкава ответил, что лично он считает эти предложения базой для переговоров и сообщит об этих предложениях в Токио».¹²⁶

Японской стороне был предложен советский проект соглашения о нейтралитете, который предусматривал поддержание мирных и дружественных отношений и взаимное уважение территориальной целостности (ст. 1). В случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта (ст. 2). Срок действия соглашения определялся в пять лет с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока его действия не последует денонсация.

Осенью 1940 г. Япония приступила к осуществлению южного варианта экспансии: 22 сентября ею был оккупирован Северный Индокитай. Дальнейшее продвижение на юг могло вызвать обострение ее отношений с США и Великобританией. В этой обстановке затягивание переговоров с Советским Союзом было Японии невыгодно. Поэтому ее правительство уже 20 ноября, то есть через два дня после получения предложенного Молотовым проекта пакта о нейтралитете, сообщило, что считает советский проект «заслуживающим изучения». По вопросу о японских концессиях на Сахалине министр иностранных дел Мацуока предписал Татэкаве: «Рассмотрение вопроса о ликвидации концессий затруднительно. Вместо этого предложите продать Северный Сахалин».¹²⁷ В беседе с Молотовым 21 ноября посол заявил, что японское правительство считает проект протокола о ликвидации концессий «абсолютно неприемлемым».

Выполняя директиву МИД, Татэкава заявил Молотову: «...Так как продажа Россией Аляски США уменьшила споры и конфликты между двумя странами, то он (посол) твердо уверен, что и продажа Северного Сахалина положила бы конец спорам и конфликтам между обеими странами и способствовала бы установлению длительного мира между Японией и СССР».

Касаясь предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов ответил, что по этому вопросу ему нечего добавить к тому, что он публично говорил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР. В этом выступлении Молотов иронически коснулся предложения одного из членов японского парламента о продаже Северного Сахалина и, в свою очередь, заявил, что «в СССР нашлись бы покупатели на Южный Сахалин».

Молотов сказал Татэкава, что в этом выступлении дан исчерпывающий ответ как о продаже Приморья и Сахалина, так и других территорий, и потому такого рода предложения могут рассматриваться только как шутка.

¹²⁶ ДВП. Т. XXIII. 1940 – 22 июня 1941. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 111–113.

¹²⁷ Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 87–88.

Отвергая японские предложения о продаже Северного Сахалина, Молотов со своей стороны развивал мысль о целесообразности выкупа у Японии ранее принадлежащих России территорий Южного Сахалина и Курильских островов. Он говорил: «У Японии имеется много островов, которые ей не нужны, а у нас на Дальнем Востоке островов нет... Поэтому советская сторона может ставить вопрос о покупке Южного Сахалина и Курильских островов за соответствующую цену... Если бы Япония согласилась на продажу, то можно было бы договориться по всем другим вопросам, и у Японии были бы свободные руки для действий на Юге, ибо, как известно, Германия, заключив с СССР пакт о ненападении и обеспечив себе тыл, добилась на Западе больших успехов...»

После этого Татэкава откровенно заявил, что международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжал Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь она взялась за создание новой структуры и восстановление своих сил вопреки вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии.

Не желая осложнять переговоры территориальными проблемами, Молотов счел целесообразным оставить эту тему, заявив, что «речь сейчас идет не о продаже некоторых островов в связи с пактом о ненападении, и вопрос, который он ставил попутно, (мы) не считаем актуальным».

В заключение нарком выразил надежду на получение ответа японского правительства в духе высказывания Татэкава в беседе 18 ноября. Одновременно он подчеркнул, что если Япония не считает нужным дать такой ответ, то соглашение не состоится. Тем самым японской стороне было дано понять, что проектируемый пакт в равной степени отвечает интересам обеих сторон и его заключение возможно лишь при учете высказанных советским правительством условий и пожеланий.

На следующий день, 22 ноября, Молотов телеграфировал в Токио послу Сметанину: «21 ноября имел беседу с Татэкава. Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания».¹²⁸

Не проявило желания ускорить достижение договоренности по поводу условий заключения пакта о нейтралитете и японское правительство. Более того, оно инспирировало в печати антисоветскую кампанию в печати, выступая с различными претензиями и протестами по вопросам рыболовства и японских концессий на Северном Сахалине.

Однако заинтересованность в том, чтобы заручиться нейтралитетом СССР в отношении японо-китайской войны и экспансии Японии в южном направлении, в Токио сохранялась. Японское правительство решило воспользоваться визитом Молотова в Германию. Оно обратилось к немцам с просьбой убедить советское руководство пойти на уступки Японии и продать ей Северный Сахалин. 10 ноября 1940 г., накануне приезда Молотова в Берлин, Мацуока дал указание японскому послу в Германии С. Курусу просить руководителей рейха поставить перед советским представителем вопрос о заключении между СССР и Японией пакта о ненападении на японских условиях.¹²⁹

Риббентроп пытался выполнить эту просьбу. На переговорах с Молотовым он говорил: «Если будет заключен советско-японский пакт о ненападении, Япония продемонстрирует великодушную позицию в разрешении всех других проблем... Насколько мне известно, в случае заключения советско-японского пакта о ненападении и при согласии Китая Япония с радостью

---

¹²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 126.

¹²⁹ Тамура Сатисаку. Сэкай гайко си (История мировой дипломатии). Токио, 1964. С. 546.

признает Внешнюю Монголию и Синцзян сферами влияния Советского Союза... Что касается японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, то Япония готова проявить понимание советской позиции. Однако для этого потребуются ослабить существующие внутри Японии противоречия по этой проблеме. Если же пакт о ненападении будет подписан, японскому правительству будет легче разрешить этот вопрос».¹³⁰

В конце 1940 г. руководство Японии узнало о том, что Германия готовится к войне против Советского Союза. Складывалась ситуация, при которой Япония могла быть поставлена перед свершившимся фактом. В условиях подготовки экспансии на юге Японию беспокоила перспектива вовлечения ее как участника Тройственного пакта в войну против СССР на стороне Германии. Этот вопрос обсуждался 16 января 1941 г. на заседании военного отдела императорской ставки. Хотя в докладе начальника оперативного управления генштаба армии С. Танака говорилось, что «Советский Союз не может готовиться к войне на два фронта», было решено провести соответствующую подготовку к событиям на севере. На вопрос военного министра, сколько времени потребуется на переброску войск, выделяемых для войны против СССР, Танака ответил: «Около четырех месяцев».¹³¹

Вступать в войну против СССР одновременно с Германией японцы опасались. Слишком свежи были печальные для Японии воспоминания о халхин-гольских событиях. Поэтому вновь заговорили о пакте с СССР, который, с одной стороны, должен был обезопасить Японию с севера, а с другой – мог явиться оправданием для отказа напасть на Советский Союз сразу после начала германской агрессии.

Из-за неконструктивной позиции Японии на переговорах о заключении пакта и усилившейся антисоветской пропаганды советское правительство зимой 1940–1941 гг. демонстративно охладило свои отношения с Токио, перейдя на более жесткий тон. Так, например, во время переговоров Молотова с Татэкава о заключении рыболовной конвенции советский нарком заявил: «...Если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой. Япония нарушила этот договор. Кроме того, поскольку этот договор был заключен после поражения России, он должен подлежать исправлению».¹³²

25 февраля 1941 г. японский посол в Германии Х. Осима сообщил о возможном резком ухудшении германо-советских отношений. Такое впечатление он вынес из состоявшейся накануне беседы с Риббентропом, который не скрывал, что на восточных границах рейха сосредоточено «от восьмидесяти до ста немецких дивизий». Содержание этой дипломатической депеши было доложено императору Японии Хирохито. Новость взволновала японского монарха. Он заявил лорду-хранителю печати К. Кидо: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере... Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед серьезной проблемой».¹³³ Было принято решение направить Мацуока в Европу с тем, чтобы на переговорах в Москве, Берлине и Риме из первых рук получить необходимую информацию.

12 марта 1941 г. Мацуока выехал в Европу. Отправляясь в Москву, он имел полномочия заключить с советским руководством пакт о ненападении, но на японских условиях. 3 февраля координационным советом правительства и императорской ставки был одобрен документ «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», в котором в обмен на согласие Японии заключить пакт о ненападении предусматривалось вынудить совет-

¹³⁰ Тайсэн-но хироку (Секретные документы периода мировой войны). Токио, 1948. С. 326.

¹³¹ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 207–208.

¹³² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 191.

¹³³ *Montgomery M. Imperialist Japan*. P. 461.

ское руководство пойти на серьезные уступки, а именно продать Японии Северный Сахалин и прекратить помощь Китаю.¹³⁴

На первой встрече с Молотовым Мацуока сообщил, что формальная цель его поездки в Европу – установление личных контактов с Гитлером, Риббентропом, Муссолини и Чиано. Он сказал о своем нежелании создавать впечатление, что его поездка связана с переговорами с Советским Союзом. Вместе с тем Мацуока говорил, что на обратном пути из Германии он обязательно на несколько дней остановится в Москве.

В завершение беседы японский министр выразил пожелание встретиться со Сталиным, как он заявил, «даже сейчас». К его удивлению, эта просьба была тотчас же удовлетворена. Молотов в присутствии Мацуока позвонил по телефону Сталину, после чего и сообщил дипломату, что «Сталин может быть через десять минут».

В ходе беседы с советским лидером Мацуока в форме прозрачных намеков пытался прозондировать позицию Сталина по поводу перспективы присоединения СССР (в той или иной форме) к Тройственному пакту. При этом японский министр открыто предлагал в интересах «уничтожения англосаксов» «идти рука об руку» с Советским Союзом. Развивая идею вовлечения СССР в этот блок, Мацуока опирался на сведения о состоявшихся в ноябре 1940 г. в Берлине переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом.

Как известно, решение о нападении Германии на Советский Союз было принято Гитлером в конце июля 1940 г. «Россия должна быть ликвидирована. Срок – весна 1941 года», – сказал Гитлер 31 июля на совещании руководящего состава вооруженных сил Германии. Поэтому предложение немцев советскому правительству присоединиться к Тройственному пакту можно рассматривать лишь как операцию по дезинформации, призванную усыпить бдительность Сталина, породить у него представление об отсутствии у Германии агрессивных намерений в отношении СССР. Риббентроп уже в первой беседе в Берлине с Молотовым 12 ноября 1940 г. предложил «подумать о форме, в которой три государства, то есть Германия, Италия и Япония, смогли бы прийти к соглашению с СССР».

Во время бесед с Молотовым Гитлер прямо заявил, что «он предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте». При этом фюрер не скрывал, что речь идет об объединении сил в борьбе против Великобритании и США, заявив: «... Мы все являемся континентальными государствами, хотя каждая страна имеет свои интересы. Америка же и Англия не являются континентальными государствами, они лишь стремятся к натравливанию европейских государств друг на друга. Мы хотим исключить их из Европы. Я считаю, что наши успехи будут больше, если мы будем стоять спиной к спине и бороться с внешними силами вместо того, чтобы стоять друг против друга грудью и бороться друг против друга».

Накануне Риббентроп следующим образом изложил германское видение геополитических интересов участников «проектируемого» союза: «Интересы Германии находятся в Восточной и Западной Африке, Италии – в Северо-Восточной Африке, Японии – на юге, а у СССР – там же на юге – к Персидскому заливу и Аравийскому морю...». Министр предложил оформить договоренность между СССР, Германией, Италией и Японией в виде декларации против расширения войны, а также о желательности компромисса между Японией и Чан Кайши.

Реагируя на эту информацию, Сталин дал в Берлин следующее указание Молотову: «Если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами,

---

¹³⁴ Нихон гайко нэмпё нараби сюё бунсё (Хронология японской дипломатии и основные документы). Т. 2. Токио, 1965. С. 481.

а для Москвы останутся окончание и оформление дела, – то тем лучше... Насчет декларации дать принципиальное согласие без разворота пунктов».¹³⁵

Главная цель встреч Мацуоки с германскими руководителями состояла в том, чтобы выяснить, действительно ли Германия готовится к нападению на СССР, и если это так, то когда может произойти такое нападение. Однако в Берлине считали нецелесообразным информировать своего дальневосточного союзника о конкретных германских планах.

Готовясь к приему японского министра, Гитлер издал 5 марта 1941 г. директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией», в которой была определена цель: как можно скорее вовлечь Японию в войну против Великобритании и таким образом связать значительные английские силы на Тихом океане. В результате чего и американцы должны будут перенести свое внимание на Дальний Восток, воздерживаясь от активного участия в войне в Европе. Япония, однако, должна избегать войны с США. Директивой запрещалось сообщать японцам о существовании плана войны Германии против СССР «Барбаросса».

В Японии не могли не понимать, что в стратегическом плане Германия отводит своему дальневосточному союзнику роль младшего партнера, который должен таскать для нее каштаны из огня. Подозрения японцев в искренности германского союзника неизмеримо усилились бы, зная они об истинной оценке Гитлером японских руководителей.

22 августа 1939 г., накануне подписания германо-советского соглашения о ненападении, фюрер, собрав в своей загородной резиденции приближенных генералов, разразился тирадой: «Император (Японии) сродни русским царям. Слабый, трусливый, нерешительный, его легко может смести революция... Нам следует видеть в себе хозяев и относиться к этим людям в лучшем случае как к лакированным полуобезьянам, которые должны знать кнут».¹³⁶

Будучи заинтересованным в отвлечении японцами англичан на Дальнем Востоке, Гитлер распорядился подчеркнуто радушно принять японского министра, ведя с ним переговоры «на равных». С 27 по 29 марта Мацуока провел три раунда переговоров с Риббентропом и дважды был принят Гитлером. Согласно директивам фюрера, Риббентроп убеждал японского министра атаковать Сингапур. Он говорил: «В случае, если Советский Союз выступит против Японии, Германия незамедлительно нанесет удар по СССР. Мы обещаем это. Поэтому Япония может, не опасаясь войны с Советским Союзом, двигаться на юг, на Сингапур».

Отвечая на вопрос Мацуока о состоянии германо-советских отношений, Риббентроп сказал: «...Конфликт с Россией находится все же в пределах возможного. Во всяком случае, после своего возвращения Мацуока не может докладывать японскому императору, будто возможность конфликта между Россией и Германией исключается. Напротив, положение вещей таково, что такой конфликт следует считать возможным, но не вероятным».

Что касается присоединения России к «Пакту трех держав», то министр рейха отметил, что «речь идет не просто о присоединении России к самому пакту, а скорее о другой комбинации. Как уже сообщалось, русские выдвинули на случай своего присоединения к пакту такие условия, которые Германия не может принять», – заявил Риббентроп. Не раскрывая содержание плана «Барбаросса» и не упоминая о нем, Риббентроп тем не менее счел возможным информировать собеседника, что «большая часть германской армии уже сосредоточена на восточных границах государства». Убеждая своего коллегу в быстротечности германо-советской войны, он говорил: «В настоящее время мы сможем сокрушить Советский Союз в течение трех-четырех месяцев... Я полагаю, что после разгрома Советский Союз развалится. Если Япония попытается захватить Сингапур, ей не придется больше беспокоиться о севере».¹³⁷

---

¹³⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 61–62.

¹³⁶ *Ikle F. W. German – Japanese Relations 1936–1940. New York, 1956. P. 133.*

¹³⁷ *Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 22.*

Гитлер также склонял Мацуока к нападению на Сингапур, заявляя: «Никогда в человеческом воображении для нации не представятся более благоприятные возможности. Такой момент никогда не повторится. Это уникальная в истории ситуация». По поводу германо-советских отношений фюрер ограничился сообщением, что рейх имеет свыше 160 дивизий, сконцентрированных на советских границах.

Следуя данным ему указаниям, Мацуока, вопреки своему обыкновению, больше слушал, чем говорил. Он знал, что специально приставленный к нему в качестве сопровождающего офицер разведуправления генштаба армии полковник Я. Нагаи по своим каналам передает в Токио содержание берлинских бесед. Тем не менее японский министр заверил своих собеседников в том, что «Япония будет всегда лояльным союзником, который посвятит себя общим усилиям и не займет пассивной позиции».

Мацуока давал понять немцам, что без согласия японской армии он не может принимать какие бы то ни было обязательства. В связи с этим показателен такой эпизод. Принимая от Мацуока подарок – японскую картину-свиток (какэдзiku) с изображением горы Фудзи – рейхсмаршал Г. Геринг как бы в шутку обещал посетить Японию, чтобы полюбоваться этой священной для японцев горой, но только после того, как «Япония возьмет Сингапур». Мацуока, кивнув в сторону Нагаи, сказал: «Об этом вам придется спросить у него».

Более откровенно министр говорил об отношениях Японии с Советским Союзом, прямо заявив, что имеет поручение заключить японо-советский пакт о ненападении или нейтралитете. Реакция немцев на это сообщение должна была показать, насколько далеко зашла подготовка Германии к нападению на Советский Союз. Если бы руководители рейха решительно воспротивились такому пакту, это было бы сигналом того, что решение о войне на востоке принято окончательно. Однако Гитлер и Риббентроп реагировали на слова японского дипломата довольно прохладно. Риббентроп лишь предупредил Мацуока «не заходить слишком далеко в сближении с Россией». Впоследствии Гитлер заявил, что японцы заключили пакт с СССР «с одобрения Германии». О причинах такой позиции немцев можно только догадываться. Скорее всего, они рассчитывали на то, что, имея пакт со Сталиным, японцы быстрее решатся на захват Сингапура. С другой стороны, на них могло произвести впечатление важное заявление, сделанное Мацуока в беседе с Риббентропом, о том, что «никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».¹³⁸

Покидая Германию, Мацуока понимал, что руководители рейха явно недоговаривают, не хотят раскрывать свои карты японцам, фактически дезориентируют их. Как иначе можно было расценить слова Гитлера о том, что, «несмотря на задержку в осуществлении германского плана высадки на Британские острова, капитуляция Великобритании – это лишь вопрос времени. Великобритания должна быть разбита»? Как объяснить скопление германских войск в восточных районах рейха, которые министр видел своими глазами, пересекая германо-советскую границу? Неужели Германия решила воевать одновременно на западе и на востоке?

Впоследствии Мацуока признает, что в результате посещения Берлина он оценил вероятность начала германо-советской войны как «50 на 50». «Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете (с СССР)», – заявил он 25 июня 1941 г. на заседании координационного совета правительства и императорской ставки. Но это будет потом. А пока предстояли переговоры в Москве.

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 7876. Оп. 2. Д. 272. Л. 12–14.

Хотя руководители рейха не настаивали на участии японских вооруженных сил в войне против СССР, а стремились направить их против Великобритании, в ходе такой войны могло создаться положение, когда правительство Германии потребовало бы от своего союзника выполнения обязательств по Тройственному пакту. В этом случае выступление Японии против СССР должно было состояться не тогда, когда японское правительство и командование сочтут момент наиболее благоприятным, а когда это будет необходимо Германии. Это не устраивало Японию, не желавшую играть подчиненную роль в германской войне против СССР, выполняя вспомогательные задачи. С другой стороны, японское руководство не могло не волновать то, что в результате быстрого разгрома Германией Советского Союза Япония не будет допущена к дележу «русского пирога» или же получит лишь небольшие куски. Поэтому для обеспечения империи свободой действий как на южном, так и на северном направлениях считалось целесообразным иметь пакт о ненападении или нейтралитете с Советским Союзом. К тому же такой пакт мог стать прикрытием подготовки Японии к нападению на СССР. Главные же цели пакта для Японии оставались прежними – добиться от СССР его отказа от помощи Китаю и обеспечить прочный тыл на севере на случай начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

По мнению японцев, пакт с СССР должен был, кроме всего прочего, затруднить образование союза между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Японский военно-морской министр К. Оикава с нескрываемой тревогой говорил: «Флот уверен в своих силах в случае войны только с Соединенными Штатами и Британией, но выражает опасения по поводу столкновения одновременно с Соединенными Штатами, Британией и Советским Союзом».

Мацуока не мог не учитывать эти опасения. К тому же провал порученных самим императором переговоров в Москве серьезно подорвал бы авторитет японского министра иностранных дел, поставив вопрос о его дальнейшем пребывании на занимаемом посту. Поэтому он решил все же продолжить переговоры с советским руководством о подписании соглашения с СССР.

Готовясь к встрече с Мацуока, советское руководство из сообщений Рихарда Зорге знало, что император и ближайшее окружение японского премьер-министра Ф. Коноэ хотят заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. 10 марта 1941 г. Зорге доносил в Москву: «... Что касается СССР, то Мацуока имеет больше полномочий для самостоятельных действий. Коноэ не верит, что Мацуока сможет заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, но он все же надеется, что кое-что в этом направлении Мацуока сможет сделать. Коноэ надеется также получить от Советского правительства разрешение на пропуск через Сибирь немецких военных материалов, заказанных Японией. Наконец, он надеется достигнуть с СССР соглашения о прекращении сотрудничества с чунцинским правительством».¹³⁹

Как уже отмечалось, советскому правительству было непросто принять решение о заключении пакта с милитаристской Японией. В Кремле хорошо помнили реакцию Запада на подписание советско-германского пакта о ненападении, расцененного как «предательство идеи антигитлеровской коалиции». Заключение аналогичного соглашения еще с одним членом «Пакта трех держав» неизбежно создавало новые проблемы во взаимоотношениях с западными державами, которые могли расценить действия СССР как провоцирующие Японию на расширение экспансии в Восточной Азии и на Тихом океане. Продолжало беспокоить советское руководство и то, идя на подписание пакта с Японией, оно рисковало ухудшить свои отношения с Китаем. Однако, с другой стороны, как и в случае с Германией, пакт с японцами отвечал государственным интересам Советского Союза, ибо создавал хотя и ненадежные и явно временные, но все же гарантии, снижал опасность одновременного нападения на СССР с запада и востока.

¹³⁹ Русский архив. Т. 18. С. 173.

Вернувшись из Берлина в Москву, Мацуока 7 апреля в беседе с Молотовым попытался выдвинуть японские условия подписания пакта с СССР, в частности официально предложил продать Японии Северный Сахалин. Это предложение, как и ранее в беседах Молотова с японскими послами Того и Татэкава, было решительно отвергнуто. При этом советская сторона продолжала настаивать на ликвидации, одновременно с подписанием пакта, японских концессий на Северном Сахалине. Было ясно, что советское правительство не отступит от своих позиций.

В довольно сумрачном настроении Мацуока посетил Ленинград, где осмотрел сокровища Эрмитажа и присутствовал на балетном спектакле. Возвратившись 12 апреля в Москву, он телеграфировал в Токио, что Молотов «не проявляет симпатии и шансы заключения соглашения с Россией близки к нулю». Неожиданно в гостиничном номере японского министра раздался телефонный звонок из секретариата Сталина. Мацуока приглашался в Кремль на беседу с советским лидером.

Анализ дипломатических контактов Сталина с иностранными политиками свидетельствует о выработанной им тактике ведения переговоров, когда на предварительном этапе Молотову поручалось, занимая довольно жесткую позицию, в максимальной степени «дожимать» партнеров, добиваясь от них учета советской позиции. При этом в последний момент, когда казалось, что соглашения уже достичь не удастся, вступал в дело сам Сталин, который с присущих вождю широких политических позиций предлагал заранее продуманный компромисс и как бы выводил переговоры из тупика. В этой ситуации иностранному политику было трудно не оценить по достоинству широту взглядов и подходов советского лидера. Подобное произошло и на данной встрече.

После традиционных приветствий, Мацуока начал пространно излагать Сталину значение японского лозунга «хакко итиу» (восемь углов под одной крышей), под которым японская империя намеревалась создавать «новый мировой порядок». Он убеждал, что этот древний лозунг не означает стремления Японии к переделу мира, что цель Японии объединить все народы земли «под единой крышей взаимного уважения и комфорта».

Сталин терпеливо слушал, а затем, прервав собеседника, предложил перейти к делу. Отвергнув претензии Японии на Северный Сахалин, он заявил о желании вернуть в состав территории Советского Союза южную часть этого острова, отторгнутую от России в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. Мацуока возражал, ссылаясь на то, что южная часть Сахалина заселена японцами и России лучше обратить внимание на расширение своих территорий за счет арабских стран, вместо того чтобы претендовать на территории, соседствующие с японской метрополией.

Это была «домашняя заготовка» Мацуока. Готовясь к переговорам с Советским Союзом, министерство иностранных дел Японии разработало программу заключения с СССР пакта о ненападении. Одним из пунктов этой программы предусматривалось: «В подходящий момент включить в сферу влияния Японии (в результате покупки или обмена территориями) Северный Сахалин и Приморье».¹⁴⁰ Для того чтобы побудить советское правительство пересмотреть свою политику в отношении японо-китайской войны, в документе намечалось предложить Советскому Союзу следующее: «СССР признает интересы Японии во Внутренней Монголии и в трех провинциях Северного Китая. Япония признает традиционные интересы Советского Союза во Внешней Монголии и Синьцзяне. СССР соглашается с продвижением Японии в направлении Французского Индокитая и Голландской Индии. Япония соглашается с будущим продвижением Советского Союза в направлении Афганистана, Персии (впоследствии сюда включается и Индия)».¹⁴¹

¹⁴⁰ Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 80.

¹⁴¹ Там же.

Попытка Мацуока изложить этот «план» Сталину реакции последнего не вызвала. Было ясно, что целью вовлечения Советского Союза в подобный сговор было желание не допустить его сближения со странами Запада и все же попытаться привлечь к сотрудничеству с участниками Тройственного пакта.

Проигнорировав геополитические прожекты Мацуока, Сталин выложил на стол проект советско-японского пакта о нейтралитете, который состоял из четырех статей. Ст. 1 предусматривала обязательство обеих сторон поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны. В ст. 2 говорилось, что в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта. Ст. 3 предусматривала, что пакт сохраняет силу в течение пяти лет.

Предложенный Сталиным вариант соглашения не требовал от Токио никаких уступок, кроме согласия на ликвидацию на приемлемых условиях концессий на Северном Сахалине. К тому же откровенность и примирительный дружественный тон Сталина убеждали Мацуока, что советский лидер искренне стремится на продолжительный срок избежать новых конфликтов с Японией.

Связавшись с Токио, Мацуока получил согласие на подписание предложенного советской стороной документа. Вместе с тем в инструкциях японского правительства было подчеркнуто, что «Тройственный пакт не должен быть ослаблен».

13 апреля 1941 г. в Кремле был подписан «Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом». Одновременно была подписана Декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го. Была достигнута и договоренность о разрешении в течение нескольких месяцев вопроса о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако по просьбе японской стороны об этой договоренности в печати не сообщалось.

На состоявшемся затем банкете в Кремле царила атмосфера удовлетворения успешно завершившимся «дипломатическим блицкригом». По свидетельству очевидцев, стремясь подчеркнуть свое гостеприимство, Сталин лично подвигал гостям тарелки с яствами и разливал вино. Однако обилие комплиментов не могло скрыть от наблюдателя, что за столом сидели не друзья, а противники.

Участники банкета с японской стороны, в частности личный секретарь Мацуока Т. Касэ, рассказывали о состоявшемся за столом диалоге:

Подняв свой бокал, Мацуока сказал: «Соглашение подписано. Я не лгу. Если я лгу, моя голова будет ваша. Если вы лжете, я приду за вашей головой».

Сталин поморщился, а затем со всей серьезностью произнес: «Моя голова важна для моей страны. Так же как ваша – для вашей страны. Давайте позаботимся, чтобы наши головы остались на наших плечах».

Предложив затем тост за японскую делегацию, Сталин отметил вклад в заключение соглашения ее членов из числа военных.

«Эти представляющие армию и флот люди заключили пакт о нейтралитете, исходя из общей ситуации», – заметил в ответ Мацуока. – На самом деле они всегда думают о том, как бы сокрушить Советский Союз». Сталин тут же парировал: «Хотелось бы напомнить всем японским военным, что сегодняшняя Советская Россия – это не прогнившая царская Российская империя, над которой вы однажды одержали победу».

Хотя Сталин попрощался с японским министром в Кремле, затем он неожиданно он появился на вокзале, чтобы лично проводить Мацуока. Это был беспрецедентный и единственный в своем роде случай, когда советский лидер счел необходимым таким необычным

жестом подчеркнуть важность советско-японской договоренности. Причем подчеркнуть не только перед японцами, но и перед немцами.

Зная, что среди провожавших Мацуока был и германский посол в Москве фон Шуленбург, Сталин демонстративно обнимал на перроне японского министра, заявляя: «Вы азиат и я азиат... Если мы будем вместе, все проблемы Азии могут быть решены». Мацуока отвечал: «Проблемы всего мира могут быть разрешены».

В целом негативно относящиеся к каким-либо договоренностям с Советским Союзом военные круги Японии, в отличие от политиков, не придавали пакту о нейтралитете особого значения. В «Секретном дневнике войны» японского генерального штаба армии 14 апреля 1941 г. была сделана следующая запись: «Значение данного договора состоит не в обеспечении вооруженного выступления на юге. Не является договор и средством избежать войны с США. Он лишь дает дополнительное время для принятия самостоятельного решения о начале войны против Советов».¹⁴² Еще более определенно высказался в апреле 1941 г. военный министр Х. Тодзио: «Невзирая на пакт, мы будем активно осуществлять военные приготовления против СССР».¹⁴³

О том, что наиболее антисоветски настроенные японские генералы рассматривали пакт о нейтралитете лишь как прикрытие завершения подготовки к наступательной операции, свидетельствует сделанное 26 апреля заявление начальника штаба Квантунской армии Кимура на совещании командиров соединений этой армии. «Необходимо, – заявил он, – с одной стороны, все более усиливать и расширять подготовку к войне против СССР, а с другой – поддерживать дружественные отношения с СССР, стремясь сохранить вооруженный мир, и одновременно готовиться к операциям против Советского Союза, которые в решительный момент принесут верную победу Японии».

Советская разведка своевременно и объективно информировала Москву об этих настроениях в японской армии. 18 апреля Зорге сообщал, что «Отто (Ходзуми Одзак. – *Примеч. авт.*) посетил Коноэ как раз в тот момент, когда Коноэ получил от Мацуока телеграмму о заключении пакта о нейтралитете. Коноэ и все присутствовавшие были чрезвычайно рады заключению пакта. Коноэ сразу позвонил об этом военному министру Тодзио, который не высказал ни удивления, ни гнева, ни радости, но согласился с мнением Коноэ о том, что ни армия, ни флот, ни Квантунская армия не должны опубликовывать какое-либо заявление относительно этого пакта. Во время обсуждения вопроса о последствиях пакта вопрос о Сингапуре не поднимался. Основное внимание всех присутствующих было сосредоточено на вопросе использования пакта для ликвидации войны с Китаем...».

28 апреля советский военный атташе в Корее телеграфировал: «22 апреля начальник штаба армии (японской армии в Корее. – *Примеч. авт.*) Такахаси заявил журналистам: "СССР, признавая мощь Японии, заключил с ней пакт о нейтралитете с тем, чтобы сконцентрировать свои войска на западе. Только военная сила может обеспечить эффективность пакта, и поэтому новое формирование ни Квантунской, ни Корейской армии ослаблено не будет, и они со своих позиций не уйдут. Такахаси привел исторические примеры, когда Китай, будучи в военном отношении слабее Японии, шел на заключение выгодных для Японии договоров. Сейчас основной задачей Японии, как он заявил, является завершение китайской войны"».

Имея подобную информацию, Сталин понимал, что, несмотря на подписание пакта о нейтралитете, японцы не ослабят свою боевую готовность на границах с Советским Союзом. Тем не менее он считал, что, имея пакт о ненападении с Германией и пакт о нейтралитете с Японией, СССР сможет выиграть время и в течение определенного периода оставаться вне

---

¹⁴² Тайхэйё сэнсо-э но мити. Т. 5. Токио, 1963. С. 300.

¹⁴³ Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. Токио, 1972. С. 66.

войны. Однако, как показали последовавшие события, «вооруженный нейтралитет» Японии отнюдь не гарантировал безопасность СССР на Дальнем Востоке и в Сибири.

Глава четвертая. Вооруженный нейтралитет

«Лучше пролить кровь...»

16 апреля 1941 г. японский посол в Берлине Х. Осима направил в Токио шифровку, в которой сообщалось: «В этом году Германия начнет войну против СССР». ¹⁴⁴ Аналогичная информация поступала и от японских послов и военных атташе в других европейских странах. 28 апреля, подтвердив неизбежность скорого германского нападения на СССР, Осима рекомендовал центру: «После начала германо-советской войны, двигаясь на юг, оказывать тем самым косвенную помощь Германии. Затем, воспользовавшись внутренними беспорядками в Советском Союзе, применить вооруженные силы и в согласовании с Германией завершить решение вопроса о СССР». ¹⁴⁵

В течение мая в японском генеральном штабе армии проходили интенсивные совещания руководящего состава, на которых вырабатывалась стратегия Японии на случай советско-германской войны. Однако прийти к общему мнению не удалось. Определились три основные точки зрения.

Первая заключалась в том, чтобы первоначально осуществить экспансию на юг, обеспечить экономическую независимость империи, после чего, невзирая на пакт о нейтралитете, обрушиться на Советский Союз. При этом считалось, что США, напуганные японо-германским сближением, не будут оказывать Японии серьезного сопротивления в ее продвижении в южном направлении.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что Япония, воспользовавшись советско-германской войной, должна незамедлительно приступить к осуществлению планов оккупации советских восточных территорий. Сторонники этого курса опасались, что, «если Япония не захватит в качестве буферной зоны восточную часть Советского Союза, эта территория не будет гарантирована от германской агрессии». ¹⁴⁶

Наконец, было немало сторонников того, чтобы выжидать и готовиться к войне – как на севере, так и на юге, с целью принять окончательное решение с учетом складывающейся обстановки, в первую очередь в Европе.

28 мая Риббентроп в ответ на запрос Мацуока через посла Осима со всей определенностью сообщил:

«Сейчас война между Германией и СССР неизбежна. Я верю, что если она начнется, то может закончиться в течение двух-трех месяцев. Армия уже закончила развертывание». ¹⁴⁷ Об этом же посол информировал Токио в телеграмме от 6 июня, в которой выражалась уверенность, что «Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава». ¹⁴⁸

В связи с этим интерес представляют опубликованные оригиналы разведдонесений Рихарда Зорге в Москву в мае-июне 1941 года.

2 мая Зорге доносил: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости

---

¹⁴⁴ Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 243–244.

¹⁴⁵ Там же. С. 248.

¹⁴⁶ D. Bergamini. Japan's Imperial Conspiracy. New York, 1971. P. 743.

¹⁴⁷ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945. М., 1973. С. 43 (пер. с яп.).

¹⁴⁸ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 254–255.

разгромить СССР и получить Европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой... Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не мешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».¹⁴⁹

Эта информация соответствовала содержанию передаваемых из Берлина Осима телеграмм, что свидетельствует о высокой степени достоверности разведданных Зорге. И это объяснимо – ведь информацию он черпал из высших эшелонов японского правительства. 10 мая советский резидент сообщил в Москву: «...Отто (Ходзуми Одзаки, неофициальный советник премьер-министра Коноэ. – *Примеч. авт.*) узнал, что в случае германо-советской войны Япония будет сохранять нейтралитет, по меньшей мере, в течение первых недель. Но в случае поражения СССР Япония начнет военные действия против Владивостока. Япония и германский ВАТ (аппарат германского военного атташе в Токио. – *Примеч. авт.*) следят за перебросками советских войск с востока на запад».¹⁵⁰

30 мая Зорге сообщает: «Берлин информировал От-та, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнется...»¹⁵¹ Наконец, за два дня до германского нападения, 20 июня советское руководство получило информацию из Токио: «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест (Ходзуми Одзаки) сказал мне, что японский генеральный штаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны... Все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германии».¹⁵²

Правящая верхушка Японии в ожидании развязки лихорадочно готовилась к изменению ситуации в мире. Военный атташе посольства Франции в Токио 18 июня доносил в центр (Виши): «Атмосфера кажущегося спокойствия, которая царит в настоящее время в Японии, несколько необычна в сравнении с активностью высших органов правительства – таких, как Императорский генеральный штаб, Совет дзусинов (высшие советники императора из числа бывших премьер-министров Японии. – *Примеч. авт.*), Совет министров, которые собираются почти ежедневно».¹⁵³

22 июня 1941 г., получив сообщение о начале германского вторжения в СССР, министр иностранных дел Японии Мацуока спешно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по Советскому Союзу с востока. В ответ на вопрос императора, означает ли это отказ от выступления на юге, Мацуока ответил, что «сначала надо напасть на Россию».¹⁵⁴ При этом министр добавил: «Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться».¹⁵⁵

Эту позицию Мацуока отстаивал и на заседаниях координационного совета правительства и императорской ставки. Им приводились следующие доводы:

а) необходимо успеть вступить в войну до победы Германии, из опасения оказаться обделенными;

¹⁴⁹ Русский архив. Т. 18. С. 179.

¹⁵⁰ Там же. С. 180.

¹⁵¹ Там же. С. 181.

¹⁵² Там же. С. 183.

¹⁵³ Там же. С. 182.

¹⁵⁴ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 458.

¹⁵⁵ Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 4. Токио, 1972. С. 84.

б) поскольку на принятие решения в пользу войны с СССР немаловажное влияние оказывала боязнь возможной перспективы возможного варианта одновременной войны против Советского Союза и США, Мацуока убеждал высшее японское руководство и командование в том, что этого удастся избежать с помощью дипломатических средств;

в) министр иностранных дел заявлял о своей уверенности в том, что нападение на Советский Союз окажет решающее влияние на окончание войны в Китае, ибо в этом случае правительство Чан Кайши окажется в изоляции.

Хотя предложение об ударе в тыл Советскому Союзу базировалось на выводе о краткосрочном характере германской агрессии, учитывалась и возможность затяжной войны и даже поражения Германии. Считалось, что при всех обстоятельствах Японии лучше вступить в войну на севере, чем идти на риск вооруженного столкновения с США и Великобританией. Сторонники этой концепции полагали, что в случае, если Великобритания, поддержанная США, в конце концов одержит победу над Германией, то Японию не будут строго судить «за нападение лишь на коммунизм».

Участники заседаний не высказывали возражений против доводов Мацуока. Они соглашались с тем, что германское нападение на СССР с запада представляет весьма выгодную возможность реализовать вынашиваемые годами планы отторжения в пользу Японии его восточных районов. Однако далеко не все разделяли поспешные выводы сторонников немедленного нападения на СССР.

Из стенограммы 32-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 25 июня 1941 г.:

«Министр иностранных дел Мацуока: Подписание пакта о нейтралитете (с СССР. – Примеч. авт.) не окажет воздействия или влияния на Тройственный пакт. Об этом я говорил после моего возвращения в Японию (из Германии и СССР. – Примеч. авт.). К тому же со стороны Советского Союза пока нет никакой реакции. Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия все же не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете. Я заявил Отту (послу Германии в Японии. – Примеч. авт.), что мы останемся верны нашему союзу, невзирая на положения (советско-японского) пакта, и если решим что-то предпринять, он будет проинформирован мною в случае необходимости. В том же духе мы говорили с советским послом.

Некто (фамилия в стенограмме не указана. – Примеч. авт.): Какое впечатление произвели Ваши слова на советского посла?

Мацуока: "Япония сохраняет спокойствие, но ясности – никакой", – сказал он и, как мне кажется, говорил искренне.

Некто: Меня интересует, не сделал ли он вывод, что Япония по-прежнему привержена Тройственному пакту и нелояльна пакту о нейтралитете?

Мацуока: Не думаю, чтобы у него сложилось такое впечатление. Разумеется, с моей стороны ничего не говорилось о разрыве пакта о нейтралитете.

Я не сделал никаких официальных заявлений Отту. Мне хотелось бы, чтобы как можно скорее были приняты решения по вопросам нашей национальной политики. Отт снова говорил о переброске советских войск с Дальнего Востока.

Военный министр Тодзио: Переброска войск с Дальнего Востока на Запад, безусловно, имеет большое значение для Германии, но Японии, разумеется, не стоит слишком переживать по этому поводу. Нам не следует всецело полагаться на Германию.

Военно-морской министр Оикава: От имени флота могу высказать ряд соображений о нашей будущей дипломатии. Я не хочу касаться прошлого. В нынешней щекотливой международной обстановке без консультаций с верховным командованием едва ли уместно рассуждать

(и) об отдаленном будущем. Флот уверен в своих силах в случае войны с Соединенными Штатами в союзе с Великобританией, но выражает опасение по поводу войны с США, Британией и СССР одновременно. Представьте, что Советы и американцы действуют вместе и США разворачивают военно-морские и авиационные базы, радиолокационные станции и тому подобное на советской территории. Представьте, что базирующиеся во Владивостоке подводные лодки передислоцируются в США. Это серьезно затруднит проведение морских операций. Во избежание такой ситуации следовало бы не планировать удар по Советской России, а готовиться к продвижению на юг. Флоту не хотелось бы провоцировать Советский Союз.

Мацуока: Вы сказали, что не боитесь войны с США и Великобританией. Почему же Вы против вовлечения в войну Советов?

Оикава: Если выступят Советы, это будет означать ведение войны еще с одним государством, не так ли? В любом случае не стоит предвосхищать будущее.

Мацуока: ... Я считаю, что мы должны спешить и принять решение, исходя из принципов нашей национальной политики.

Если Германия возьмет верх и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос в том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть, по крайней мере, к демонстративным действиям?

Военный и военно-морской министры: Существует множество вариантов демонстративных действий. Тот факт, что наша Империя занимает твердые позиции, сам по себе является демонстративным действием, не так ли? Разве мы не намерены реагировать подобным образом?

Мацуока: В любом случае, пожалуйста, поторопитесь и решите, что нам следует предпринять.

Некто: Что бы вы не предприняли, не допускайте поспешности в действиях»¹⁵⁶.

Советская разведка внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о выступлении Японии против СССР и своевременно информировала центр о возникших в руководстве страны противоречиях. 25 июня военный атташе посольства СССР в Японии доносил начальнику разведуправления генштаба Красной армии:

«...5. Генералы Араки и Сидо с прогнозами современной войны по-детски заявляют, что Германия разобьет СССР в два-три месяца. Соотношение сил строится арифметически, без политического анализа, без анализа запасов стратегического сырья и промышленных мощностей, следовательно, прогнозы звучат неубедительно и наивно, но народ, читая их, верит, что немцы сильнее.

6. Правительство уже три дня совещается и не может принять решение по вопросу своего отношения к войне, есть слухи, что они хотят протянуть недели три и приглядеться к войне, какое она примет направление. В Правительстве сейчас идет очень сложная борьба – проангличане и проамериканцы были ярыми противниками СССР, но под влиянием речи Черчилля как будто меняют свои взгляды. Определить позицию правительства сейчас очень трудно...

7. Военщина не высказывает своего мнения по этому вопросу.

8. Американцы и англичане рады сложившейся обстановке и заявляют, что "теперь мы с Вами будем сотрудничать по всем вопросам".

---

¹⁵⁶ Тайхэйё сэнсё-э но мити. Сирёхэн. С. 445–446.

9. Немцы нервничают, недовольны неопределенностью позиции правительства. Всеми силами стремятся втянуть Японию в войну. В ход пущены все средства фашистской клеветы и демагогии.

Вывод: ...Правительству доверять нельзя, оно может пойти на самые неожиданные шаги, даже вопреки здравому учету внутренней обстановки»¹⁵⁷.

Еще до нападения Германии на СССР, 10 июня, военное министерство Японии разработало документ «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем». В нем предусматривалось следующее: воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на юге, так и на севере; сохраняя приверженность Тройственному пакту, в любом случае вопрос об использовании вооруженных сил решать самостоятельно, продолжать боевые действия на континентальном фронте в Китае.¹⁵⁸

Эти положения легли в основу проекта документа «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки», который должен был быть представлен императорскому совещанию. Документ являлся результатом компромисса между сторонниками трех вышеуказанных точек зрения на дальнейшую политику Японии. Хотя в нем провозглашалось, что «независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», окончательный выбор первоначального направления вооруженной экспансии не был сделан. Обсуждению этого документа были посвящены предшествовавшие императорскому совещанию заседания координационного совета.

Из стенограммы 33-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 26 июня 1941 г.:

«Повестка заседания: Проект документа “Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки”».

Мацуока: Мне не понятна фраза “предпринять шаги для продвижения на юг” и слово “также” в фразе “также разрешить северную проблему”...

Начальник генерального штаба армии Сугияма: Что Вы хотите понять? Вы хотите понять, что важнее – юг или север?

Мацуока: Совершенно верно.

Сугияма: Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация.

Мацуока: Означает ли фраза “предпринять шаги для продвижения на Юг”, что мы не предпримем действий на Юге в ближайшее время?...

Заместитель начальника генерального штаба армии Цукада: Хорошо, выскажусь определенно. Между севером и югом нет различий в степени важности. Очередность и способ (действий) будет зависеть от обстановки. Мы не можем действовать в двух направлениях одновременно. На сегодняшний день мы не можем судить, что будет первым – север или юг...

Мацуока: Что случится, если обстановка не претерпит кардинальных изменений в благоприятном для нас смысле?

Цукада: Мы выступим, если почувствуем, что условия особенно благоприятны, и не сделаем этого, если они будут неблагоприятными. Поэтому мы включаем (в проект документа. – *Примеч. авт.*) слова “особенно благоприятные”. Кроме того, существует различие в точках зрения. Даже если Германии ситуация будет казаться исключительно благоприятной, но она не

---

¹⁵⁷ Русский архив. Т. 18. С. 183–184.

¹⁵⁸ Кантогун (Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 8.

будет благоприятной для нас, мы не выступим. И наоборот, даже если Германия будет считать условия неблагоприятными, но они будут благоприятны для нас, мы выступим.

Министр внутренних дел Хиранума: Можно вступить в войну, но не привлекая армии. Вступление в войну есть вступление в войну, даже если не использовать вооруженные силы. Хотя министр иностранных дел сказал, что состояние войны, то есть вступление в войну, неотделимо от использования вооруженных сил, нельзя ли все-таки вступить в войну, не привлекая вооруженных сил?

Мацуока: Согласен. Между вступлением в войну и использованием вооруженных сил может существовать временной промежуток...»¹⁵⁹

Как уже отмечалось, японское руководство серьезно опасалось «опоздать на автобус», то есть опоздать к разделу территории поверженного Советского Союза. Об этом предупреждал японский посол в Германии Осима, активно толкавший японское правительство к немедленному нападению на СССР.

Из стенограммы 34-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 27 июня 1941 г.:

«*Мацуока:* Я получил несколько сообщений от Осима. Их суть состоит в том, что политика нашей Империи столкнется с трудностями в том случае, если германо-советская война завершится в ближайшем будущем, а британо-германская – осенью или до конца года. Мы не можем слишком долго ждать выявления тенденций развития обстановки...

Ранее я составил план (координации) дипломатии и военных операций и с тех пор много о них размышлял. Хотя я оценивал вероятность начала германо-советской войны в 50 %, эта война уже разразилась. Я согласен с вчерашним проектом генеральных штабов армии и флота, но у меня есть некоторые соображения с точки зрения дипломатии...

Между Германией и Советским Союзом началась война. Хотя какое-то время Империя может выжидать и следить за развитием обстановки, рано или поздно нам придется принять ответственное решение и как-то выйти из создавшегося положения. Если мы придем к заключению, что германо-советская война вскоре закончится, встанет вопрос о первоначальном направлении удара на север или на юг. Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападём на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР. В общем, Соединенные Штаты не вступят в войну. Хотя я могу в чем-то и ошибаться, тем не менее надо нанести удар сначала на севере, а затем уже идти на юг. Если мы пойдем вначале на юг, нам придется воевать и с Великобританией, и с Соединенными Штатами...

Мною движет не безрассудство. Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удерживать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами. Если мы будем ждать и наблюдать за развитием событий, как это предлагается в проекте верховного командования, мы будем окружены Великобританией, США и Россией... Мы должны сначала ударить на севере, а затем нанести удар на юге. Ничего не предпринимая, ничего не получишь. Мы должны предпринять решительные действия.

Тодзио: Как соотносится (эта проблема) с китайским инцидентом?

Мацуока: До конца прошлого года я придерживался мнения о том, чтобы сначала выступить на юге, а затем на севере. Я считал, что, если мы нанесем удар на юге, китайская проблема будет разрешена. Однако этого не произошло. Мы должны двинуться на север и дойти

---

¹⁵⁹ Тайхэйё сэнсё-э но мити. Сирёхэн. С. 455–456.

до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией.

Тодзио: Считаете ли вы, что мы должны ударить на севере, даже если для этого нам придется отказаться от разрешения китайского инцидента?

Мацуока: Нам следует ударить на севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае.

Тодзио: Урегулирование китайского инцидента должно быть завершено.

Оикава: Мировая война продлится лет десять. За это время китайский инцидент уйдет в небытие. В течение этого периода мы сможем без труда нанести удар на севере.

Мацуока: Я сторонник нравственных начал в дипломатии. Мы не можем отказаться от Тройственного пакта. Мы смогли бы с самого начала уклониться от заключения пакта о нейтралитете. Если мы намерены говорить об отказе от Тройственного пакта, тогда надо быть готовыми к неопределенному будущему. Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась.

Хиранума: Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело. Вы предлагаете незамедлительно вступить в войну против Советов, рассматривая это с точки зрения национальной политики?

Мацуока: Да.

Хиранума: Хотя в наши дни приходится вершить дела в спешке, мы должны быть хорошо подготовлены. Вы говорите об использовании военной силы, но это требует подготовки... Короче говоря, разве нам не требуется время для достижения полной готовности?

Мацуока: Я бы хотел располагать решением о нанесении первоначального удара на севере, и я бы хотел сообщить об этом намерении Германии.

Сугияма: Нравственная и благородная дипломатия – это прекрасно, но в настоящее время наши крупные силы находятся в Китае. Хорошо говорить о честности, однако на практике мы не можем себе этого позволить. Верховное командование должно обеспечить готовность. А мы не можем сейчас решить, будем наносить удар (на севере) или нет. Для приведения в готовность армии нам потребуется от сорока до пятидесяти дней. Необходимо дополнительное время и для организации наших наличных сил и подготовки их к наступательным операциям. К этому времени ситуация на германо-советском фронте должна проясниться. Если условия будут благоприятными, мы будем сражаться.

Мацуока: Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз.

Сугияма: Нет». ¹⁶⁰

Несмотря на то что премьер-министр Коноэ и военно-морской министр Оикава, а также другие японские руководители не разделяли мнения Мацуока и его сторонников о незамедлительном выступлении против СССР, японский министр иностранных дел был уверен, что ему удастся преодолеть их сопротивление. При этом он опирался на влиятельных японских политиков – министра внутренних дел Хиранума, председателя Тайного совета Хара и других. 26 июня Зорге сообщил в Москву: «...Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнения, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». ¹⁶¹

Главным доводом и противники Мацуока, и его единомышленники использовали оценку экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое до войны с СССР предлагалось получить на Юге. С этой целью планировалось, повременив со вступлением в войну против СССР, быстро оккупировать, по крайней

---

¹⁶⁰ Тайхэйё сэнсё-э но мити. Сирёхэн. С. 457–458.

¹⁶¹ Русский архив. Т. 18. С. 185.

мере, Южный Индокитай. Мацуока же считал, что это чревато столкновением с США и Великобританией.

Из стенограммы 36-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 30 июня 1941 г.:

«Мацуока: До сих пор я не ошибался в предсказаниях того, что произойдет в следующие несколько лет. Я предсказываю, что, если мы будем вовлечены в действия на юге, нам придется столкнуться с серьезной проблемой. Может ли начальник генерального штаба армии гарантировать, что этого не произойдет? К тому же, если мы оккупируем Южный Индокитай, возникнут трудности с поставками в Японию нефти, каучука, олова, риса и т. д. Великие люди должны уметь менять свое мнение. Раньше я выступал за движение на юг, а теперь склоняюсь в пользу северного направления.

Начальник управления военных дел военного министерства Японии Мито: Оккупировав Южный Индокитай, мы сможем там получить каучук и олово.

Хиранума: Я полагаю, мы должны идти на север. Вопрос состоит в том, можем ли мы это сделать. Здесь мы должны положиться на мнение военных.

Начальник главного морского штаба Нагано: Что касается флота, то, если мы выступим на севере, нам придется переключить всю нынешнюю подготовку с южного направления на северное. Это потребует пятидесяти дней...

Принц Хигасикуни: Что вы можете сказать о планах разрешения северной проблемы?

Премьер-министр Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма: В нынешних условиях следует принять решение после дальнейшего изучения стратегической обстановки как с политической, так и с военной точек зрения. Мы уже обсудили эту проблему с точки зрения военной стратегии. Но решение о наших планах на севере необходимо принять только после должного учета требований политической стратегии, определения уровня нашей готовности и ситуации в мире.

Принц Асака: Это похоже на то, как если бы мы сидели на заборе и решали, куда прыгнуть – на север или на юг. Я считаю, было бы лучше сначала двинуться на север.

Тодзио: Легко принимать решения в абстрактной форме. Трудность принятия решения состоит в том, что мы все еще вовлечены в китайский инцидент. Если бы не было китайского инцидента, было бы легко решать.

Хигасикуни: Каковы будут результаты движения на юг? Что мы будем делать, если Британия, Соединенные Штаты и Советский Союз выступят против нас?

Сугияма: Существует несколько возможных вариантов движения на юг с точки зрения выбора времени и методов, но с точки зрения обеспечения нашего выживания и самообороны мы думаем дойти до Голландской Ост-Индии. Территории не являются нашей целью. Мы намерены продвигаться таким образом, чтобы избежать худшей из возможностей, то есть одновременного выступления против нас Британии, Соединенных Штатов и Советского Союза. При этом мы не остановимся перед конфронтацией только с Британией и Соединенными Штатами.

Коноэ: Исходя из того, что говорит мне флот, следует, что нам не удастся достичь всех целей одним ударом. На данном этапе мы продвинемся до Французского Индокитая. Затем мы будем идти шаг за шагом.

Асака: Не слишком ли мы осторожны по сравнению с тем, как решает вопросы Германия?

Коноэ: Да, это так, но это вопросы огромной важности для судьбы нашей нации. В отличие от гипотетических ситуаций к ним нельзя относиться с легкостью». ¹⁶²

---

¹⁶² Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн. С. 460–461.

Из стенограммы 37-го заседания координационного совета правительства и императорской ставки от 1 июля 1941 г.

:

«Министр финансов Кавада: Осуществляет ли армия подготовку к войне?»

Сугияма: Да, мы проводим подготовку. В первую очередь мы приводим войска в боевую готовность. Затем мы осуществим подготовку к наступательным операциям. В это время мы должны проявлять большую осторожность, чтобы войска не вышли из подчинения.

Цукада: Мы проводим подготовку, и это правильно, но мы намерены иметь минимальное количество войск, подготовленных к боевым действиям. Мы не собираемся готовить большое количество войск.

Кавада: А что думает флот?

Заместитель начальника главного морского штаба Кондо: Мы должны быть готовы к потере 100 подводных лодок.

Тодзио: Необходимо привести наши соединения и части в Маньчжурии в боевую готовность. Мы должны серьезно позаботиться о том, чтобы это осуществлялось втайне.

Министр торговли и промышленности Кобаяси: Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечивать транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселяли бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на юг или на север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У Империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражение, а также как разрешить китайский инцидент».¹⁶³

---

¹⁶³ Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн. С. 462.

Дипломатическая прелюдия войны

Императорское совещание, на котором в присутствии монарха (он же главнокомандующий армии и флота) должна была определиться политика Японии в условиях начала советско-германской войны, было назначено на 2 июля 1941 г. Накануне, 1 июля, японское правительство составило послание в адрес правительства СССР, в котором лицемерно заявляло об «искреннем желании поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом», о «надежде на скорое окончание советско-германской войны, заинтересованности в том, чтобы война не охватила дальневосточные районы»¹⁶⁴. Верховное командование Японии охарактеризовало это послание «дипломатической прелюдией начала войны». При этом считалось, что меры по дезинформации советского правительства относительно подлинных планов Японии должны особо активно проводиться накануне предполагавшегося удара по СССР.

Принятая 2 июля на императорском совещании «Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки» предусматривала продолжение войны в Китае и одновременное завершение подготовки к войне как против США и Великобритании, так и против Советского Союза.

Из стенограммы Императорского совещания (Годзэн кайги) 2 июля 1941 г.:

«Повестка обсуждения: "Программа национальной политики Империи в соответствии с изменениями обстановки".

Содержание документа:

Политика

1) Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2) Наша Империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на Юг и в зависимости от изменений в обстановке включает также разрешение северной проблемы.

3) Наша Империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

Резюме

1) Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено с целью принудить режим Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент, в зависимости от будущего развития обстановки, наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2) С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша Империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего, на основе документов "Программа политики в отношении Французского Индокита и Таиланда" и "О форсировании политики в отношении юга" будут предприняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осу-

---

¹⁶⁴ Там же. С. 463.

шествии указанных планов наша Империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3) Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4) При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5) В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша Империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6) Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7) Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно.

Выступление премьер-министра Коноэ:

Я хочу разъяснить основные положения сегодняшней повестки обсуждения.

Считаю, что наиболее насущным для нашей Империи является незамедлительное принятие решения о том, какую политику мы должны проводить в связи с нынешней обстановкой в мире. А именно в связи с началом войны между Германией и Советским Союзом и ее последующим развитием, тенденциями в политике Соединенных Штатов, развитием военной обстановки в Европе и урегулированием китайского инцидента. Правительство и секции армии и флота императорской ставки соответственно провели продолжительное обсуждение этих вопросов. В результате был выработан документ "Программа национальной политики Империи в соответствии с изменением обстановки", который вынесен сегодня на обсуждение.

Сначала остановлюсь на политическом разделе. Как неоднократно указывалось в Императорских рескриптах, основой нашей национальной политики является установление сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что должно внести вклад в обеспечение всеобщего мира. Я считаю, что эта национальная политика не должна ни в коей мере пересматриваться в зависимости от изменений и развития ситуации в мире.

Не приходится и говорить, что для создания сферы совместного процветания Великой Восточной Азии будет необходимо ускорить разрешение китайского инцидента, вопрос о котором все еще остается открытым. Далее, я также считаю, что для закладывания фундамента безопасности и сохранения нашей нации мы должны, с одной стороны, продвинуться на юг, а с другой – избавиться от наших трудностей на севере. Для этого мы должны в соответствующий момент разрешить северную проблему, воспользовавшись преимуществами ситуации в мире, особенно в связи с развитием германо-советской войны. Эта северная проблема является самой важной не только с точки зрения обороны нашей Империи, но также и для обеспечения стабильности во всей Азии.

Следует ожидать, что стремление достичь этих целей вызовет вмешательство и сопротивление различных государств. Но так как Империя должна, безусловно, достичь этих целей, мы со всей определенностью заявляем о нашей твердой решимости устранить все препятствия...

Выступление начальника генерального штаба армии Сугияма:

...По поводу решения северной проблемы. Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с германо-советской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта. При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры для урегулирования китайского инцидента, а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей Империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблемы на севере и обеспечения безопасности наших северных границ. Поэтому чрезвычайно важно для нас сохранять в тайне необходимую подготовку к военным операциям и обеспечить независимую позицию.

При этом считаю, что, осуществляя различные мероприятия для разрешения северной проблемы, особенно касающиеся использования вооруженных сил, мы должны придавать большое значение сохранению, несмотря на препятствия, нашей национальной позиции обеспечения постоянной готовности к войне с Великобританией и Соединенными Штатами, так как отношение этих стран к Японии не вызывает оптимизма.

Выступление начальника главного морского штаба Нагано:

По поводу разрешения южной проблемы. Я считаю, что в нынешних условиях для того, чтобы поддерживать нашу оборону на Юге и добиться самообеспечения в рамках сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, наша Империя должна предпринять незамедлительные шаги по неуклонному продвижению в южном направлении, используя в сочетании политические и военные меры в отношении ключевых районов на Юге и согласуясь с развитием обстановки.

Однако Великобритания, Соединенные Штаты и Голландия последовательно усиливают свое давление на Японию. Если они будут упорно продолжать создавать для нас препятствия и если наша Империя сочтет невозможным мириться с этим, мы, вероятно, и это следует предвидеть, в конце концов будем вынуждены пойти на войну с Великобританией и Соединенными Штатами. Поэтому мы должны быть готовы к этому, быть исполнены решимости не останавливаться перед такой возможностью.

...Нельзя предсказать, когда и при каких условиях Соединенные Штаты могут вступить в войну в Европе. Поэтому я считаю необходимым для нас принять независимое решение: когда и каким образом мы должны использовать вооруженные силы против Великобритании и Соединенных Штатов, учитывая при этом существующее на сегодняшний день положение.

Выступление министра иностранных дел Мацуока:

Позвольте изложить вопросы, касающиеся дипломатии. Было определено и остается неизменным, что наша основная национальная политика состоит в создании сферы совместного процветания Великой Восточной Азии, что необходимо для достижения долговременного мира во всем мире. Мы проводили наш внешнеполитический курс, придерживаясь этой национальной политики и учитывая наличие таких проблем, как китайская, отношения с Соединенными Штатами, развитие европейской ситуации и южная проблема. Однако с началом войны между Германией и Советским Союзом возникла новая ситуация. В связи с этим в дипломатическом плане я считаю жизненно важным вновь подтвердить нашу позицию по поводу нынешней национальной политики.

Как сейчас заявили начальники генеральных штабов армии и флота, для проведения нашей дипломатии необходимо заблаговременно решить, какие обязательства потребуют от нас использования силы. Однако не вызывает сомнения, что, даже если мы в конце концов будем вынуждены прибегнуть к силе, необходимо делать все от нас зависящее, чтобы попытаться достичь наших целей дипломатическими средствами. Например, в разрешении китайского инцидента мы будем, с одной стороны, прилагать усилия для укрепления национального правительства в Нанкине, а с другой, оказывая воздействие на внутреннюю и внешнюю политику чунцинского режима, различными дипломатическими методами принуждать его к капи-

туляции. Имеется в виду реорганизация этого режима с целью или формирования коалиции с национальным правительством, или склонения его к мирным переговорам.

...Я считаю, что для нас важно быть готовыми к проведению нашей внешней политики в отношении Советского Союза таким образом, чтобы это отвечало реальностям, на которые указывает верховное командование. В наших отношениях с Соединенными Штатами мы должны проявлять величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не допустить вступления Америки в европейскую войну и предотвратить ее столкновение с нашей страной...

Председатель Тайного совета Хара:

Я полагаю, все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша Империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии. Направляла ли Германия какие-либо послания с просьбой к нам напасть на Советский Союз?

Мацуока: ...Что касается сотрудничества с Германией в германо-советской войне, Риббентроп запрашивал нас об этом 26 июня, а затем вновь телеграфировал по этому поводу 28 июня. В это время мы обсуждали содержание документа "О форсировании политики в отношении юга". Мы ожидали войну между Германией и Советским Союзом. Поэтому не следует создавать у Германии впечатление, будто мы уклоняемся от наших обязательств.

Хара: Высказывались какие-либо пожелания со стороны Советского Союза?

Мацуока: Четыре дня спустя после начала войны между Германией и Советским Союзом мы ответили, что война не имеет отношения к Тройственному пакту. И с тех пор Советский Союз не заявлял никаких протестов. Советский Союз запрашивал нас, каково будет отношение Японии к нынешней войне. Мы ответили, что у нас пока не принято решение по этому вопросу.

Несколько дипломатических замечаний по этому вопросу. Даже если наша Империя не примет участия в войне между Германией и Советским Союзом, это не будет актом предательства по отношению к букве Тройственного пакта. Что касается духа союза, то я думаю, что для нас было бы правильным принять участие в этой войне.

Хара: Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен.

Я хотел бы избежать войны с Соединенными Штатами. Я не думаю, что Соединенные Штаты предпримут какие-либо действия, если мы нападём на Советский Союз.

У меня есть еще один вопрос. Было сказано, что, проводя нашу политику в отношении Французского Индокитая, мы готовы, если потребуется, к ведению войны против Великобритании и Соединенных Штатов. Предстоящее овладение базами в Индокитае рассматривается как подготовка к войне с Великобританией и Соединенными Штатами. Готовы ли мы уже к войне с ними? Я думаю, такая война может начаться, если мы предпримем действия против Индокитая. Каково ваше мнение по этому поводу?

Мацуока: На ваш вопрос ответить трудно. Нас беспокоит то, что офицеры на участках передовой линии настроены воинственно, они убеждены, что мы используем силу. Война против Великобритании и Соединенных Штатов едва ли начнется, если мы будем продвигаться с

большими предосторожностями. Конечно же, я упомянул воинственное поведение офицеров, полагаясь на мудрость верховного командования.

Из-за войны между Германией и Советским Союзом германское вторжение в Великобританию будет отложено. Поэтому Великобритания и Соединенные Штаты могут полагать, что Германия не предпримет попытки вторжения на Британские острова. Но я считаю, что Германия, возможно, сделает это, еще будучи занятой в войне с Советским Союзом. Даже Риббентроп не знал, что война между Германией и Советским Союзом столь близка. Гитлер будет решать один, осуществлять вторжение на Британские острова в ходе германо-советской войны или нет. Если Германия вторгнется в Великобританию, Соединенные Штаты должны будут всерьез задуматься, принимать ли им активное участие в войне. Или, с другой стороны, они могут предпринять активные действия против Японии с севера. С точки зрения американского национального характера я склоняюсь к вероятности второго варианта. Поэтому сейчас очень трудно выносить какое-то суждение.

Хара: Я хотел бы прояснить для себя, вступят ли Соединенные Штаты в войну, если Япония предпримет действия против Индокитая?

Мацуока: Я не могу исключить такую возможность.

Сугияма: ...Будущее развитие германо-советской войны окажет значительное воздействие на Соединенные Штаты. Если Советский Союз потерпит скорое поражение, сталинский режим, вероятно, развалится, а Соединенные Штаты, видимо, не вступят в войну. Если расчеты Германии не будут оправдываться и война затянется, возможность вступления Америки в войну возрастет. Пока ситуация в войне будет в пользу Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония и двинется во Французский Индокитай. Разумеется, мы предпочли бы осуществить это мирными средствами. Мы также хотели бы предпринять действия в Таиланде, но это может вызвать серьезные последствия, так как Таиланд расположен рядом с Малайей. В настоящее время мы продвинемся только до Индокитая. Мы проявим осторожность в направлении наших войск в Индокитай, так как это окажет огромное влияние на нашу будущую политику в отношении Юга.

Хара: Понимаю. Я полностью согласен с вами. Думаю, правительство и верховное командование единодушны в этом вопросе, т. е. в том, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы избежать столкновения с Великобританией и Соединенными Штатами. Я считаю, что Япония должна избежать военных действий против Соединенных Штатов, по крайней мере, в нынешней ситуации. При этом я также прошу правительство и верховное командование нанести удар по Советскому Союзу как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен, поэтому я надеюсь, что вы проведете подготовку с целью приблизить начало боевых действий. Мне остается лишь надеяться, что эта политика будет осуществлена, как только будет принято решение. Из приведенных мною доводов следует, что я полностью согласен с вынесенными на сегодняшнее обсуждение предложениями.

Тодзио: Я разделяю мнение господина Хара, председателя Тайного совета. Однако наша Империя сейчас связана китайским инцидентом, и надеюсь, председатель Тайного совета понимает это.

Сугияма: ...Хочу воспользоваться возможностью изложить ситуацию, в которой находится Квантунская армия. Из тридцати дивизий Советского Союза четыре уже отправлены на Запад. Однако Советский Союз все еще обладает (на Дальнем Востоке) явно подавляющей силой, готовой к стратегическому развертыванию. С другой стороны, Квантунская армия находится в положении, о котором я ранее докладывал. Я хочу усилить Квантунскую армию настолько, чтобы она могла защитить себя, способствовать проведению дипломатических переговоров, быть в готовности к наступлению или предпринять наступление, когда появятся благоприятные условия. Я считаю, что результаты войны между Германией и Советским Союзом прояснятся через пятьдесят-шестьдесят дней. За это время мы должны определиться в

вопросах разрешения китайского инцидента и переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами. Вот почему в наши предложения внесена фраза “пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт”».¹⁶⁵

Решением Императорского совещания вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи. Приняв это решение, японское правительство, по сути дела, разорвало подписанный лишь два с половиной месяца назад советско-японский Пакт о нейтралитете. В принятом документе пакт даже не упоминался.

Пытаясь дезинформировать советскую сторону, в тот же день Мацуока на встрече с советским послом в Токио К. А. Сметаниным заявил, что Япония «намерена строго соблюдать Пакт о нейтралитете». Сразу после этого он связался с германским послом Оттом для объяснения смысла такого заявления. «Мацуока сказал, – сообщал Отт в Берлин, – что причиной такой формулировки японского заявления советскому послу являлась необходимость ввести русских в заблуждение или, по крайней мере, держать их в состоянии неопределенности, ввиду того, что военная подготовка еще не закончилась».¹⁶⁶

Заверения японского правительства не могли скрыть конкретных действий, предпринимаемых в Японии по подготовке к вероломному удару. Вскоре Зорге узнал о решениях Императорского совещания. 3 июля он информировал Москву:

«...Германский военный атташе сказал мне, что японский генеральный штаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежности поражения Красной Армии.

Он думает, что Япония вступит в войну не позднее чем через шесть недель. Наступление японцев начнется на Владивосток, Хабаровск и Сахалин с высадкой десанта со стороны Сахалина на советское побережье Приморья...

Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через шесть недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет придерживаться и пакта о нейтралитете с СССР».¹⁶⁷

По поводу Императорского совещания 2 июля Зорге сообщил 10 июля следующее: «Источник Инвест сказал, что на совещании у императора решено не изменять плана действий против Сайгона (Индокитай), но одновременно решено и подготавливаться к действиям против СССР на случай поражения Красной Армии. Германский посол Отт сказал то же самое – что Япония начнет воевать, если немцы достигнут Свердловска. Германский военный атташе телеграфировал в Берлин, что он убежден в том, что Япония вступит в войну. Но не ранее конца июля или начала августа, и она вступит в войну сразу же, как только закончит подготовку...»

Одновременно Зорге сообщал в Москву, что «германский посол Отт получил приказ толкать Японию в войну как можно скорее».¹⁶⁸

Соппротивление Красной армии заставило германское руководство пересмотреть свои взгляды на участие Японии в войне против СССР. Оно стало требовать немедленного вступления Японии в войну. В инструкциях германского министра иностранных дел Риббентропа, на которые ссылался Зорге, послу Отту предписывалось: «Продолжать прилагать усилия к тому,

---

¹⁶⁵ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн. С. 463–469.

¹⁶⁶ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Указ. соч. С. 244.

¹⁶⁷ Русский архив. Т. 18. С. 186.

¹⁶⁸ Там же. С. 187.

чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России... Используйте все имеющиеся в вашем распоряжении средства, потому что, чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы».¹⁶⁹

Посол Отт телеграфировал 14 июля Риббентропу: «...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»¹⁷⁰

Однако в Токио ждали сообщения о «решающей победе» Германии. Это побудило германское правительство перейти на язык угроз. Берлин довел до сведения японского правительства, что, если до 25 июля оно не примет решения, предусматривающего «уважение условий Тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения, и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате, Германия будет считать себя свободной в своих действиях и после победы над СССР будет искать наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы в своих собственных интересах».¹⁷¹ Тем самым Германия давала понять, что без участия в войне Япония не может рассчитывать на овладение советскими территориями на Дальнем Востоке и в Сибири.

Хотя такое заявление вызывало беспокойство в Токио, японское руководство продолжало ожидать наступления «наиболее благоприятного момента» для нападения, заявляя при этом германскому правительству, что Япония останется верной своим обязательствам по Тройственному пакту.

В действительности же Япония готовилась обрушиться на СССР только при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Военный министр Тодзио подчеркивал, что нападение должно произойти тогда, когда Советский Союз «уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю».

Необходимый для завершения подготовки вооруженных сил империи к вторжению в СССР период японское правительство стремилось использовать для оказания давления на Советский Союз с целью вынудить его пойти на серьезные уступки Японии. Такой курс, кроме всего прочего, был направлен на то, чтобы дать Японии повод для агрессии, если советское правительство не поддастся шантажу. Германский посол в Японии сообщал в Берлин, что японское правительство намерено выдвинуть «решительные требования, которые советское правительство не сможет принять».¹⁷²

В июле 1941 г. японский МИД совместно с руководством сухопутной армии согласовал требования, которые предусматривалось предъявить Советскому Союзу, воспользовавшись его тяжелым положением на советско-германском фронте. Эти требования были сформулированы в принятом 4 августа 1941 г. на заседании правительства и императорской ставке постановлении «Основные принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом». В этом документе предписывалось: заставить советскую сторону прекратить советскую помощь Китаю; передать или продать Японии Северный Сахалин, Камчатку, советские территории к востоку от Амура; добиться вывода советских войск со всей территории Дальнего Востока.¹⁷³ 5 августа новый японский министр иностранных дел Т. Тоёда при встрече с советским послом Сметаниным попытался выдвинуть эти требования к Советскому Союзу.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 836.

¹⁷⁰ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 422.

¹⁷¹ Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 167.

¹⁷² Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 159.

¹⁷³ Тайхэйё сэно си. Т. 4. С. 98; Симада Тосихико. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 174.

По существу правящие круги Японии добивались капитуляции Советского Союза еще до совершения японского нападения. Перспектива захвата, под угрозой нападения, обширных советских территорий устраивала японских генералов, которые, помня уроки Халхин-Гола, опасались вооруженной борьбы с Красной армией. В июле 1941 г. начальник и заместитель начальника японского генерального штаба разъяснили начальникам отделов генштаба: «Применение оружия имеет своей целью разрешение северных проблем. Однако если они могут быть разрешены путем дипломатических переговоров, за которыми будут стоять наши вооруженные силы, то такое решение вопроса будет более желательно».¹⁷⁴

Выработанная японским военно-политическим руководством «концепция дипломатии перед началом войны» с СССР предусматривала, что, «если в ходе непродолжительных переговоров будут достигнуты политические и стратегические цели, военные действия не будут начаты». С другой стороны, предписывалось «в случае провала переговоров осуществить вооруженное выступление».¹⁷⁵

В ответ на попытки японского правительства применить методы шантажа и запугивания советское руководство твердо заявило, что в соответствии с принятой ранее договоренностью Япония должна ликвидировать свои концессии на Северном Сахалине и что пакт о нейтралитете не имеет никакого отношения к вопросу о помощи Китаю. Поскольку такой ответ противоречил планам японских правящих кругов, они продолжали подготовку к нанесению удара по СССР.

---

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 297. Л. 306–307.

¹⁷⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 17.

Японский вариант «блицкрига»

В соответствии с решением Императорского совещания от 2 июля 1941 г. генеральный штаб армии и военное министерство Японии разработали комплекс широких мероприятий, направленных на ускоренную подготовку к проведению наступательных операций против советских вооруженных сил на Дальнем Востоке и в Сибири. В японских секретных документах этот план получил шифрованное наименование «Кантогун токусю энсю» («Особые маневры Квантунской армии», сокращенно «Кантокуэн»). 11 июля 1941 г. императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой заявлялось, что целью «маневров» является усиление готовности к выступлению против Советского Союза.¹⁷⁶ В основе «Кантокуэна» лежал оперативно-стратегический план войны против СССР, разработанный генеральным штабом на 1940 год.

Опыт поражения на Халхин-Голе заставлял японское командование использовать против СССР крупную группировку войск. Для действий на восточном (приморском) направлении формировался 1-й фронт в составе 19 дивизий, на северном (амурском) направлении должна была действовать 4-я армия в составе трех дивизий, а на западном (район Большого Хингана) – 6-я армия (четыре дивизии).

Резерв командующего Квантунской армии, на которого возлагалось непосредственное руководство действиями войск, составлял четыре дивизии.¹⁷⁷

Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, слолив сопротивление советских войск, принудить их к капитуляции.

Военные действия разделялись на два этапа. На первом этапе планировалось, наступая на уссурийском направлении, нанести поражение советским войскам в Приморье. На втором – предписывалось захватить, опорную базу советского Тихоокеанского флота – Владивосток, оккупировать Хабаровск, затем разгромить советские войска на северном и западном направлениях. Параллельно силами размещенной на острове Хоккайдо 7-й дивизии и смешанной бригады на Южном Сахалине захватить Северный Сахалин и Петропавловск-на-Камчатке. Предусматривалось также, в зависимости от обстановки, осуществить операции на противоположном Сахалину побережье СССР.¹⁷⁸

Особое внимание в плане уделялось широкому использованию в военных действиях японских ВВС, которые должны были «уничтожить авиацию противника до начала операции». Ставилась задача за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну.¹⁷⁹

В ходе операций предполагалось захватить Ворошилов (Уссурийск), Владивосток, Благовещенск, Иман, Куйбышевку, Хабаровск, Биробиджан, Бирокан, район Рухлово, Северный Сахалин, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань и Петропавловск-на-Камчатке.¹⁸⁰

Важным свидетельством того, что мероприятия плана «Кантокуэн» были не чем иным, как подготовкой к нападению на СССР, является разработанный к 25 июня японским генеральным штабом и утвержденный ставкой график завершения подготовки и ведения войны:

---

¹⁷⁶ Там же. С. 21.

¹⁷⁷ Дайхоньэй рикугун бу. Ч. 2. С. 15–16.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Рикугун гундзю доин (Мобилизация вооружения и военного снаряжения для сухопутных сил). Токио, 1970. С. 409.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Стенограмма Токийского процесса, с. 49365–49366.

Принятие решения по мобилизации – 28 июня.
Издание директивы о мобилизации – 5 июля.
Начало переброски и концентрации войск – 20 июля.
Принятие решения о начале войны – 10 августа.
Начало военных действий – 29 августа.
Переброска четырех дивизий из Японии – 5 сентября.
Завершение операций – середина октября.¹⁸¹

В соответствии с этим графиком 5 июля 1941 г. была издана директива верховного командования о проведении первой очереди мобилизации, согласно которой Квантунская армия (группа армий) увеличивалась на две дивизии (51-я и 57-я). 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тысяч человек, а также судов общим водоизмещением 800 тысяч тонн для перевозки военных грузов в Маньчжурию.¹⁸²

Поскольку в решении Императорского совещания особо подчеркивалось требование «скрытно» завершить военную подготовку к нападению на СССР, были приняты меры по обеспечению секретности проводимой мобилизации. Она осуществлялась под видом учебных сборов для приписного состава и именовалась «внеочередным призывом». Термин «мобилизация» во всех документах и инструкциях был заменен на «внеочередные формирования». Были запрещены всякие проводы.

22 июля, с нарушением графика лишь на двое суток, началась концентрация войск у советской границы. Однако скрыть масштабы секретной мобилизации было невозможно. Ведь во время переброски и сосредоточения войск по плану «Кантокуэн» только через пункты на территории Кореи в сутки пропускалось до 10 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тысячи лошадей.¹⁸³ Внимательно следившие за ходом мобилизации германский посол Отт и военный атташе Кречмер 25 июля 1941 г. сообщили в Берлин, что уже призвано 900 тысяч резервистов в возрасте от 24 до 45 лет. Отмечалось, что в японскую армию призываются лица, владеющие русским языком.

Об этом же сообщал в Москву Зорге. 30 июля он телеграфировал в центр: «Источники Инвест и Интерн (Ётоку Мияги. – *Примеч. авт.*) сказали, что в порядке новой мобилизации в Японии будет призвано более чем 200 000 человек. Таким образом, к середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа, Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная Армия фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский генштаб, это трудно сейчас сказать.

Источник Инвест убежден, что, если Красная Армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят».¹⁸⁴

В Маньчжурию прибывали многочисленные приданные части и подразделения. По плану первой и второй очереди в сформированные три фронта (восточный, северный и западный) направлялись 629 приданных частей и подразделений, общее число которых соответствовало численности 20-ти дивизий.¹⁸⁵ Кроме того, военное министерство планировало дальнейшее усиление войск в Маньчжурии еще пятью дивизиями. Значительная часть войск перебрасывалась с китайско-японского фронта. В результате Квантунская армия выросла вдвое и насчиты-

---

¹⁸¹ Дайхоньэй рикугун бу. Ч. 2. С. 322; Кантогун. Ч. 2. С. 22–23.

¹⁸² Рикугун гундзю доин. С. 460.

¹⁸³ *Симада Тосихико*. Указ. соч. С. 164.

¹⁸⁴ Русский архив. Т. 18. С. 189.

¹⁸⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 23–24.

вала 700 тысяч человек.¹⁸⁶ После проведения второй очереди мобилизации по приказу № 102 от 16 июля 1941 г. на территориях Маньчжурии и Кореи было сосредоточено 850 тысяч солдат и офицеров японской армии.¹⁸⁷

Для участия в войне против СССР директивой ставки № 519 от 24 июля была сформирована так называемая Квантунская армия обороны, выполнявшая роль резерва.¹⁸⁸ В боевую готовность были приведены части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, а также воинские формирования на Курильских островах. Как было установлено на Токийском процессе, летом 1941 г. для нападения на СССР верховное командование создало группировку войск, общая численность которой составила около 1 млн военнослужащих.

В Квантунской армии и в Корее были созданы запасы боеприпасов, горючего и продовольствия, необходимые для ведения военных действий в течение 2–3-х месяцев.¹⁸⁹

По плану «Кантокуэн» в войне против СССР должны были участвовать войска марионеточных армий Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. Армия Маньчжоу-Го была создана после оккупации Маньчжурии. Все руководство этой армией осуществлялось штабом Квантунской армии. Непосредственное управление было возложено на многочисленных японских военных советников. С целью использования людских ресурсов Маньчжурии в подготовке к войне против СССР японцы накапливали здесь военно-обученные резервы. В 1940 г. в Маньчжоу-Го был введен закон о воинской повинности.

Армия оккупированной японцами Внутренней Монголии предназначалась для вторжения в составе японских войск в Монгольскую Народную Республику. По плану «Кантокуэн» предусматривалось «создание обстановки, при которой произошло бы добровольное объединение Внешней Монголии с Внутренней Монголией».¹⁹⁰

Не были забыты и бежавшие из Советской России белоэмигранты. С 1938 г. в Маньчжурии существовали сформированные по приказу командования Квантунской армии части белогвардейцев, предназначенные для участия в составе японских войск в войне против СССР. В их задачу входило разрушение железных дорог и других коммуникаций, нанесение ударов по базам снабжения в тылу советских войск, ведение разведки, диверсий, антисоветской пропаганды. После принятия плана «Кантокуэн» приказом командующего Квантунской армией из белоэмигрантов были сформированы специальные части для совершения диверсионных актов на советской территории.¹⁹¹

Действия сухопутных сил планировалось поддержать военно-морским флотом. В его задачу входило обеспечение высадки десантов на Камчатке и Северном Сахалине, захват Владивостока, уничтожение военных кораблей Тихоокеанского флота. 25 июля, получив санкцию императора, военно-морское командование отдало приказ о формировании специально для войны против СССР 5-го флота.¹⁹²

Главные силы японской авиации предполагалось использовать на восточном направлении с тем, чтобы подавить советские войска в Приморье и способствовать развитию наступления наземных войск.

Для ведения военных действий против вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке и в Сибири первоначально планировалось создать группировку в 34 дивизии. Поскольку к началу германо-советской войны в Маньчжурии и Корее насчитывалось лишь 14 кадровых дивизий, предусматривалось перебросить в Квантунскую армию шесть дивизий из

¹⁸⁶ Фудзивара Акира. Тайхэй сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 79.

¹⁸⁷ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 2. С. 329.

¹⁸⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 24.

¹⁸⁹ Кантогун. Ч. 2. С. 33.

¹⁹⁰ Там же. С. 38.

¹⁹¹ Кантогун. Ч. 2. С. 53–54.

¹⁹² Там же. С. 15.

метрополии и 14 – с китайского фронта.¹⁹³ Однако против этого выступило командование японской экспедиционной армии в Китае, которое заявило, что переброска с китайского фронта на север столь большого числа дивизий «означала бы забвение китайского инцидента».¹⁹⁴ В конце концов, центр согласился с этим доводом.

В конце июня 1941 г. военным министерством и генеральным штабом было принято решение сократить количество выделяемых для войны против СССР дивизий до 25. Затем в июле основной удар было решено наносить силами 20 дивизий. Наконец, 31 июля на встрече начальника оперативного управления генштаба С. Танака с военным министром Тодзио было окончательно решено о выделении для войны против СССР 24 дивизий.¹⁹⁵ Это объяснялось тем, что японское командование намеревалось добиться достижения целей войны против СССР «малой кровью».

В действительности же в результате проведения мобилизации, как отмечалось выше, в Маньчжурии и Корее была создана группировка японских войск в 850 тысяч человек, что по численности соответствовало 58–59 японским пехотным дивизиям. Ведь японский генштаб и командование сухопутных сил при разработке плана войны против СССР исходили из того, что на Дальнем Востоке и в Сибири было дислоцировано около 30 советских дивизий. Поэтому они и стремились к созданию необходимого для проведения наступательных операций двойного превосходства.

К началу августа выделенная для вторжения в Советский Союз группировка была в основном подготовлена. Приближался установленный графиком срок принятия решения о начале войны – 10 августа. Однако правящие круги Японии проявляли нерешительность, ожидая поражения Советского Союза на Западе.

---

¹⁹³ Симада Тосихико. Указ. соч. С. 153–154.

¹⁹⁴ Тайхэйё сэнсо си. Т. 4. С. 98.

¹⁹⁵ Симада Тосихико. Указ. соч. С. 168.

Глава пятая. Хурма не поспела

Предупреждения разведки

Уже во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились первые сомнения в успехе германского «блицкрига». 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах Второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий. Тихо». Затем 21 июля: «В развитии обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь».¹⁹⁶

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России – огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России, хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР».¹⁹⁷

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Японии в Берлине Осима свидетельствовал после войны: «В июле – начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели».¹⁹⁸

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть второй фронт на востоке. Они все более откровенно давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о «необходимости длительной подготовки». В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие 10 дней войны должны определить историю».¹⁹⁹ Имелось в виду время, оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Из-за того, что «молниеносная война» не состоялась, японское правительство стало с большим вниманием относиться к оценке внутрисоюзного положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посоль-

---

¹⁹⁶ Кантогун (Квантунская армия). Ч. 2. Токио, 1974. С. 21, 63.

¹⁹⁷ Сапожников Б. Г. Китайский фронт во Второй мировой войне. М., 1971. С. 21.

¹⁹⁸ Нихон-но тайсо имбо (Замыслы Японии против Советского Союза). Токио, 1948. С. 180.

¹⁹⁹ Кантогун. Ч. 2. С. 64.

ства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным».²⁰⁰

К началу августа 5-м отделом разведуправления генштаба (разведка против СССР. – *Примеч. авт.*) для руководства военного министерства был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В основном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Наме- рение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее разви- тие войны не будет выгодным для германской стороны». Комментируя этот вывод, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затягивается».²⁰¹ Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», – гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Канто- куэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИД от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затяги- вается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили: « Суще- ствует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Сове- там будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Японские военные не желали упус- кать «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокру- шить его. Особое нетерпение проявляло руководство Квантунской армии. Ее командующий Ё. Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сей- час представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предо- ставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства». Командование Квантунской армии, не желая счи- таться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Т. Ёсимото убеждал начальника оперативного управления генштаба С. Танака: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию “спелой хурмы” и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, высту- пив этой осенью, можно рассчитывать на успех».²⁰²

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. В этом и состояла суть теории «спелой хурмы», а именно ожидания «наиболее благоприятного момента».

²⁰⁰ Симада Тосихико. Указ. соч. С. 166.

²⁰¹ Кантогун. Ч. 2. С. 64.

²⁰² Тайхэйё сэно-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 486.

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей – на две трети. Однако масштабы переброски советских войск в Европейскую часть СССР летом 1941 г. были далеки от ожиданий японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей – около одной трети.²⁰³ При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генштаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно по японской территории. Японский генштаб располагал разведданными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 легких бомбардировщиков и 200 самолетов морской авиации. В одном из документов ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное – двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище».²⁰⁴

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским войскам. Японское командование помнило сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхин-гольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии».²⁰⁵

В Токио понимали, что одно дело – нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое – вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз – силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной ранее даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому что уж говорить о нашем разведуправ-

²⁰³ Дайхонъэй рикугун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 2. Токио, 1967. С. 351.

²⁰⁴ Кантогун. Ч. 2. С. 66.

²⁰⁵ Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 167.

лении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...» 3 сентября на заседании координационного совета правительства и императорской ставки участники совещания пришли к выводу, что, «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге».²⁰⁶

Командование японской армии имело опыт организации интервенции на территории Дальнего Востока и в Сибири в 1918–1922 гг., когда японские войска, неподготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы, несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции. Поэтому во всех планах и вооруженных провокациях оно исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Осима разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (то есть осень и зима. – *Примеч. авт.*) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны».²⁰⁷

В документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на совещании в присутствии императора, было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан «лучший момент никогда не наступит».²⁰⁸

14 сентября Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в МЧГ (Маньчжоу-Го) на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени».²⁰⁹ И это была точная информация.

Итак, подготовленное японское нападение на СССР не состоялось не в результате соблюдения Японией пакта о нейтралитете, а вследствие провала германского плана «молниеносной войны» и сохранения надежной обороноспособности СССР в восточных районах страны.

Альтернативой выступлению на севере было начало военных действий против США и Великобритании. 7 декабря 1941 г. японские вооруженные силы нанесли внезапные удары по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор и другим владениям США и Великобритании на Тихом океане и в Восточной Азии. Началась война на Тихом океане.

Однако война на юге не исключала возможности нападения японской армии на Советский Союз. И это было связано не столько с ближайшими планами Японии, руководство которой осознавало все тяготы и сложности ведения войны фактически на три фронта – в Китае, против англо-американских войск и против Советского Союза, сколько с ужесточившимися требованиями Гитлера и его генералов как можно скорее добиться нападения Японии на СССР с Востока.

Сведения о том, что Германия прилагает большие усилия по вовлечению Японии в войну против СССР, поступали в Кремль из различных источников, в том числе и лично от президента США. Однако наряду с этим имела и достаточно надежная информация о том, что

²⁰⁶ Гольдберг Д. И. Указ. соч. С. 68.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 33.

²⁰⁸ Тайхэйё сэнсо-э но мити. Сирёхэн. С. 507, 510.

²⁰⁹ Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противостояния двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 192.

«сотрудничество Японии с Германией далеко от совершенства». В докладе императору от 13 марта 1942 г. премьер-министр Японии (он же военный министр) генерал Тодзио, начальник главного морского штаба Нагано и начальник генерального штаба армии Сугияма в разделе «О политике в отношении СССР в современных условиях» писали:

«— Всеми силами препятствовать расширению войны другой стороной (видимо, имелось в виду не провоцировать СССР на военные действия. — *Примеч. авт.*);

– прилагать усилия к тому, чтобы во время операций против районов Южных морей всячески избегать войны с СССР;

– стремиться к тому, чтобы сохранить спокойную атмосферу в японо-советских отношениях и вместе с тем препятствовать укреплению связей СССР с США и Англией, а при возможности оторвать СССР от этих стран.

Эта политика, конечно, совершенно не означает отказа от проведения соответствующих военных приготовлений против СССР. Необходимо находиться в полной готовности к военным действиям, чтобы одержать решительную победу в кратчайшие сроки...»²¹⁰

Хотя политическая линия на то, чтобы «избегать войны с СССР», противоречила германскому замыслу как можно скорее вовлечь Японию в войну против СССР, в докладе подчеркивалась целесообразность не ослаблять Тройственный пакт с Германией и Италией: «С точки зрения достижения целей войны все настоятельнее чувствуется необходимость дальнейшего укрепления союза с Германией и Италией, поэтому необходимо придерживаться установленного курса на сотрудничество с ними».²¹¹

Эти предложения явились составной частью стратегического планирования Японией нового этапа войны. Основное содержание главных задач империи сводилось к «завоеванию и подчинению стратегических опорных пунктов за пределами оккупированной территории».²¹² Воздерживаясь от нанесения удара по СССР в ближайшее время, японское руководство вместе с тем брало на себя обязательство перед Германией – угрозой нападения сковывать советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири с тем, чтобы они не могли быть использованы на советско-германском фронте.

При этом разработка планов вероломного нападения Японии на СССР продолжалась. 18 февраля 1942 г. японский «Институт тотальной войны» представил правительству стратегическую программу войны против Советского Союза. «В случае войны с Советским Союзом, – говорилось в ней, – использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильный первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремясь к разрешению военного конфликта в короткий срок, и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну».²¹³

Одновременно японским генеральным штабом армии был составлен оперативный план наступательных операций против СССР на 1942 г. Операции должны были начаться внезапно. По плану в Маньчжурии на первом этапе кампании намечалось использовать 30 пехотных дивизий, четыре авиадивизии (1500 самолетов) и около 1000 танков. Главный удар планировался в направлении на город Ворошилов (Уссурийск) с последующим захватом всего Приморья. Одновременно намечалось наступление на направлении Свободный – Куйбышевка с

---

²¹⁰ Такусиро Хаттори. Япония в войне 1941–1945 гг. / Пер. с яп. М., 1973. С. 192.

²¹¹ Там же. С. 193.

²¹² История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 3. М., 1958. С. 273.

²¹³ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 84.

целью разгромить здесь советские войска и перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль.²¹⁴

Штаб Квантунской армии разработал график проведения операций на случай решения о начале войны против СССР весной 1942 г.:

- начало сосредоточения и развертывания войск – день X минус 5 дней;
- завершение развертывания – день X минус 2 дня;
- переход границы – день X;
- выход на южный берег реки Суйфыньхэ (Пограничная) – день X плюс 8–10 дней;
- завершение первого этапа наступления – день X плюс 21 день.

Решение о начале войны должно было быть принято в марте, а начало боевых действий планировалось на – в май 1942 г.²¹⁵

Однако, в отличие от командования Квантунской армии и ее сторонников, высшее военно-политическое руководство генштаба считало, что война с СССР чревата весьма серьезными последствиями для Японии. При этом наиболее важное значение придавалось опасениям того, что в ходе такой войны Японии будут противостоять объединенные советско-американские вооруженные силы.

В разработанном и одобренном на заседании координационного совета правительства и императорской ставки 7 марта 1942 г. документе «Оценка международного положения и достигнутых военных результатов» отмечалось, что «США и Англия... будут надеяться на то, чтобы СССР своими действиями сковал Японию или даже принял участие в войне против нее; в настоящее время США и Англия, возможно, рассчитывают на то, чтобы тайно приобрести в восточной части СССР базы для наступления против Японии».

Оценивая же в этом документе возможный «план действий Советского Союза», его составители указывали: «Исходя из затяжного характера мировой войны, СССР будет стремиться укрепить сотрудничество с США и Англией; основное внимание будет уделять войне против Германии; в настоящее время СССР будет стремиться сохранить существующую позицию в отношении Японии; нет опасности в том, что он вступит в войну против Японии по настоянию США и Англии; если же обстановка на германо-советском фронте во время весенней кампании сложится в пользу СССР, а военная мощь Японии будет ослаблена в результате боевых действий США и Англии, то не исключается возможность вступления СССР в войну против Японии; немалая опасность существует и в том, что СССР предоставит США военные базы на своей территории для нанесения внезапного удара по Японии, если последняя сочтет неизбежным использование вооруженной силы против СССР».²¹⁶

Стремление руководства США в той или иной форме привлечь СССР к войне против Японии с наступлением весны 1942 г. стало еще более очевидным. При этом американские представители, убеждая Москву в неизбежности японского нападения, по сути дела, подталкивали Сталина на «превентивный» удар по Японии. 23 апреля 1942 г. состоялась беседа Сталина с новым послом США в СССР Уильямом Стэндли, в ходе которой был затронут вопрос о советско-японских отношениях. Из записи беседы:

«...Стэндли спрашивает, какие новости имеются с фронта на Дальнем Востоке. Сталин отвечает, что со стороны японцев не было попытки провоцировать инциденты на границе. Наша разведка сообщает, что японцы перебрасывают дополнительные силы на север. Мы не верим заверениям японцев, что они против нас ничего не имеют, и принимаем соответствующие меры в области укрепления нашей обороны на Востоке.

---

²¹⁴ Там же. Д. 196. Л. 394–396.

²¹⁵ Кантогун. Ч. 2. С. 81.

²¹⁶ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 180–181.

Стэндли говорит, что следует помнить пример Порт-Артура и Пёрл-Харбора. Сталин говорит, что Стэндли, вероятно, имеет в виду внезапность нападения. Мы хорошо об этом помним. Стэндли отвечает, что они также хорошо знали об этом, но тем не менее были застигнуты врасплох».²¹⁷

Предупреждения американцев основывались на достоверных данных разведки. Как уже отмечалось, решение избегать столкновения с СССР на период движения на юг имело временный характер и не означало окончательного отказа Японии от участия в войне против СССР.

По расчетам японского командования, шансы на успех в войне против СССР во многом зависели от того, будут ли дальневосточные дивизии переброшены на советско-германский фронт в Европейскую часть СССР. Однако к весне 1942 г. ожидавшегося японским командованием значительного сокращения численности советских войск на Дальнем Востоке и в Сибири не произошло. В феврале разведуправление генерального штаба армии представило данные, согласно которым «переброска советских войск с Востока на Запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов».²¹⁸

В связи с этим командование армии обратилось к императору с рекомендацией приостановить военные действия на юге, закрепиться в оккупированных районах с тем, чтобы перебросить на север четыре дивизии. Вокруг этого предложения возникли серьезные споры. Сторонники продолжения операций на юге, напротив, требовали увеличения численности сухопутных сил для ведения военных действий не только на островах Тихого океана, но и с целью высадки и захвата Австралии. По расчетам командования армии, для осуществления этих планов требовалось кроме основных сил флота привлечь от сухопутных сил до двенадцати дивизий. При этом только для переброски этих сил требовалось мобилизовать суда общим водоизмещением около 1,5 млн тонн. Командование сухопутных сил не могло согласиться с этим в связи с существовавшими планами войны против СССР. Его позиция сводилась к следующему: «Чтобы выделить такие крупные силы, необходимо значительно сократить военные приготовления против СССР в Маньчжурии и военные действия в Китае, что создаст для Японии крайне неблагоприятную общую стратегическую обстановку».²¹⁹

В конце концов было достигнуто согласие армейского и военно-морского командования провести на юге ряд операций по захвату островов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, что не требовало значительного количества сухопутных сил. По планам японского генерального штаба предусматривалось оставить на южном направлении только такое количество войск, которое бы обеспечивало поддержание общественного порядка и проведение операций на внешних рубежах. Высвобождавшиеся войска должны были быть переброшены в Маньчжурию и Китай, а также частично в метрополию. Весной 1942 г. Квантунская армия была вновь усилена (сюда были направлены дополнительно две дивизии), достигнув своей максимальной численности.²²⁰

Предупреждения об опасности японского нападения на СССР с Востока имели основания, и их нельзя было рассматривать лишь как проявление стремления Рузвельта в своих интересах скорее втянуть Советский Союз в военные действия на Дальнем Востоке. Безусловно, фиксировавшееся разведками обеих стран (СССР и США) увеличение японских войск на севере было связано с планами выступления Японии против СССР в случае успеха летней военной кампании Германии, на который японские сторонники войны против СССР возлагали немалые надежды.

---

²¹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 171.

²¹⁸ Кантогун. Ч. 2. С. 95.

²¹⁹ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 187.

²²⁰ Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 81.

В середине июля 1942 г. развернулось наступление германской армии на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда, захватить этот важный стратегический плацдарм и крупнейший промышленный район и тем самым отрезать центр СССР от Кавказа. Понимая, что от результатов этого наступления во многом зависит успех всей военной кампании против СССР, Гитлер решительно требовал от Японии выполнения союзнических обязательств по совместному сокрушению Советского Союза. При этом он не обращал никакого внимания на наличие между Японией и СССР пакта о нейтралитете.

15 мая 1942 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп телеграфировал японскому правительству: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте».²²¹

Однако Япония была готова обрушиться на СССР с востока лишь при условии переброски если не всех, то большей части советских дивизий на советско-германский фронт. Только в этом случае она могла рассчитывать на захват советской территории имевшимися в наличии силами без ущерба положению на других фронтах, в первую очередь китайском.

Весной 1942 г. генеральный штаб сухопутных сил Японии разработал новый план «Операция 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать 16 пехотных дивизий Квантунской армии, а также три пехотные дивизии, дислоцировавшиеся в Корее. При необходимости намечалось перебросить в Маньчжурию еще семь пехотных дивизий из Японии и четыре из Китая. В наступлении должна была принять участие танковая армия в составе трех танковых дивизий.²²²

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении – южнее и севернее озера Ханка, и захватить Приморье. Одновременно предполагалось форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск на северном направлении – западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный – Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев.²²³

Наличие этого плана не означало, что в японском руководстве было единодушное мнение о вступлении летом 1942 г. в войну с СССР. Серьезное поражение японцев в сражении за остров Мидуэй свидетельствовало о том, что война на юге против США и Великобритании потребует концентрации всех сил империи. 20 июля 1942 г. начальник оперативного управления генерального штаба армии Танака записал в своем дневнике: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942–1943 гг. целесообразно будет избегать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно».

В это время среди иностранных наблюдателей и аналитиков высказывалась «гипотеза», согласно которой к лету 1942 г. между СССР и Японией было достигнуто что-то вроде «джентльменского соглашения». Смысл этого соглашения якобы состоял в том, что «русские, возможно, взяли на себя обязательство не позволять американцам использовать Сибирь для действий против Японии, на что взамен японцы заверили русских, что не осуществят нападения в Сибири».²²⁴

²²¹ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 284.

²²² Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 4. Токио, 1972. С. 380–381.

²²³ См.: Савин А. С. Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942–1943 гг. (Военно-исторический журнал. 1983. № 1).

²²⁴ Русский архив... Т. 18. С. 205.

Было такое «джентльменское соглашение» или нет, неизвестно. Известно другое – резко ухудшившаяся для СССР обстановка на юге страны, где германские войска разворачивали новое широкомасштабное наступление, заставляла Сталина сохранять нейтралитет с Японией. Отвечая на запрос Японии по поводу советско-английского союзного договора и советско-американского соглашения, советское правительство заявило, что эти соглашения не касаются советско-японских отношений, базирующихся на пакте о нейтралитете 1941 г.

Настойчивость американского правительства в зондировании позиции Москвы в отношении Японии была понятна. Ведь получи они возможность бомбить Японию с территории советского Приморья или Камчатки, Тихоокеанская война могла завершиться в считанные месяцы. Но в этом случае было бы не избежать советско-японской войны в весьма сложный для СССР период. Как показали последовавшие события, сдержать германский натиск и разгромить под Сталинградом крупную группировку немецких войск в значительной степени удалось благодаря переброске с советско-маньчжурской границы свежих и боеспособных дивизий.

5 августа Рузвельт телеграфировал Сталину: «До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что Правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных действий против Союза Советских Социалистических Республик. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года». Это было подтверждением аналогичных сведений, поступавших в Москву и по линии советской разведки.

Возможность сотрудничества СССР с США в интересах войны против Японии не исключалась не только японцами, но и германским руководством. При этом Берлин использовал опасность для Японии такого развития ситуации для подталкивания Токио к нападению на СССР «до размещения на территории советского Дальнего Востока американской военной авиации». 9 июля 1942 г. Риббентроп запугивал японского посла в Берлине Осима тем, что Владивосток может стать базой американцев для нанесения ударов по Токио. При этом он заявил, что 60 или 80 советских подводных лодок, находящихся во Владивостоке, якобы не могут причинить никакого вреда японскому флоту. Разъясняя стратегию Гитлера в отношении японо-советской войны, Риббентроп говорил: «До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас он пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией... Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом, конец войны будет предreshен». На это Осима отвечал, что «уверен в необходимости нападения Японии на Россию».²²⁵

Но в Токио считали иначе. В ответе японского правительства германскому руководству от 30 июля 1942 г. сообщалось, что «выступление Японии против СССР приведет к чересчур большому распылению сил Японии», что японское правительство «предполагает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге Китая». По словам японского посла, одним из серьезных доводов против японского выступления против СССР было «опасение, что во время этой операции США получают базы в Восточной Азии, с которых смогут бомбить Токио». При этом было заявлено, что ответ японского правительства не является окончательным и, «может быть, выступление против России окажется возможным еще до октября, а если нет, то не ранее следующей весны».²²⁶

Между тем положение Японии на тихоокеанском театре военных действий ухудшалось. В начале февраля 1943 г. японские войска после длительных боев были вынуждены оставить

²²⁵ Цит. по: Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 378–379.

²²⁶ Цит. по: Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 379–380.

имевшие важное стратегическое значение острова Гуадалканал (Британские Соломоновы острова). Это совпало с капитуляцией германских войск в Сталинграде.

План «примирения» СССР с Германией

Понимая, что определившийся перелом в мировой войне произошел не в пользу стран «оси», японское правительство решило прибегнуть к дипломатическим маневрам с целью попытаться выйти из войны на условиях выгодного Токио компромисса. Для этого был разработан план «посредничества» Японии в организации мирных переговоров между Германией и СССР. По замыслам японцев в случае согласия Москвы на такие переговоры, даже если они не приведут к перемирию, сам факт подобных контактов СССР и Германии должен был посеять подозрения и недоверие в отношении Кремля со стороны США и Великобритании. В случае же успеха задуманного японцы рассчитывали на создание ситуации, когда, если прекратится война на основном фронте – советском, все силы Германии будут обращены против Великобритании и США. А это в свою очередь ослабит силы западных союзников на Тихом океане, что позволит Японии добиться здесь коренного изменения обстановки в свою пользу. В январе 1943 г. в Анкаре состоялась конференция руководителей японских информационных (разведывательных) отделов в Европе, которая определила, что основная задача этих бюро должна заключаться в том, чтобы прекратить советско-германскую войну путем соглашения между СССР и Германией.²²⁷

Первые попытки осуществить этот план были предприняты вскоре после поражения Германии в Сталинградской битве. Не исключено, что японцы постарались организовать «утечку информации» для американцев. 5 февраля помощник президента Г. Гопкинс счел необходимым через советского посла поставить Москву в известность о том, что «будто бы немцы в последнее время делали настойчивые представления Японии и сам Гитлер говорил с японским послом о прекращении американских поставок во Владивосток. Япония будто бы на это ответила вопросом, зачем Германия ввязалась в войну с Союзом и почему она не старается, заключив мир с СССР, сделать его своим союзником».²²⁸

Отреагировал на эту информацию и Рузвельт, который в тот же день в поздравительной телеграмме Сталину по случаю победы советских войск под Сталинградом особо подчеркнул необходимость «приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага». В ответ Сталин выразил уверенность, что «совместные боевые действия вооруженных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза в скором времени приведут к победе над нашим общим врагом».²²⁹ Тем самым было дано понять, что ни о каком «перемирии» с Германией речь идти не может.

В результате очередной победы советской армии летом 1943 г. в Курской битве соотношение сил на советско-германском фронте окончательно изменилось в пользу СССР. Лишь после этого японский генеральный штаб впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. плана, в котором предусматривались не наступательные, а оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

В августе 1943 г. в Берлине состоялось очередное совещание руководителей японских информационных бюро в Европе. Его участники пришли к выводу, что Германия, по-видимому, проиграла войну и ее поражение – лишь вопрос времени. К такому же выводу стали склоняться и наиболее здравомыслящие политики в Токио. При этом японское руководство учитывало, что после победы над Германией, а может быть и до нее, СССР может прийти на помощь союзникам по антифашистской коалиции и в целях скорейшего завершения войны

---

²²⁷ Там же. С. 405.

²²⁸ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 284.

²²⁹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976. С. 51–52.

выступить против Японии. Поэтому сторонники «замирения» СССР с Германией активизировали свои дипломатические маневры. МИД Японии дал указание своему посольству в Москве попытаться реализовать этот план. Однако в Кремле твердо придерживались союзнических договоренностей, которые не допускали сепаратных переговоров. Попытка посла Японии в СССР Наотакэ Сато затронуть в беседе с Молотовым 10 сентября 1943 г. вопрос о посреднической миссии Японии была решительно пресечена советской стороной.²³⁰ Не проявил интереса к японской дипломатической «инициативе» и Гитлер, который понимал, что после совершенных германскими войсками и оккупационной администрацией чудовищных преступлений против советского народа ни о каком компромиссном мире не могло быть и речи.

Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране предшествовала московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). В подготовленных для переговоров Объединенным комитетом начальников штабов США инструкциях особо указывалось: «Полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании».²³¹

Вопрос о возможности участия СССР в войне с Японией был затронут Хэллом на состоявшейся сразу после Московской конференции 30 октября беседе со Сталиным. Сталин заявил тогда о готовности помочь нанести поражение Японии после разгрома Германии. Характеризуя занятую Сталиным позицию по дальневосточному вопросу, Хэлл сообщал в Вашингтон, что глава советского правительства «проявил глубокое стремление к сотрудничеству с США и Великобританией». Как писал Хэлл в своих мемуарах, Сталин сделал это заявление «уверенно, совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен». При этом он считал слова советского руководства «заявлением исключительной важности».²³²

На проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране конференции «большой тройки» – Рузвельта, Сталина и Черчилля – обсуждались вопросы разгрома Германии, Японии и их союзников, а также проблемы послевоенного мирного урегулирования. Для советской делегации в качестве основной стояла задача добиться от союзников твердого и окончательного обязательства открыть второй фронт в Европе не позднее 1944 г. На поставленный Рузвельтом вопрос об оказании Советским Союзом помощи США против Японии Сталин сделал в Тегеране важное заявление. Он сказал: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда – общим фронтом против Японии».²³³

Рузвельт не мог скрыть своего удовлетворения занятой Сталиным позицией и сразу попытался добиться от советского лидера решения ряда военных вопросов, связанных с предполагавшимися совместными действиями против Японии. Речь шла о предварительном планировании военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого океана. При этом пре-

²³⁰ *Kiydo Mutsuhiro*. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 188–189.

²³¹ *Lensen G.* The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 259.

²³² *Hull C.* The Memories. Vol. 2. P. 1309–1310.

²³³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 95.

зидент предложил начать такое планирование «незамедлительно». 29 ноября Рузвельт говорил Сталину: «Мы считаем, что в целях сокращения сроков войны бомбардировка Японии с баз вашего Приморского края немедленно после начала военных действий между СССР и Японией будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить военные и промышленные центры».

На Тегеранской конференции впервые состоялся разговор о возможных результатах разгрома Японии для восстановления территориальных прав СССР на Дальнем Востоке. Причем инициативу такой постановки вопроса проявили западные союзники. Черчилль начал с того, «чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах». Отвечая на вопрос Сталина, что может быть сделано для России на Дальнем Востоке, Рузвельт предложил превратить, например, Дайрен в свободный порт. Сталин, заметив, что СССР фактически заперт японцами на Дальнем Востоке, на это отвечал, что «Порт-Артур больше подходит в качестве военно-морской базы». Как бы подводя итог предварительному обсуждению этого вопроса, Черчилль заявил, что «совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». При этом, помня, что в результате поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Россия лишилась части своей территории на Дальнем Востоке, он особо отметил, что «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий».

Во время беседы зашел разговор об отношении Сталина к Каирской декларации США, Великобритании и Китая, в которой, в частности, отмечалось, что Япония должна быть лишена всех захваченных и оккупированных территорий. Советский руководитель заявил, что «русские, конечно, могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке».²³⁴

Как известно, окончательно политические условия участия Советского Союза в войне против Японии были сформулированы и закреплены на Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании.

Победы советских вооруженных сил в войне с Германией, ухудшение военного положения Японии в Тихоокеанской войне, дальнейшее сближение СССР с США и Великобританией в интересах скорейшего разгрома государств-агрессоров понуждали японское правительство предпринимать шаги для недопущения изменения позиции Советского Союза в отношении Японии, сохранения им нейтралитета. После провала попыток выступить посредником в переговорах между СССР и Германией о «перемирии» японское правительство поставило перед своей дипломатией задачу добиться подтверждения Советским Союзом положений пакта о нейтралитете 1941 г. Было решено в «обмен» на такое подтверждение, а также на согласие СССР подписать новую рыболовную конвенцию на выгодных для Японии условиях вернуться к переговорам о ликвидации японских угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Японское правительство при заключении пакта о нейтралитете взяло на себя обязательство ликвидировать эти концессии не позже октября 1941 г. Однако, воспользовавшись тяжелым положением Советского Союза после начала германской агрессии, правительство Японии вероломно нарушило свои обязательства, заявив в декабре 1941 г., что «для японской стороны разрешить вопрос о ликвидации концессий стало затруднительным».²³⁵ Расчет строился на том, что советское руководство ради соблюдения Японией нейтралитета согласится «забыть» договоренности о ликвидации концессий. Более того, МИД Японии попытался добиться согласия советского правительства о продлении еще на пять лет прав проведения японцами на Северном Сахалине разведки нефти. Хотя это предложение было отвергнуто советской стороной, японские концессионеры продолжали эксплуатировать недра Северного Сахалина, получая

²³⁴ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 454–455.

²³⁵ Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 166.

столь необходимые Японии нефть и уголь. Не желая обострять до крайности советско-японские отношения вокруг концессий, что могло быть использовано японским правительством и военными кругами как повод для развязывания войны, советское руководство, хотя и заявляло о необходимости выполнить соглашение о ликвидации концессий, вместе с тем было вынуждено мириться с создавшимся положением.

Однако по мере упрочения позиций СССР на советско-германском фронте, возрастания его роли на международной арене правительство СССР стало требовать выполнения Японией своих обязательств. В июне 1943 г. японскому послу в СССР Сато была вручена памятная записка, в которой говорилось: «Советское правительство считает необходимым настаивать на выполнении японским правительством всех обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете».

В стремлении не допустить выхода СССР из договора о нейтралитете 19 июня 1943 г. координационный совет правительства и императорской ставки принял принципиальное решение о ликвидации концессий. Переговоры шли медленно и продолжались до марта 1944 г. Однако было очевидно, что японское правительство не желает ухудшения отношений с СССР и сознательно первоначально зависило свои условия с тем, чтобы затем, отказавшись от них, представить достигнутые договоренности как «жест доброй воли» в адрес СССР. Стремление продемонстрировать «дружелюбие» Советскому Союзу было связано с опасениями японского правительства по поводу возможных договоренностей союзников в Тегеране в отношении Японии. Хотя японцы едва ли могли знать о данном в Тегеране обещании Сталина выступить против Японии после победы над Германией, подозрения на этот счет в Токио существовали.

Во время состоявшейся 2 февраля 1944 г. беседы с послом США Гарриманом Сталин отмечал, что «японцы очень перепуганы, они очень беспокоятся за будущее». Он говорил: «Мы имеем с японцами договор о нейтралитете, который был заключен около трех лет тому назад. Этот договор был опубликован. Но кроме этого договора состоялся обмен письмами, которые японцы просили нас не публиковать. В этих письмах шла речь о том, что японцы обязуются отказаться до окончания срока от своих концессий на Сахалине: от угольной и от нефтяной... Нас особенно интересуют нефтяные концессии, так как на Сахалине много нефти. При обмене письмами японцы обязались отказаться от концессий в течение шести месяцев, то есть до октября 1941 г. Но они этого не сделали до настоящего времени, несмотря на то, что мы несколько раз ставили перед ними этот вопрос. А теперь японцы сами обратились к нам и говорят, что они хотели бы урегулировать это дело».

Гарриман заметил, что это очень хорошее известие.

Сталин продолжал: «Наши люди, имеющие дело с японцами, сообщают, что японцы всячески стараются расположить нас в их пользу. Японцы идут на большие уступки, и поэтому не исключено, что по вопросу о концессиях скоро будет заключен договор».

Другой случай был во время приема в Токио по случаю Нового года. Мы не имеем в Японии военного атташе; там имеются лишь некоторые сотрудники аппарата военного атташе. И вот на этом приеме к одному нашему подполковнику подошел начальник генерального штаба японской армии Сугияма. Сугияма был, очевидно, навеселе и стал говорить этому подполковнику, что он не дипломат и что он хочет поговорить с ним откровенно. Сугияма сказал, что немцы для него никакого значения не имеют, что договор между Японией и Германией – пустая бумажка. При этом Сугияма спросил, может ли он поехать в Москву, чтобы встретиться со Сталиным... Мы, конечно, ничего не ответили и не собираемся ничего отвечать японцам. Но сам факт обращения Сугиямы к какому-то подполковнику характерен. Это значит, что японцы боятся...»²³⁶

²³⁶ Советско-американские отношения... Т. 2. С. 20–21.

30 марта был подписан протокол о передаче Советскому Союзу японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. Советская сторона обязалась выплатить в качестве компенсации 5 млн рублей и после окончания войны ежегодно экспортировать в Японию по 50 тысяч тонн нефти. Одновременно был подписан протокол о сохранении в силе еще на пятилетний срок рыболовной конвенции 1928 г. В этом документе в значительной степени были закреплены положения, которые СССР отстаивал в ходе рыболовных переговоров.²³⁷

В день заключения соглашений с японцами посол США был проинформирован о том, что теперь сахалинскую нефть Япония сможет получать лишь «после войны», а рыболовная конвенция заключена с выгодными для советской стороны изменениями условий.

В США в целом положительно отреагировали на советско-японские договоренности, расценив их как «показатель определенной победы Советского Союза». Вместе с тем в американских правительственных кругах мнения разделились. Большинство склонялось к тому, что заключение соглашения о ликвидации концессий является положительным явлением, во-первых, потому, что Япония лишилась сахалинского источника нефти, во-вторых, потому, что оно являлось показателем ослабления Японии. Другие же считали, что потеря сахалинской нефти для Японии не имеет существенного значения. Между тем факт заключения соглашения рассматривался как свидетельство того, что СССР и Япония могут находить общий язык при решении спорных вопросов. Последней точки зрения, сообщал посол Громыко, придерживаются многие в госдепартаменте.²³⁸

Хотя в Тегеране Сталин говорил о возможности вступления СССР в войну против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, западные союзники продолжали рассчитывать на немедленное нанесение Советским Союзом, по крайней мере, воздушных ударов по японской метрополии сразу же после капитуляции Германии. На этом особенно настаивал Черчилль, который 27 сентября 1944 г. писал Сталину: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими. Конечно, мы должны тщательно рассмотреть все эти планы вместе. Я был бы рад приехать в Москву в октябре, если я смогу отлучиться отсюда...»

В своем ответном послании от 30 сентября Сталин подтвердил данное обещание, заявив: «Что касается Японии, то наша позиция остается той же, что была в Тегеране».²³⁹

В тот же день, 30 сентября, в Токио на Императорском совещании была утверждена «Основная программа руководства войной», предусматривавшая укрепление обороны оккупированных территорий и метрополии. На этом совещании была названа «последняя линия обороны» – линия от Курильских островов до территории Бирмы. Корея и Китай (с Маньчжурией) рассматривались как стратегический тыл. В Токио считали, что стойкая оборона войск на этой «последней линии» могла бы открыть для Японии возможность избежать капитуляции и закончить войну компромиссным миром на основе удержания значительной части оккупированных территорий. Для этого имелись определенные основания, ибо англо-американские войска, одержав ряд морских побед на Тихом океане, оказались неспособными воспрепятствовать

²³⁷ Подробнее см.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 – сентябрь 1945). М., 1947. С. 364–365, 366–369.

²³⁸ Советско-американские отношения... Т. 2. С. 78.

²³⁹ Переписка... Т. 1. С. 299–301.

развернувшемуся в 1944 г. новому наступлению японской армии в Китае, где оккупированные ранее территории на севере и в центре страны были соединены с Индокитаем, а через Малайю – с Сингапуром. В целом руководство Японии делало ставку на затягивание войны. Перейдя к стратегической обороне, они рассчитывали стабилизировать фронты, выиграть время для пополнения военно-экономического потенциала, а также по возможности нарушить союзническую коалицию СССР, США и Великобритании.

Планируя свои дальнейшие действия, японская ставка исходила из того, что боеспособность военно-морского флота Японии заметно снижалась, а военно-экономический потенциал противника обладал явным преимуществом. Однако Япония сохраняла возможности сдерживать наступление союзников. Перед японским объединенным флотом в мае 1944 г. даже была поставлена задача «уничтожить флот противника в решающем сражении».²⁴⁰

28 сентября 1944 г. Рузвельт одобрил стратегический план разгрома Японии, по которому на СССР возлагалось выполнение следующих задач: «Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо».²⁴¹

Между тем в Японии осознание неизбежности поражения стран «оси» в войне крепло не только у политиков, но, что было весьма важно, и у высших военных чинов. Особую активность в поисках пути достижения почетного мира как для Германии, так и для Японии проявил назначенный 22 июля 1944 г. военным министром фельдмаршал Сугияма, ранее занимавший пост начальника генерального штаба армии. Он предлагал не отказываться от идеи выступить посредником на переговорах о прекращении советско-германской войны.

Как отмечалось выше, советское правительство решительно отвергло подобное «предложение» японцев, сделанное в первый раз еще в 1943 г. Позиция СССР по этому вопросу была четко определена в приказе верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. В нем указывалось: «Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немецкие фашисты о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?»²⁴²

В 1943 г. советское правительство отказалось принять предложение Японии о приеме в Москве специальной «миротворческой миссии», заявив: «При существующей обстановке в условиях нынешней войны Советское правительство считает возможность перемирия или мира с гитлеровской Германией или ее сателлитами в Европе совершенно исключенной».

Несмотря на заявленную советским правительством твердую позицию по поводу «перемирия», спустя год Сугияма и его единомышленники сочли возможным вновь предложить СССР свои «услуги». Считалось, что изменившаяся обстановка якобы этому способствует. 5 сентября 1944 г. Сугияма на заседании Высшего совета по руководству войной следующим образом оценил ситуацию и шансы на успех посреднической роли Японии: «Командование сухопутных сил, основываясь на данных разведки, считает, что Советский Союз с начала войны с Германией уже потерял более 15 миллионов человеческих жизней, лишился большей части материальных средств и испытывает усталость от войны. К тому же международная обстановка такова, что наблюдаются противоречия между СССР и Великобританией в Средиземном море,

²⁴⁰ Кампании войны на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1956. С. 282.

²⁴¹ Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94–95.

²⁴² Правда. 1943. 1 мая.

в Юго-Восточной Европе, районе северных морей и других местах. Не исключена даже возможность военного столкновения между США и СССР. С другой стороны, хотя Гитлер вновь планирует наступление на Восточном фронте, он вполне сознает невыгодность продолжения войны с СССР. Таково реальное положение, существующее между Германией и Советским Союзом. Именно поэтому складывается благоприятный момент для активной посреднической помощи Японии в достижении перемирия между Германией и СССР».²⁴³

Вскоре японское правительство предприняло конкретные шаги, направленные на организацию такого посредничества, направив через японского посла в Москве Сато предложение советскому правительству о посылке в Москву специальной японской миссии. Японская сторона мотивировало свое предложение желанием обменяться мнениями по вопросам советско-японских отношений.

Послу СССР в Вашингтоне было поручено информировать американское правительство о зондаже Японии. В телеграмме Молотова от 23 сентября 1944 г. послу Громыко поручалось конфиденциально довести до сведения американцев следующее: «Советское правительство, зная хорошо, что указанная миссия имеет своей задачей не столько вопрос об отношениях между Японией и СССР, сколько выяснение вопроса о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР, отклонило предложение японского правительства».²⁴⁴

В октябре после очередной беседы со Сталиным американский посол Гарриман информировал Вашингтон о том, что СССР не только дал согласие на вступление в войну с Японией, но и обязался направить на Дальний Восток максимальные силы.

---

²⁴³ Цит. по: *Кудо Митихиро*. Указ. соч. С. 197.

²⁴⁴ Советско-американские отношения... Т. 2. С. 218.

Сталин решает вступить в войну

7 ноября 1944 г. Рузвельт в четвертый раз был избран на пост президента США. Своеобразным подарком Сталина американскому президенту стало упоминание им Японии в докладе, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, как «агрессивного государства». Тем самым по существу было выражено отношение к Японии как к государству, враждебному целям и задачам Советского Союза по скорейшему достижению мира. Слова Сталина взволновали японское правительство, были восприняты им как указание на возможность присоединения СССР к борьбе с японскими агрессорами. По достоинству был оценен этот шаг Сталина американцами. «Гарриман не скрывал, – писал Громыко из Вашингтона, – что ему больше всего понравилось то место доклада Сталина, где он упоминает о Японии. Такая прямота, по словам Гарримана, в настоящее время явилась даже несколько неожиданной...»²⁴⁵

Посол США в Москве Гарриман на встрече со Сталиным 14 декабря 1944 г. сообщил, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку. Сталин ответил, что Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова.

Возвращение этих ранее отторгнутых от России территорий не было продиктовано намерением получить их в виде «платы» за участие в войне против Японии. Советское правительство никогда не отказывалось от этих земель, считая их российскими по праву открытия и освоения. Об этом прямо было заявлено министру иностранных дел Японии Мацуока в апреле 1941 г. в ходе переговоров о заключении советско-японского пакта о нейтралитете.

Факты истории свидетельствуют о том, что после отторжения в 1905 г. в свою пользу южной половины Сахалина Япония уже не обладала законными правами на Курильские острова. Россия, а затем Советский Союз имели серьезные основания потребовать возвращения этих островов. Причем это укладывалось в рамки положений англо-американской Атлантической хартии от 14 августа 1941 г., к которой 24 сентября 1941 г. присоединилось и правительство СССР. Текст Атлантической декларации гласил:

«Президент США Рузвельт и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Ее Величества в Объединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать следующие принципы национальной политики своих стран – принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира:

1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.
2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов».

В декларации правительства СССР отмечалось: «...Советское правительство, имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны, считает необходимым заявить, что последовательное осуществление этих принципов обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны советского правительства и народов Советского Союза».²⁴⁶ Выдвигая претензии на Курильские острова, советское правительство стремилось не к «территориальным приобретениям» за счет чужих земель, а к вос-

---

²⁴⁵ Советско-американские отношения... Т. 2. С. 256.

²⁴⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 166–167.

становлению прав на территории, которые ранее принадлежали России и в силу известных обстоятельств оказались под японским управлением.

Не противоречили предложения об изъятии из-под юрисдикции Японии Курильских островов и положениям Каирской декларации США, Китая и Великобритании от 3 декабря 1943 г., в которой со всей определенностью указывалось: «Япония будет... изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности».²⁴⁷ Курильские острова в полной мере подходили к этой формулировке, ибо именно в результате развязанной Японией войны Россия была вынуждена как проигравшая сторона согласиться на уступку не только Южного Сахалина, но и фактически Курильских островов. Едва ли кто сможет отрицать, что эти территории Япония получила именно «в результате своей алчности».

Все это, безусловно, было принято во внимание, когда Сталин в беседе с Гарриманом 14 декабря 1944 г. формулировал пожелания советского правительства в связи с участием СССР в войне против Японии. Так как во время этой встречи политические условия вступления СССР в войну были изложены Сталиным наиболее полно, и именно они легли в основу переговоров в Ялте по дальневосточному вопросу, приведем подробнее содержание беседы:

«...Гарриман заявляет, что президент просил его поставить перед маршалом Сталиным политические вопросы, относящиеся к Дальнему Востоку, о чем маршал Сталин говорил ему, Гарриману, в октябре. Так как намеченная на ноябрь встреча маршала Сталина с президентом не состоялась, он, Гарриман, уполномочен президентом обсудить эти вопросы с маршалом Сталиным сейчас или позднее, когда будет удобно маршалу Сталину.

Сталин говорит, что он готов изложить Гарриману пожелания Советского Союза. Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, то есть вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова. Кроме того, в Тегеране президент по собственной инициативе поднял вопрос о предоставлении Советскому Союзу выхода к теплым морям на Дальнем Востоке. При этом президент говорил о Порт-Артуре и Дайрене, которыми пользовалась раньше Россия на условиях аренды. Советский Союз хотел бы восстановить пользование на условиях аренды этими портами, а также ведущей к ним через Мукден, Чанчунь, Харбин железной дорогой и Китайско-Восточной железной дорогой, которая сокращает Советскому Союзу пути сообщения с Владивостоком. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги. Далее Советское правительство желает, чтобы было полностью сохранено статус-кво Внешней Монголии.

Гарриман говорит, что ему кажется, что президент в Тегеране имел в виду интернационализацию Дайре-на и Порт-Артура, так как это более соответствовало бы современным идеям. Однако он, Гарриман, не помнит этого точно.

Сталин отвечает, что этот вопрос может быть обсужден.

Гарриман заявляет, что он передаст президенту о высказанных маршалом Сталиным пожеланиях».²⁴⁸

Выдвинутые Сталиным предложения рассматривались американскими специалистами из Госдепартамента США. Не желая признавать права России и СССР на Южный Сахалин и Курильские острова, чиновники госдепа разработали для президента материалы, в которых предлагалось передать после войны Южный Сахалин и Курилы под международную

---

²⁴⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 105–106.

²⁴⁸ Советско-американские отношения... Т. 2. С. 270–273.

опеку. Однако Рузвельт не проявил интереса к этому предложению.²⁴⁹ Он отмахнулся, заметив, чтобы к нему не приставали с «пустяками».²⁵⁰ Рузвельт выдвинутые Сталиным условия отнюдь не считал чрезмерными. Известно заявление американского президента о том, что ему «представляется резонным предложение со стороны советского союзника». «Русские, – заявил Рузвельт, – хотят вернуть то, что у них было отторгнуто».²⁵¹

Такая позиция президента объяснялась тем, что участие СССР в войне становилось для США и Великобритании не просто желательным, а в высшей степени необходимым. Американское командование было серьезно озабочено перспективой переброски на Японские острова войск из Маньчжурии и Китая для отражения высадки союзного десанта. Особую тревогу вызывала Квантунская армия, которую военная разведка США расценивала как «крупную и опасную силу». В 1944 г. командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Дуглас Макартур заявил в беседе с военно-морским министром США, что нужно по крайней мере, 60 советских дивизий, чтобы разбить Японию. В меморандуме Объединенного комитета начальников штабов президенту США от 23 декабря 1944 г. подчеркивалось: «Вступление России в войну как можно скорее... необходимо для оказания максимальной поддержки нашим операциям на Тихом океане».²⁵²

Активное участие СССР в войне против Японии, фактически по настоянию США, должно было, кроме всего прочего, укрепить доверие между Сталиным и Рузвельтом, придать конкретные очертания и наполнить содержанием предложение Рузвельта о создании эффективной международной системы обеспечения прочного мира и безопасности на земле. Отправляясь в Ялту, Сталин считал создание такой системы необходимым и вполне реальным делом.

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией, в частности по вопросам, затрагивавшим интересы Китая. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он счел целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«...Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

– Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

– Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

– Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил.

А затем, чуть помедлив, добавил:

– Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

²⁴⁹ См.: *Кадзиура Ацуси*. Яruta кётэй-о мэгуру бэйкоку-но сэйсаку. САС бунсё то Рудзубэруто (Политика США на Ялтинской конференции. Документы Си-Эй-Си и Рузвельт). Росиа кэнкю (Исследования по России). 1997. № 25. С. 102–116.

²⁵⁰ Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 176.

²⁵¹ *Leahy W.* I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P. 373.

²⁵² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 485–486.

Я с ходу сделал перевод. Сталин, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посвящалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Сталин остался весьма доволен. Он расхаживал по кабинету и повторял вслух:

– Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

– Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте, после русско-японской войны, велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США по существу помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Сталин мнение о попытке США "реабилитировать себя" полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявлял:

– Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Закончил Сталин эту тему разговора словами:

– Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

... Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Сталина, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех...

Сталин с каким то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил...

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Сталина к Рузвельту и как к человеку». ²⁵³

Приведенное выше свидетельство Громыко опровергает существующую в историографии, версию о том, что якобы в Ялте «американцы пытались добиться согласия СССР на превращение Южного Сахалина в подопечную территорию, на установление международного контроля над частью Курильских островов... но в результате острой борьбы победила советская точка зрения». ²⁵⁴ Как уже отмечалось, идея «интернационализации» этих ранее принадлежавших России территорий с самого начала была отвергнута Рузвельтом. Документы Ялтинской конференции свидетельствуют о том, что никакой «острой борьбы» по поводу Южного Сахалина и Курильских островов между Сталиным и Рузвельтом не было. Черчилль же вообще не принимал активного участия в определении будущего этих островов.

Ключом для понимания того, почему Рузвельт сразу же согласился на предложение Сталина о возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских островов, является искренняя забота Рузвельта о будущем советско-американских отношений, стремление перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, полагая, что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать именно США и СССР.

---

²⁵³ Громыко А. А. Памятное. Кн.1. М., 1988. С. 189–191.

²⁵⁴ Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 427.

В связи с этим сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение тем самым создать сложности в советско-японских отношениях в будущем. Подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского Госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить эти замыслы через сменившего Рузвельта Трумэна. Приписывание Рузвельту коварного плана «столкнуть СССР с Японией», на долгие годы не допустить нормализации отношений этих двух соседних государств по своей необоснованности и недоказуемости сродни распространяемой в последние годы ложной версии о «плане Сталина столкнуть США с Японией в Тихоокеанской войне».

Заседания «большой тройки» в Ялте начались 4 февраля 1945 г. в резиденции Рузвельта, выделенной ему во время конференции, – Ливадийском дворце. В перечне вопросов, переданном американцами генеральному штабу Красной Армии, указывалось, что начальники штабов США предлагают рассмотреть на заседаниях конференции вопросы о координации военных действий между Западным и Восточным фронтами и об участии СССР в войне с Японией.²⁵⁵

Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией находился в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей, в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает в ходе личных бесед с ним окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

Тактика Рузвельта на Ялтинской конференции полностью оправдала себя. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более, что по вопросу о вступлении СССР в войну решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Объединенный комитет начальников штабов США настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»²⁵⁶

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительств США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства заключалась в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения».²⁵⁷

Сталин с пониманием отнесся к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был сокращен вдвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-

²⁵⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 11.

²⁵⁶ *Herbert Feis. Curchill – Roosevelt – Stalin. The War they Waged and Peace they Sought.* New Jersey, 1970. P. 503.

²⁵⁷ *United States Relations with China. Reference to the Period 1944–1949.* Washington, 1949. P. 8.

три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в войну были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце.

Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной условиями и даже обещал помочь в их реализации.

Ниже приводятся наиболее важные эпизоды этой без преувеличения исторической беседы руководителей США и СССР:

«...Рузвельт заявляет, что американцы намерены установить авиабазы на островах Бонин к югу от Японии и на островах вблизи Формозы (Тайвань). Он думает, что настало время для проведения крупных бомбардировок Японии. Он, Рузвельт, не хочет высаживать войска в Японии, если он сможет обойтись без этого. Он высадит войска в Японии только в случае крайней необходимости. На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова.

Сталин отвечает, что он не возражает против того, чтобы американцы имели свои авиабазы в Комсомольске. В послании, которое он получил от Рузвельта (от 5 февраля. – *Примеч. авт.*), выражено желание иметь базы в Комсомольске. Базы могут быть предоставлены там или в Николаевске. Что касается Камчатки, то там базы можно было бы предоставить американцам лишь в последнюю очередь. На Камчатке сидит сейчас японский консул. Была надежда, что он уедет, но он остался. Кроме того, Ново-Николаевск или Комсомольск расположены ближе к Японии.

Рузвельт говорит, что самый главный вопрос – это посылка судов из Соединенных Штатов на советский Дальний Восток со снабжением для авиабаз.

Сталин говорит, что в послании президента сказано, что нужно будет держать открытыми линии снабжения. Непонятно, что это означает.

Рузвельт отвечает, что речь идет лишь о том, чтобы доставить суда со снабжением в Ново-Николаевск.

Сталин говорит, что все это хорошо, но он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз готов вступить в войну против Японии. Речь идет о тех политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве.

Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южно-Маньчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока еще не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши. Он, Рузвельт, полагает, что существует два пути использования Советским Союзом этого порта. Первый путь – создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии. Второй путь – сдача китайцами указанного порта в аренду Советскому Союзу. Однако последний способ связан с вопросом о Гонконге. Причина того, почему он, Рузвельт, желает избежать аренды, заключается в том, что он надеется, что Англия отдаст Китаю Гонконг и что он может быть

превращен в свободный порт для всего мира. Черчилль, наверное, будет против этого сильно возражать, и будет трудно убедить Черчилля, если Советский Союз получит в аренду порт на севере. Поэтому он, Рузвельт, думает, что в качестве первого шага целесообразнее было бы учредить открытый порт.

Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии.

Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено.

Сталин спрашивает, что думает Рузвельт об аренде Китайско-Восточной железной дороги.

Рузвельт отвечает, что пока он не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться. Имеются два способа использования железной дороги в интересах Советского Союза. Первый способ – установление контроля над железной дорогой со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей.

Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты.

Рузвельт отвечает, что не может быть никаких сомнений в отношении сохранения секретности в Ялте. Могут быть сомнения лишь в отношении китайцев.

Сталин отвечает, что, как только можно будет высвободить 20–25 дивизий с западного фронта и перебросить их на Дальний Восток, китайцев можно будет информировать. В конце апреля в Москву приезжает Сун Цзывень (премьер-министр и министр иностранных дел в гоминьдановском правительстве Китая. – *Примеч. авт.*), с которым он, Сталин, очень хочет встретиться.

Рузвельт говорит, что очень рад, что маршал Сталин примет Сун Цзывения.

Рузвельт говорит, что имеется еще один вопрос, о котором он хотел бы переговорить с маршалом Сталиным, – это вопрос о Корее.

Сталин заявляет, что сначала он хотел бы ответить на вопрос, каким образом Советский Союз мог бы пользоваться теплым портом на Дальнем Востоке. Он говорит, что международный контроль приемлем для Советского Союза».²⁵⁸

Довольно быстро были согласованы подходы к будущему Кореи. Стороны согласились, что над этой страной будет установлена международная опека, а попечителями выступают Китай, Советский Союз и США. При этом Сталин заметил, что «чем короче будет срок опеки, тем лучше». Общность взглядов двух лидеров проявилась и при оценке ситуации в Китае и Индокитае, а также по некоторым другим вопросам.

Без какого-либо торга и разногласий союзники четко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией, и официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно».

В исторических работах, в частности японских исследователей, до сих пор предпринимаются попытки объяснить «уступчивость» Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем.²⁵⁹ При этом не учитывается тот факт, что достигнутые в Ялте соглашения, в том числе по Дальнему Востоку, были поддержаны и одобрены ведущими американскими политическими деятелями и высшим командованием вооруженных сил США (госсекретарь Стетиниус, генерал Маршалл

---

²⁵⁸ Крымская конференция... С. 129–131.

²⁵⁹ Росиа кэнкю. 1997. № 25. С. 115–116.

и другие). Более того, перед началом Ялтинской конференции соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 г. на острове Мальта. Если бы Рузвельт действительно в силу своей физической слабости пошел на ущемляющие интересы Запада уступки, этому мог воспротивиться Черчилль. Однако он этого не сделал, ибо документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами. В действительности, получив гарантии столь необходимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 г. военно-стратегической обстановки в мире.

Несостоятельными следует признать и утверждения о том, что Сталин якобы вступил в войну «для захвата исконно японских территорий». Как свидетельствуют японские документы, для возвращения ранее принадлежавших России дальневосточных земель Сталину вовсе не нужно было вступать в войну. Японское правительство было готово «добровольно» возвратить Южный Сахалин и Курильские острова, о чем Сталин имел достоверную информацию. Но об этом речь пойдет ниже.

Во второй половине 1944 г. положение Японии на фронтах Тихоокеанской войны продолжало ухудшаться. Однако силы для сопротивления у японцев еще были. В то же время японское правительство все больше беспокоила позиция СССР. Оно допускало, что после разгрома Германии Советский Союз может прийти на помощь союзникам и в целях скорейшего окончания Второй мировой войны выступить против Японии. В этом случае у Японии не оставалось другого выхода, кроме капитуляции. Стремясь избежать столь неблагоприятного для себя развития событий, японское правительство решило прибегнуть к активной дипломатии. Были предприняты попытки заключить компромиссный мир с Китаем, а также с США и Великобританией. Однако эти попытки не увенчались успехом. Поэтому родилась идея попытаться использовать СССР для организации перемирия в Тихоокеанской войне. Считалось, что, даже если этот план провалится, Москве будет продемонстрировано стремление Токио к установлению мира. По мнению японского правительства, сам факт участия СССР в переговорах об окончании войны исключал бы его вступление в войну против Японии. Министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу рекомендовал правительству «в случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира... не теряя времени предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз».²⁶⁰

Однако в Токио понимали, что проводившаяся Японией на протяжении войны враждебная по отношению к СССР политика едва ли позволит ей использовать Москву для достижения почетного мира. Поэтому японская дипломатия прилагала усилия, чтобы создать видимость якобы искреннего стремления «открыть новую страницу» в советско-японских отношениях. С этой целью еще в сентябре 1944 г. Сигэмицу разработал «проект предварительного плана для японо-советских переговоров». Главной целью переговоров было добиться подтверждения Советским Союзом обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете. Такое подтверждение предполагалось оформить либо продлением действия пакта, либо заключением нового соглашения, желательно о ненападении.

С февраля 1945 г. японское правительство активизировало дипломатические шаги с тем, чтобы как можно скорее втянуть СССР в качестве посредника в переговоры о достижении перемирия. Это объяснялось тем беспокойством, которое испытывало японское правительство

²⁶⁰ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 524.

в связи с Ялтинской конференцией глав союзных держав. Хотя ялтинские договоренности по вопросам Дальнего Востока были секретными и о них ничего не сообщалось, в Японии понимали, что после разгрома Германии в Европе внимание союзников будет перенесено на азиатские проблемы. В японских средствах массовой информации сразу после окончания работы Ялтинской конференции высказывались тревожные догадки и предположения о том, что на конференции обсуждался вопрос о совместном ведении тремя державами войны против Японии.

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, например, в 1985 г. в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Стокгольме Ю. Онодэра, которая утверждала, что содержание достигнутых в Ялте секретных соглашений по Японии было своевременно передано в японский МИД.²⁶¹

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 г., через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское правительство influential политический деятель Японии князь Фумимаро Коноэ спешно представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом в качестве основного довода в пользу такого решения приводилась опасность «вмешательства» Советского Союза. Коноэ писал: «Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным... Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю... одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что внутреннее и внешнее положение нашей страны в настоящий момент быстро изменяется в направлении коммунистической революции. Вовне это выражается в необычайном выдвижении Советского Союза... По тем маневрам, которые Советский Союз в последнее время открыто проводит в отношении европейских стран, ясно видно, что он так и не отказался от своей политики красного наступления на весь мир...

Хотя Советский Союз внешне и стоит на позиции невмешательства во внутренние дела европейских государств, в действительности же он осуществляет активнейшее вмешательство в их внутренние дела и стремится повести внутреннюю политику этих стран по просоветскому пути.

Совершенно аналогичные замыслы Советского Союза и в отношении Восточной Азии. В настоящее время в Яньани создана Лига освобождения Японии во главе с Оканом, приехавшим из Москвы, которая, установив связь с такими организациями, как Союз независимости Кореи, Корейская добровольческая армия и Тайваньский авангард, обращается с призывами к Японии.

Размышления по поводу подобных обстоятельств приводят к выводу, что существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии».

²⁶¹ Онодэра Юрико. Барутокай хотори нитэ (У Балтийского моря). Токио, 1985. С. 148.

Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя».²⁶²

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии. На следующий день об этом говорил императору Хирохито министр иностранных дел Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Он рекомендовал Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Тодзио также предупреждал японского монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую вероятность как «50 на 50».²⁶³

Однако император полагал, что в любом случае не следует отказываться от попытки привлечь СССР в качестве посредника для достижения перемирия с США.

Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии в ее стремлении выторговать почетные условия мира, ситуация требовала незамедлительных действий. Первые неофициальные попытки выяснить позицию СССР в вопросе о посредничестве были предприняты японским МИД сразу после Ялтинской конференции. 15 февраля 1945 г. японский генеральный консул в Харбине Ф. Миякава под благовидным предлогом посетил советского посла в Токио Я. А. Малика и, с расчетом на передачу в Москву, весьма прозрачно попытался изложить японское предложение о посредничестве.

Вот как об этой беседе сообщал в Москву посол Малик:

«Прибывший в командировку в Токио японский генеральный консул в Харбине Миякава (бывший советник японского посольства в Москве) посетил меня 15 февраля. Из обстоятельств визита явствует, что он преследовал особую цель – позондировать мое мнение относительно Крымской конференции. Основное из его вопросов и рассуждений:

1. Советский Союз до сих пор не участвовал в международных конференциях совместно с Чунцином, и поэтому, когда он, Миякава, прочел в Крымском коммюнике, что на предстоящей конференции в Сан-Франциско Советский Союз будет принимать участие совместно с Чунцином, то он был этим крайне удивлен. Не является ли это изменение в позиции СССР в отношении Чунцина показателем изменения его позиции в отношении Японии?

2. Когда долго живешь с кем-либо вместе, то начинаешь постепенно привыкать к нему и все больше втягиваться в компанию с ним. За время войны Советский Союз все время общается и сотрудничает с Англией и США. Не означает ли это, что советская сторона уже никогда не расстанется с этими странами? Не будет ли Советский Союз все время следовать Америке и Англии?

3. Мы, японцы, заключая союз с Германией, ни в какой степени не имели при этом в виду Советский Союз. Этот союз был и остается направленным только против США и Англии, наших злейших врагов. Мы еще задолго до войны вынашивали и выдвигали идею тройственного пакта – Японии, СССР и Германии. Нельзя ли реализовать эту идею после войны?

4. Миякава распространялся на тему о расширении, углублении и развитии максимально дружественных отношений между СССР и Японией. Вы, конечно, подозреваете, сказал он при этом, что это для нас основной и главный вопрос. Я прошу Вас понять, что японский народ хочет жить, мы жить хотим. Он также пытался доказать, что в истории японо-советских отно-

---

²⁶² История войны на Тихом океане. Т. 4. С. 252–258.

²⁶³ *Вix H. P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000. P. 490.

шений было немало достойных сожаления недоразумений, но что теперь никаких подобного рода недоразумений быть не должно, постепенно все предрассудки в отношении Советского Союза в Японии изживаются, и японцы-де искренне (телеграфный пропуск)... с Советским Союзом.

5. На основании Крымской конференции и из развития отношений Советского Союза со своими союзниками у Миякава создается впечатление, что Советский Союз все больше втягивается в союзное общение и орбиту влияния США и Англии.

В процессе беседы он много и настойчиво говорил и дважды возвращался к вопросу о том, что в развитии войны сейчас настал такой момент, когда кто-либо из наиболее выдающихся международных деятелей, пользующийся достаточным престижем, авторитетом и располагающий необходимой силой для убедительности, должен выступить в роли миротворца, потребовать от всех стран прекратить войну. Таким авторитетным деятелем, по мнению Миякава, может быть только маршал Сталин. Если бы он сделал такое предложение, то Гитлер прекратил бы войну, а Рузвельт с Черчиллем не осмелились бы возражать против подобного предложения Сталина...

В ответах и репликах на эти вынужденно-дружественные разглагольствования Миякава, я ответил в том смысле, что не следует вычитывать из Крымского коммюнике больше того, чем там написано, что Миякава сам прекрасно знает, что Советский Союз всегда проводил и проводит самостоятельную политику и ни под чьим влиянием он не находился даже в самые тяжелые времена. Миякава с этим согласился. Относительно возможного нажима на нас союзников ответил в том смысле, что мы следуем правилу "людей слушай, а свой разум имей".

Касательно идеи тройственного союза я заметил, что в случае осуществления этой идеи история, возможно, могла бы развиваться в ином направлении, но, как показал опыт последних лет, Гитлер думал лишь о себе и возомнил, что ему все позволено. Что касается всякой новой идеи, то над ней надо подумать. Неясно еще, что из себя будет представлять Германия после войны и каково будет у японцев чувство к немцам, которые, по существу, подвели японцев. Миякава согласился, что индивидуальные чувства японцев к немцам будут неважными, однако-де с государственной точки зрения японцы не прочь были бы возродить идею такого тройственного союза.

На его выводы в связи с Крымским коммюнике, что СССР все более втягивается в орбиту США и Англии, я ответил, что у меня после прочтения коммюнике сложилось иное впечатление, что СССР все глубже втягивается в европейские дела, которым и была посвящена конференция. Миякава явно был удовлетворен этим ответом и прямо заявил, что это его успокаивает.

Касательно трактовки Миякава японо-германского военного сотрудничества, как не направленного против СССР, я высказался в том смысле, что именно так и понимал этот союз до и после начала войны, но однажды был крайне удивлен трактовкой этого союза, когда Мацуока в беседе со Сметаниным в начале июля 1941 г., уже после нападения Германии на СССР, говорил, что союз с Германией является основным курсом внешней политики Японии и что если Германия обратится с просьбой к Японии, то последняя должна будет учесть эту просьбу. Миякава смутился, заерзал, удивленно переспросил и сказал, что это было весьма странно со стороны Мацуока. Затем я добавил, что Мацуока затем ушел в отставку и в последующем японо-германский союз вновь, кажется, начал трактоваться как не направленный против СССР. Заметно было, что Миякава был успокоен последним формальным замечанием.

На мою реплику, что недоразумения в истории японо-советских отношений происходили отнюдь не по нашей вине, Миякава настороженно спросил: "Вы так думаете?" Я ответил, что уверен в этом...

В заключение Миякава благодарил меня за оказанный ему прием, заявил, что за время его пребывания в Токио беседа со мной была-де у него самым приятно проведенным временем и он уходит от меня успокоенным.

Несомненно, Миякава был специально послан посетить меня и позондировать мое мнение по тем вопросам, которые больше всего тревожат японцев в результате Крымской конференции. Благовидным предлогом у него для этого визита явилось то, что я был у него на обеде в Харбине при возвращении из Москвы, а он нанес теперь мне ответный визит...»²⁶⁴

Так как посол Малик не отреагировал на фактическое предложение Миякава о «посредничестве» Сталина в деле прекращения войны, японский зондаж позиции СССР был продолжен. С этой целью в марте советское посольство посетил президент японской крупной рыболовецкой компании «Нитиро» С. Танакамару. Он также намекал на то, что с инициативой о посредничестве между Японией и США и Великобританией должна выступить именно советская сторона. При этом, судя по всему, японцы пытались «сохранить лицо» и не оказаться стороной, просящей о мире. Однако советский посол продолжал избегать прямых ответов на японский зондаж.

В связи с этим среди японского руководства стали высказываться предложения попытаться «заинтересовать» советское правительство уступками, на которые могла бы пойти Япония в обмен на сохранение Советским Союзом нейтралитета и согласие выступить посредником в переговорах о перемирии с США и Великобританией. Перечень таких уступок первоначально был разработан японским МИД еще в сентябре 1944 г.

Предполагаемые уступки сводились к следующему:

- «1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.
2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.
3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания.
4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.
5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.
6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.
8. Уступка Южного Сахалина.
9. Уступка Курильских островов.
10. Отмена «антикоминтерновского пакта».
11. Отмена Тройственного пакта».²⁶⁵

Согласие Японии на те или иные уступки предусматривалось в зависимости от хода советско-японских переговоров. Так, отказ от Южного Сахалина и Курильских островов допускался лишь в крайнем случае, а именно «при резком ухудшении советско-японских отношений» и возникновении опасности вступления Советского Союза в войну против Японии.²⁶⁶

Разрабатывая «Принципы проведения мирных переговоров» с советским правительством», японские лидеры были готовы в качестве репараций организовать отправку японских военнопленных в трудовые лагеря. Американский исследователь Г. Бикс, обращая на это внимание, пишет: «Вот что говорилось по этому вопросу в “Принципах...”»: «Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем меры к их возвращению на

---

²⁶⁴ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19(77), октябрь 1990. С. 45–46.

²⁶⁵ Кудо Митихиро. Указ. соч. С. 219–220.

²⁶⁶ Там же. С. 219.

родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания. В “пояснительной записке” есть комментарий данного положения: “Рабочая сила может быть предложена в качестве репараций”. Идея интернировать японских военнопленных, чтобы использовать их труд для восстановления советской экономики (осуществленная на практике в сибирских лагерях), возникла не в Москве, а среди ближайшего окружения императора». ²⁶⁷

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. Правительству Японии 5 апреля было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1945 г. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США – с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...

В соответствии со статьей 3 упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления СССР в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки советских вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский запрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное убедить его в бесполезности продолжения войны.

После денонсации пакта о нейтралитете японский МИД стал настойчиво выступать за то, чтобы принять все требования, которые может выдвинуть СССР в качестве условия сохранения своего нейтралитета. Одновременно были активизированы усилия по привлечению советского правительства в качестве посредника на переговорах о перемирии Японии с США и Великобританией. При этом в действительности японское правительство, особенно генералитет, не верило в возможность устраивающего Японию компромиссного мира с США и Великобританией. Важная цель вовлечения СССР в дипломатические маневры о «перемирии» состояла в том, чтобы поссорить Советский Союз с США и Великобританией, нарушить их союз. По замыслу японского правительства сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о «перемирии» мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность советского правительства для сговора с Японией за спиной с США.

В принятом 20 апреля 1945 г. Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию и СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну». ²⁶⁸

²⁶⁷ Герберт Бикс. Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 442.

²⁶⁸ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 532.

В США было известно об этих замыслах японского руководства. На одном из заседаний американского Объединенного комитета начальников штабов, в частности, отмечалось, что Япония «в случае необходимости может предложить Советскому Союзу существенные территориальные и иные уступки, попытаться убедить его сохранять нейтралитет и в то же время прилагать все усилия, чтобы посеять разногласия между американцами и англичанами, с одной стороны, и русскими – с другой».²⁶⁹

20 апреля состоялась беседа советского посла в Японии Малика с вновь назначенным министром иностранных дел Сигэнори Того, в ходе которой последний зондировал возможность его личной встречи с Молотовым на обратном пути из Сан-Франциско, где открывалась международная конференция по вопросам учреждения Организации Объединенных Наций. Организовать такую встречу Того рассчитывал в случае, если Молотов будет возвращаться в Москву через Сибирь. Цель Того была очевидна – попытаться использовать шанс прямого и в то же время как бы «неофициального» контакта с Молотовым для выяснения намерений советского правительства в отношении Японии. Очевидно, что японский министр хотел воспользоваться своим опытом общения с советским наркомом в бытность послом Японии в СССР с тем, чтобы убедить его все же согласиться на посредничество советского правительства в организации переговоров Японии с США и Великобританией. Не исключено, что Того собирався лично предложить советскому министру и разработанный МИД Японии перечень уступок Советскому Союзу.

По итогам беседы с Того посол Малик доносил в Москву 21 апреля 1945 г.:

«В 3 часа дня 20 апреля я был у Того с первым официальным визитом. Беседа продолжалась более часа. Того пространно говорил о пакте о нейтралитете и просил меня передать Вам свое глубокое сожаление по поводу решения Советского правительства о не продолжении этого пакта. По окончании беседы, когда я уже поднялся с намерением раскланяться и уйти, Того несколько задержал меня и, продолжая беседу стоя, начал путано и с многочисленными оговорками и паузами не говорить, а буквально выдавливать из себя слова по следующему вопросу: “Газеты сообщают, что господин Молотов будет присутствовать на конференции в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г. Интересно знать, выехал ли он уже туда или нет?” Я ответил, что пока не располагаю сведениями об этом. “Мне хотелось бы знать, – продолжал Того, – поедет ли господин Молотов через Атлантический океан или, может быть, через Сибирь и Берингов пролив. Очевидно, в любом случае он полетит самолетом, но какой он изберет путь? Если бы на обратном пути он избрал маршрут через Берингов пролив и Сибирь, то я лично был бы чрезвычайно рад воспользоваться случаем встретиться с ним лично. Конечно, я прошу принять это не как официальное приглашение, а как сугубо мое личное желание, исходящее из моих личных чувств, основанных на том, что мне раньше в Москве приходилось часто непосредственно встречаться и беседовать с господином Молотовым”.

Пообещав принять к сведению это его пожелание, я указал, что, насколько мне известно, в настоящее время года авиатрасса через Сибирь и Берингов пролив несколько затруднительна густыми туманами, поэтому я не уверен, что господин Молотов изберет этот маршрут. Не исключено, что он проследует через Атлантический океан.

Того ответил: “Я хорошо понял ваше объяснение о состоянии маршрута через Берингов пролив и еще раз хочу подчеркнуть, что это не официальное приглашение, а мое личное, но очень сильное желание встретиться с господином Молотовым, если бы он паче чаяния возвращался через Сибирь. Пусть это Вас ни к чему не обязывает, но я просил бы, если Вам будет известно, каким маршрутом, когда и в какое время господин Молотов будет направляться в

²⁶⁹ The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941–1945. Washington, 1955. P. 86.

Сан-Франциско или возвращаться обратно, то сообщить мне об этом. Вообще бы я лично хотел с ним встретиться. Таковы мои личные чувства”.

Заметно было, что ему трудно было говорить все это, но, говоря через силу, он твердил об этом своем “личном чувстве” весьма учтиво и настоятельно». ²⁷⁰

Верное данным союзникам обязательствам, советское правительство уклонялось от каких-либо переговоров с правительством Японии и информировало руководителей союзных держав о подозрительных маневрах японских дипломатов. Тем более что уже с конца марта 1945 г. советское верховное командование начало осуществлять переброску своих вооруженных сил на Дальний Восток. Это не осталось незамеченным японским руководством, которое регулярно получало информацию о передислокации советских войск по разведывательным каналам. В середине апреля сотрудники аппарата военного атташе японского посольства в Москве докладывали в Токио: «Ежедневно по Транссибирской магистрали проходит от 12 до 15 железнодорожных составов... В настоящее время вступление Советского Союза в войну с Японией неизбежно. Для переброски около 20 дивизий потребуется приблизительно два месяца». ²⁷¹ Об этом же сообщал и штаб Квантунской армии.

Попытки «договориться» с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии, когда Япония осталась одна перед коалицией союзных держав. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию, которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии. ²⁷² Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы разрешить все связанные с Советским Союзом вопросы дипломатическим путем.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала официальных японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым продемонстрировать Советскому Союзу «позитивный характер» политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях. ²⁷³ Вслед за этим японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические шаги японского правительства в отношении СССР.

Но обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток правительства Японии вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии... Советский Союз может вступить в войну против Японии после летнего или осеннего периода». ²⁷⁴

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совеща-

---

²⁷⁰ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19. С. 46.

²⁷¹ Кантогун. Ч. 2. С. 325.

²⁷² Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 200.

²⁷³ Нисидзима Ариаци. Гэмбаку ва надзэ токасарэта ка (Почему была сброшена атомная бомба?). Токио, 1985. С. 220.

²⁷⁴ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 541.

ния с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество между США и Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой на то, что в конце концов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом. Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна твердо придерживаться курса на затяжной характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну».²⁷⁵ Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

В Москве внимательно изучили информацию из Токио о стремлении японской стороны незамедлительно начать официальные переговоры с целью заключения нового договора – теперь уже о ненападении. Думается, советское руководство обратило серьезное внимание на выраженную японцами готовность идти ради такого договора на существенные уступки СССР, в том числе территориальные.

Японские лидеры понимали, что добиться согласия советского правительства на начало официальных переговоров о заключении нового долгосрочного японо-советского договора без изложения конкретных предложений японской стороны едва ли удастся. Однако тактика Токио состояла в том, чтобы до объявления возможных уступок Японии сначала выяснить, чего пожелал бы СССР взамен договора о ненападении. Японское правительство опасалось, что может предложить Советскому Союзу больше, чем то, на что он рассчитывает. Отсюда продолжение попыток убедить Москву согласиться на начало переговоров с тем, чтобы обмен мнениями об условиях проектировавшегося японцами договора состоялся уже в ходе переговоров. Естественно, это не могло устроить советскую сторону, которая со всей определенностью давала понять, что вести неофициальные переговоры, тем более без конкретизации их целей, Москва не намерена.

Одной из важных причин стремления Того как можно скорее выяснить позицию Сталина и Молотова по поводу советско-японских отношений было то, что в конце июня в печати появилось сообщение о предстоящей встрече глав союзных держав в Берлине. Зная, что на этой встрече неизбежно будут обсуждаться вопросы войны с Японией, японский министр задался целью организовать переговоры со Сталиным до его отъезда в Берлин. В Москве же считали нецелесообразным начало каких-либо официальных переговоров с японским правительством накануне берлинской встречи, понимая, что это может осложнить отношения Советского Союза с США и Великобританией, посеять у лидеров этих держав подозрения в неискренности советской позиции в отношении обязательств, данных в Ялте.

10 июля Того на заседании кабинета министров после соответствующих консультаций с младшим братом императора Такамацу, председателем Тайного совета Хиранума и премьер-министром Судзуки предложил направить в Москву в качестве специального посла императора бывшего премьер-министра Японии князя Коноэ. Согласие самого Коноэ на такую поездку Того получил 8 июля во время личной встречи.

²⁷⁵ Такусиро Хаттори. Указ. соч. С. 541.

Правительство согласилось с предложением министра иностранных дел. 12 июня поездку Коноэ в Москву официально санкционировал император Хирохито.²⁷⁶ Вслед за этим Того направил в Москву послу Сато срочную телеграмму, в которой сообщал о принятом решении и поручал посетить Молотова и поставить вопрос о желании Токио направить в Советский Союз специального японского представителя.

Однако среди японских лидеров не было достигнуто согласия по главному вопросу – с чем должен был направиться в Москву Коноэ. Между военным министром, с одной стороны, и министром иностранных дел, с другой, возник спор по поводу перспектив Японии в войне. Военный министр утверждал, что «пока речь не идет о поражении Японии». Его оппоненты же считали, что «необходимо проявить заботу и на случай наихудшего развития ситуации».²⁷⁷

Учитывая эти разногласия, Коноэ не пожелал связывать себя той или иной позицией и заявил: «Мне не нужны никакие инструкции, я намерен ехать без заранее принятых решений. Я намерен по итогам поездки в Москву непосредственно передать императору то, что думает Сталин».²⁷⁸

Мнение противников безоговорочной капитуляции было учтено при составлении послания императора, которое надлежало доставить в Москву. Оно было составлено в общих словах о стремлении императора «положить скорее конец войне». Указывалось, что ввиду требования США и Великобритании о безоговорочной капитуляции Япония вынуждена вести войну до конца, что неизбежно приведет «к усиленному кровопролитию». В заключении послания император «изъявил пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». Необычность послания императора состояла в том, что оно не было никому адресовано.

13 июля посол Сато посетил заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского и вручил ему письмо на имя Молотова, в котором сообщалось о желании японского императора направить в СССР князя Коноэ в качестве своего официального представителя. При этом было передано и вышеупомянутое письменное послание Хирохито о стремлении «положить конец войне». К этому времени советское правительство было официально проинформировано послом Сато о готовности и желании японского правительства «идти на заключение соглашения вплоть до пакта о ненападении».²⁷⁹

Согласие на приезд Коноэ в Москву в качестве специального посланника японского императора означало начало официальных переговоров Москвы с Токио. Сталин же счел целесообразным уклониться от любых контактов с официальными представителями японского правительства.

Последняя попытка привлечь СССР к «посредничеству» с целью затруднить его вступление в войну была предпринята японским руководством уже после обнародования Потсдамской декларации об условиях капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем.

Отсутствие под Потсдамской декларацией подписи Советского Союза во многом определило отношение к ней японского правительства, удерживало японских лидеров от ее незамедлительного принятия, позволяло им сохранять надежду на возможность продолжения войны, ибо в Японии неизбежность поражения связывали лишь со вступлением в нее СССР. После опубликования декларации и обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной Того телеграфировал 27 июля послу Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации, будет с этого момента влиять на наши дей-

---

²⁷⁶ Сюзэн сироку (Документы истории окончания войны). Т. 3. Токио, 1977. С. 129–130.

²⁷⁷ Сюзэн сироку (Документы истории окончания войны). Т. 3. Токио, 1977. С. 131.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19. С. 54.

ствия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи».²⁸⁰

Как известно, 28 июля японское правительство отвергло Потсдамскую декларацию, заявив о намерении «продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Продолжение в этих условиях зондажа позиции советского правительства теряло смысл. Тем не менее Токио стремился использовать последний шанс на посредничество Сталина в целях избежать безоговорочной капитуляции. Дело дошло до того, что японское правительство ради этого просило правительство СССР изложить свои «пожелания и указания». В этот критический для империи момент японское руководство было уже готово идти на удовлетворение любых требований СССР, в том числе территориальных.

Об этом, по сути дела, заявил 30 июля заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому японский посол Сато. Причем речь шла о просьбе, чтобы на переговорах с руководителями союзных государств в Потсдаме Сталин занял благоприятную Японии позицию, учел ее пожелания.

31 июля Лозовский следующим образом сообщил послу Малику о содержании разговора с Сато:

«Ко мне 30 июля обратился Сато за ответом по вопросу о посредничестве.

Я сказал, что для ответа требуется известное время. Сегодня, к сожалению, я не могу дать ответ послу.

Сато заявил, что 26 июля Трумэн, Черчилль и Чан Кайши опубликовали обращение к Японскому правительству, содержащее в себе намерение навязать Японии безоговорочную капитуляцию. Однако, Японское правительство придерживается своего мнения. Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то Японское правительство для прекращения войны проявит весьма широкую примиренческую позицию. Сато просит, чтобы тов. Сталин учел эти пожелания. Далее Сато пояснил, что Коноэ едет с широкими полномочиями для обмена мнениями с Советским правительством в широких пределах по вопросу о том, как Японское правительство желает снова строить мир на Дальнем Востоке. Он хочет знать, не будет ли со стороны Советского правительства тех или иных пожеланий или указаний.

В заключение Сато сказал, что у него имеются опасения, что обращение Трумэна, Черчилля и Чан Кайши может помешать посредничеству. Однако поскольку руководители Советского правительства находятся в Берлине, то он надеется, что они уделят соответствующее внимание этому вопросу и устранят помехи. Сато просил меня довести об этом до сведения Советского правительства возможно скорее.

Я сказал, что постараюсь довести его заявление до сведения Советского правительства еще сегодня, если этому представится малейшая возможность».²⁸¹

Однако к этому времени советское руководство приняло окончательное решение выступить против Японии на стороне союзников. Поэтому дипломатические шаги японского правительства уже не имели для Сталина серьезного значения. Впоследствии бывший министр иностранных дел Того признал, что попытки Японии привлечь СССР к посредничеству в окончании войны были запоздалыми и не могли привести к успеху. Того писал в своих мемуарах:

«...Позиция Японии и особенно японской армии в течение многих лет вызывала у русских сильнейшие подозрения и обусловила их твердую решимость нейтрализовать нашу

---

²⁸⁰ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol. II. Washington, 1960. P. 1292–1293.

²⁸¹ Вестник Министерства иностранных дел СССР. № 19. С. 55.

страну. Поэтому Япония не только не могла питать реальных надежд на проявление какой-либо благосклонности со стороны СССР, но должна была понимать, что, когда истощение ее национального потенциала в ходе войны станет очевидным, он вместо переговоров с нею, вероятно, окончательно солидаризируется с Соединенными Штатами и Англией с целью принять участие в дележе плодов победы. В тот момент, когда СССР был связан тесными узами с Америкой и Англией, нам уже было слишком поздно строить какие-либо планы в попытке побудить его действовать в наших интересах. Даже наши усилия, направленные на то, чтобы убедить СССР придерживаться нейтралитета, могли быть вознаграждены только в том случае, если бы они прилагались в то время, когда Япония еще сохраняла какие-то резервы могущества. И если бы она была готова предложить щедрый *quid pro quo* за любые виды содействия. В этот момент важно было обеспечить достижение единого мнения по названным аспектам данной проблемы в самой Японии».²⁸²

С мнением бывшего министра можно согласиться лишь частично. Делая упор на то, что основной целью советского руководства при вступлении в войну с Японией было якобы стремление «принять участие в дележе плодов победы», Того уводит читателя от главного. Это главное состоит в том, что СССР в первую очередь стремился выполнить свой союзнический долг, как можно скорее завершить Вторую мировую войну и, разгромив милитаристскую Японию, надолго обеспечить безопасность своих дальневосточных границ. Что же касается «плодов победы», то, как указывалось выше, СССР мог получить их в случае отхода от союзнических обязательств и без вступления в войну. Отказ советского руководства от весьма щедрых японских посулов и предложений свидетельствовал о честности его позиции, стремлении искоренить чуждую чуждому человеку идеологию не только германского фашизма, но и японского милитаризма. Сделать это было возможно лишь в результате военного разгрома носителей этой идеологии объединенными силами сложившейся в годы войны коалиции союзных держав.

В точном соответствии с обещанием, данным в Крыму, ровно через три месяца после капитуляции Германии правительство СССР 8 августа объявило Японии войну.

Следует отметить, что вступление в войну против милитаристской Японии являлось не только выполнением союзнического долга, но и отвечало стратегическим целям и интересам Советского Союза.

Сталин не хотел допустить ситуацию, когда СССР был бы отстранен от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, и в первую очередь в Китае. Он не мог не знать или, по крайней мере, догадывался, что американцы намеревались после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны – Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Так, во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении английского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав

²⁸² *Того Сигэюки*. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1996. С. 435.

Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР.²⁸³

Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима. Хотя Сталин избегал открытой демонстрации поддержки Компартии Китая в борьбе за власть в стране, в действительности ставка делалась в первую очередь и главным образом на Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание благоприятных для СССР военно-стратегических и геополитических позиций в восточноазиатском регионе.

Что же касается часто упоминающегося в Японии факта «нарушения Советским Союзом пакта о нейтралитете 1941 года», то следует принять во внимание то обстоятельство, что в статье второй пакта предусматривалось: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Неоспоримым фактом истории является то, что в ходе Второй мировой войны Япония оказалась «объектом военных действий» не в результате нападения на неё третьих стран, а вследствие агрессивных действий самой Японии. В связи с этим видный российский востоковед С. Л. Тихвинский прямо указывает в своей работе: «С декабря 1941 года этот пакт уже не накладывал на Советский Союз никаких обязательств и превращался в пустой лист бумаги, так как Япония сама вероломно напала 7 декабря 1941 года на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками нашей страны по антигитлеровской коалиции».²⁸⁴ Японское же правительство стало рассматривать этот пакт как «пустой лист бумаги» еще раньше, а именно сразу же после нападения на СССР Германии, ближайшего военного союзника Японии.

Возлагая «ответственность» за нарушение пакта о нейтралитете на СССР, японское правительство и официальная историография избегают упреков в адрес США и Великобритании, которые своими требованиями выполнения Советским Союзом союзнического долга во многом предопределили участие СССР в войне против Японии. При этом в документах периода войны ни Рузвельт или Трумэн, ни Черчилль никогда даже не упоминали советско-японский пакт о нейтралитете, считая, что все соглашения предвоенного периода не должны препятствовать достижению главной цели – победы над коалицией враждебных государств – Германии, Японии и Италии.

После вступления СССР в войну отношения между Сталиным и новым президентом США Г. Трумэном осложнились. Обладание атомной бомбой побудило американцев отказаться от плана выделения для СССР зоны оккупации на территории собственно Японии и предоставить всю полноту власти в этой стране генералу Макартуру.²⁸⁵ Более того, в направленном 15 августа Сталину «Общем приказе № 1» о капитуляции японских вооруженных сил Трумэн «забыл» указать, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР. Это явилось сигналом того, что Трумэн может нарушить ялтинскую договоренность о переходе Курил к Советскому Союзу.

Сталин ответил сдержанно, но твердо, предложив внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

---

²⁸³ Юхаси Сигэто. Сэндзи ниссо косё сёси. 1941–1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны: 1941–1945). Токио, 1974. С. 142–143.

²⁸⁴ Тихвинский С. Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. М., 1996. С. 25–26.

²⁸⁵ Нихон бункацу (Раздел Японии). Токио, 1978. С. 73–75.

«1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, примыкающего на севере к проливу Лаперуза, находящемуся между Карафуто (Сахалин) и Хоккайдо. Демаркационную линию между северной и южной половиной острова Хоккайдо провести по линии, идущей от города Кусиро на восточном берегу острова до города Румоэ на западном берегу острова, с включением указанных городов в северную половину острова».

Объясняя желательность иметь район оккупации на территории собственно Японии, Сталин указал, что «это... имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории».²⁸⁶ Свои предложения Сталин назвал скромными и выразил надежду, что они не встретят возражений.

Как известно, Трумэн согласился «включить все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке». Что касается второго предложения по поводу занятия советскими войсками северной части Хоккайдо, то оно было отвергнуто Трумэном без каких-либо объяснений. При этом Трумэн от имени американского правительства выразил желание «располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе».

Не скрывая своего неудовольствия безапелляционным отказом Трумэна на допущение советских войск на Хоккайдо, Сталин в довольно резкой форме отверг требование США о предоставлении баз на Курильских островах. Он указал, что «требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории».²⁸⁷ Тем самым США было дано понять, что в соответствии с Ялтинским соглашением СССР обладает правом распоряжаться всеми Курильскими островами по собственному усмотрению.

В связи с вышеизложенным трудно согласиться с утверждением японского правительства о том, что советское командование якобы намеревалось оккупировать Курильские острова только вплоть до острова Уруп, а острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи советские войска оккупировали, лишь «узнав об отсутствии (на них) американских войск».²⁸⁸ Как следует из вышеприведенных документов, и Сталин, и Трумэн вели речь о включении в советскую зону оккупации всех Курильских островов. Это было со всей определенностью подтверждено в изданном 29 января 1946 г. «Меморандуме главнокомандующего союзных держав Макартура японскому императорскому правительству», в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан».²⁸⁹

Япония могла избежать вступления СССР в войну, а также атомной бомбардировки, своевременно приняв содержавшиеся в Потсдамской декларации союзников условия капиту-

---

²⁸⁶ Переписка... С. 285.

²⁸⁷ Переписка... С. 286–287.

²⁸⁸ «Северные территории Японии». Министерство иностранных дел Японии. Токио, 1996. С. 6.

²⁸⁹ От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.

ляции и объявив о прекращении военных действий. В связи с этим очевидна ответственность правительства милитаристской Японии за последовавшие события, принесшие неоправданные новые жертвы.

Факты истории свидетельствуют о том, что окончательное решение о капитуляции японское правительство приняло только после вступления в войну СССР. Это признавалось в Японии. В императорском рескрипте «К солдатам и матросам» Хирохито, не упоминая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, указал: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи».

Война против Японии принесла новые дополнительные жертвы, на которые наша страна шла для достижения окончательной победы во Второй мировой войне и обеспечения мира и безопасности азиатских народов.

Глава шестая. Долгий путь к миру

Громыко говорит «нет»

В конце 40-х гг. ситуация на Дальнем Востоке принципиально изменилась. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции становились непримиримыми противниками. По мере все большего осложнения советско-американских отношений и перехода к политике открытой холодной войны в Вашингтоне поставили задачу превратить Японию в дальневосточный бастион борьбы против Советского Союза и его союзников. После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики Государственный секретарь США Д. Ачесон в январе 1950 г. призывал «восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии». ²⁹⁰ В одной из американских работ тогдашняя ситуация описывалась следующим образом: «... В этих условиях США отчаянно нуждались в союзнике на Дальнем Востоке, который был бы достаточно сильным, чтобы обеспечить некоторую местную поддержку в деле защиты от распространения коммунизма в этом районе... Таким образом, через два года после окончания войны наиболее опасный противник США стал превращаться в их главного союзника в Азии».

В известной степени ответом на создание КНДР и КНР было участие США в Корейской войне в Корее, в которой Япония активно использовалась как тыловая база американской армии. В нарушение принятой в 1947 г. послевоенной конституции Японии, американские власти встали на путь воссоздания японских вооруженных сил. С другой стороны, правительство США изыскивало возможность обойти 12-й пункт Потсдамской декларации о выводе, в результате урегулирования с Японией, всех иностранных войск с ее территории, чего настойчиво добивался СССР. В Вашингтоне стремились заключить с Японией мирный договор на условиях сохранения в стране американского военного присутствия и определяющего экономического и политического влияния. Скорейшее подписание подобного договора было необходимо американцам еще и потому, что в широких слоях японского народа росли антиамериканские настроения, усиливались протесты против затянувшегося оккупационного режима. Командующий американскими войсками в Японии генерал Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал, что продолжение оккупации «может навсегда посорить США с Японией». ²⁹¹

Впервые штаб Макартура предложил заключить мирный договор с Японией еще в 1947 г., после принятия в стране новой конституции. Однако предложенный проект договора носил явно проамериканский характер, что вызвало возражения со стороны не только Советского Союза, но и других союзных держав. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае подтолкнула администрацию США форсировать предоставление Японии формальной независимости с тем, чтобы превратить ее в полноценного военного союзника по борьбе с коммунизмом в Азии. Социалистические страны открыто объявлялись противниками США и Японии, от которых надо было якобы обороняться. В мае 1950 г. генерал Макартур обнародовал новую концепцию обороны: «...Теперь Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит глав-

---

²⁹⁰ Материалы и документы по истории послевоенной Японии за двадцать лет. 1945–1965 гг. М., Токио, 1967. Т. 6. С. 24 (на яп. яз).

²⁹¹ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. (1945–1957 гг.). М., 1978. С. 216.

ный остров Окинава, затем она, поворачивая назад, проходит через Японию, Алеутские острова и Аляску».²⁹²

Премьер-министр Японии Сигэру Ёсида не возражал против пристегивания своей страны к военной стратегии США. Он заявлял: «Мы тоже ведем борьбу с коммунизмом, и у нас есть очень опасный враг на севере».²⁹³ Японское правительство втайне от народа обращалось к американцам с просьбой оставить в Японии свои войска и после заключения мирного договора.

1 декабря 1949 г. Госдепартамент США объявил, что американское и английское правительства приступили к разработке и согласованию проекта мирного договора с Японией. При этом появилась информация о том, что одновременно планируется заключить и соглашение об «обеспечении обороны Японии», то есть японо-американский военно-политический союз. По замыслам Пентагона мирный договор должен был юридически оформить существование «фактического мира», на деле сохраняя оккупационный режим. Зная о решительном сопротивлении советского правительства вовлечению Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке, американцы стали изучать возможность заключения мирного договора с Японией без участия СССР.

В феврале 1950 г. руководитель дипломатической секции штаба Макартура, впоследствии заместитель помощника госсекретаря США У. Себолд заявил, что «необходим очень решительный маневр, а именно заключение сепаратного мира с Японией без участия России».²⁹⁴ Эту позицию разделяли и в Госдепартаменте США. Нетрудно было привлечь на свою сторону и связанное с США определенными договорными обязательствами японское правительство. Выступая в парламенте, премьер-министр Ёсида явно с американских слов заявил, что мирный договор с участием СССР и КНР якобы невозможен. Заметим, что это происходило тогда, когда премьер получил от штаба Макартура директиву о формировании так называемых японских «оборонительных сил» в количестве 75 тысяч человек и отрядов морской охраны в составе 8 тысяч человек. Одновременно японское министерство иностранных дел разрабатывало совместно со штабом Макартура проект японо-американского военного соглашения.

Участие СССР в подготовке мирного договора могло сорвать эти замыслы. Это вынуждало спешить с заключением сепаратной сделки с Японией. Американцы сознательно создавали такие условия, при которых Советский Союз не смог бы принять участие в конференции, созываемой для заключения мирного договора. Расчет был на то, что после подписания 14 февраля 1950 г. договора о дружбе, союзе и взаимной помощи с КНР советское правительство не согласится с таким договором с Японией, который бы предусматривал одновременное заключение японо-американского военного союза, открыто нацеленного против СССР и КНР.

Как уже отмечалось, творцы американской внешней политики с самого начала поставили задачу отстранить СССР от процесса послевоенного урегулирования с Японией. Инициативы Советского Союза по этому вопросу неизменно отвергались. Так, когда в ноябре 1947 г. на заседании Совета министров иностранных дел великих держав в Лондоне представитель СССР предложил созвать очередную сессию этой организации в Китае и обсудить вопрос о мирном урегулировании с Японией, американское правительство выступило с возражениями. И не случайно, ведь планы США находились в принципиальном противоречии с позицией СССР, который в рамках урегулирования настаивал на принятии мер против возрождения милитаризма в Японии, ее перевооружения. Ачесон с раздражением признавал: «...Коммунисты доставляли

---

²⁹² Nippon Times. 8.V.1950.

²⁹³ Эйдус Х. Т. СССР и Япония. Внешнеполитические отношения после Второй мировой войны. М., 1964. С. 44.

²⁹⁴ Nippon Times. 16.II.1950.

нам больше всего неприятностей. Их оппозиция любой идее была непримиримой. Ее можно было только игнорировать».

Однако полностью игнорировать СССР при подготовке мирного договора с Японией американцы не посмели – этому могли воспротивиться даже ближайшие союзники США, не говоря уж о странах – жертвах японской агрессии. Поэтому 26 октября советскому представителю в ООН в порядке ознакомления были переданы американские соображения о характере будущего мирного договора. Вносилось предложение о сохранении в Японии на неопределенное время американских войск для поддержания «международного мира и безопасности». Предлагалось также передать группы японских островов Рюкю и Бонин под опеку ООН, а фактически под управление США. Подвергался пересмотру давно решенный союзными державами вопрос о принадлежности островов Тайвань и Пеэнхуледао (Пескадорские острова) Китаю, а Южного Сахалина и Курильских островов – Советскому Союзу.²⁹⁵

В ноте от 20 ноября 1950 г., а затем в переданном американцам 7 мая 1951 г. документе «Замечания по проекту США мирного договора с Японией» советское руководство поставило вопрос о сроках вывода с территории Японии всех оккупационных войск, а также осудило попытки Вашингтона, игнорирующие международные соглашения о послевоенном урегулировании с Японией, установить в этой стране удобные США порядки и не допустить к работе мирной конференции главных жертв японской агрессии – КНР и КНДР. Вопрос о приглашении к подписанию мирного договора представителей Китайской Народной Республики приобрел принципиальное значение. Общая позиция СССР и КНР в этом вопросе была зафиксирована в Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи. Стороны договорились «в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время Второй мировой войны державами мирного договора с Японией». При этом предусматривалось, что стороны будут едины в стремлении «воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое бы объединилось с Японией в актах агрессии».²⁹⁶ Против намерения США заключить с Японией сепаратный мирный договор наряду с СССР выступили КНР, КНДР, Демократическая Республика Вьетнам, Индия, Индонезия, Бирма.

Назначенный в начале 1959 г. главой американской миссии по заключению мирного договора с Японией Джон Даллес не скрывал намерения отстранить СССР от разработки положений мирного договора. На одной из пресс-конференций он прямо заявил: «Как вы знаете, СССР настаивает, чтобы любая дискуссия в отношении будущего Японии проводилась Советом министров иностранных дел, который предусматривает право “вето”. Япония же должна сама сделать выбор и взять на себя ответственность за оборону против угрозы косвенной агрессии».²⁹⁷ Подобная риторика о мифической «косвенной агрессии» понадобилась для того, чтобы прикрыть очевидное намерение превратить Японские острова в военный плацдарм, необходимый для осуществления жандармских функций американских войск на Дальнем Востоке. В перспективе планировалось создать под эгидой США некий тихоокеанский «пакт безопасности», с включением в него Японии.

Конференция по мирному урегулированию и заключению для подписания мирного договора была назначена на 4 сентября 1951 г., местом проведения церемонии подписания договора был избран Сан-Франциско. Речь шла именно о церемонии, ибо какого-либо обсуждения и внесения поправок в составленный Вашингтоном и одобренный Лондоном текст договора не допускалось. Для того чтобы проштамповать англо-американскую заготовку, был подобран состав участников подписания, в основном из стран проамериканской ориентации. Было

²⁹⁵ Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 43.

²⁹⁶ Советско-китайские отношения: 1917–1957. М., 1959. С. 219.

²⁹⁷ Mainichi Daily News. 30.IX.1982.

создано заранее «механическое большинство» из стран, с Японией не воевавших. В Сан-Франциско приглашались представители 21 латиноамериканского, семи европейских, семи африканских государств. Страны же, много лет сражавшиеся с японскими агрессорами и больше всех пострадавшие от них, на конференцию допущены не были. Не получили приглашения КНР, КНДР, ДВР, Монгольская Народная Республика. В знак протеста против игнорирования интересов азиатских стран при послевоенном урегулировании, в частности по проблеме выплаты Японией репараций, отказались направить в Сан-Франциско своих представителей Индия и Бирма. С требованиями репараций выступили также Индонезия, Филиппины, Голландия.

Создавалась абсурдная ситуация, когда вне процесса мирного урегулирования с Японией оказалось большинство воевавших с ней государств. По сути дела, это был бойкот Сан-Францисской конференции. Однако американцев это не смущало – они твердо и открыто взяли курс на заключение сепаратного договора и рассчитывали, что в сложившейся ситуации Советский Союз присоединится к бойкоту конференции, предоставив США и их союзникам полную свободу действий. Однако эти расчеты не оправдались. Советское правительство решило использовать трибуну Сан-Францисской конференции для разоблачения сепаратного характера договора и выдвижения требования «заключения такого мирного договора, который действительно отвечал бы интересам мирного урегулирования на Дальнем Востоке и содействовал укреплению всеобщего мира».

Направлявшаяся в сентябре 1951 г. на Сан-Францисскую конференцию советская делегация во главе с А. А. Громыко имела директивные указания ЦК ВКП(б) – «главное внимание сосредоточить на вопросе о приглашении Китайской Народной Республики к участию в конференции». При этом китайское руководство было проинформировано о том, что без удовлетворения этого требования советское правительство подписывать составленный американцами документ не будет. 12 августа 1951 г. МИД СССР направил послу в Пекине Н. В. Рощину следующее указание: «Посетите Чжоу Эньлая и сообщите ему, что Вам поручено информировать правительство КНР о том, что Советское правительство решило направить свою делегацию на созываемую 4 сентября с. г. в Сан-Франциско конференцию по мирному договору с Японией. Советское правительство считает, что Советскому Союзу было бы трудно отказаться от участия в указанной конференции, так как такой отказ может быть расценен общественным мнением как нежелание Советского Союза иметь нормальные отношения с Японией. Советские представители примут участие в Сан-Францисской конференции и будут добиваться, чтобы были приняты предложения Советского Союза. Само собой разумеется, что на конференции нашей делегацией будет поставлен вопрос об обязательном приглашении представителей Китайской Народной Республики, без участия которой не может быть заключен мирный договор с Японией. О ходе конференции правительство Китайской Народной Республики будет нами информироваться».²⁹⁸

Директивами советского руководства предусматривалось добиваться внесения поправок по территориальному вопросу. СССР выступил против того, что американское правительство вопреки подписанным США международным соглашениям фактически отказывалось признать в мирном договоре суверенитет СССР над территориями Южного Сахалина и Курильских островов. «Проект находится в грубом противоречии с обязательствами в отношении этих территорий, взятыми на себя США и Англией по Ялтинскому соглашению», – заявил на Сан-Францисской конференции Громыко. Объясняя отрицательное отношение к американо-английскому проекту мирного договора, представитель СССР указал:

²⁹⁸ Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 53–54.

«1. Проект не содержит никаких гарантий против восстановления японского милитаризма, превращения Японии в агрессивное государство. Проект не содержит гарантий обеспечения безопасности стран, пострадавших от агрессии милитаристской Японии. Проект создает условия для возрождения японского милитаризма, угрозу повторения японской агрессии.

2. Проект договора фактически не предусматривает вывода оккупационных иностранных войск. Наоборот, он закрепляет пребывание на территории Японии иностранных вооруженных сил и содержание иностранных военных баз в Японии и после подписания мирного договора.

3. Проект договора не только не предусматривает обязательств Японии не вступать ни в какие коалиции, направленные против любого из государств, участвовавших в войне с милитаристской Японией, но, наоборот, расчищает дорогу для участия Японии в агрессивных блоках на Дальнем Востоке, создаваемых под эгидой США.

4. Проект договора не содержит никаких положений о демократизации Японии, об обеспечении демократических прав японскому народу, что создает прямую угрозу возрождения довоенных фашистских порядков в Японии.

5. Проект договора грубо нарушает законные права китайского народа на неотъемлемую часть Китая – Тайвань (Формозу), Пескадорские, Парасельские острова и другие территории, отторгнутые от Китая в результате японской агрессии.

6. Проект договора противоречит тем обязательствам, которые взяли на себя США и Великобритания по Ялтинскому соглашению о возвращении Сахалина и о передаче Курильских островов Советскому Союзу.

7. Многочисленные экономические постановления рассчитаны на то, чтобы закрепить за иностранными, в первую очередь американскими, монополиями приобретенные ими в период оккупации привилегии. Японская экономика ставится в кабальную зависимость от этих иностранных монополий.

8. Проект фактически игнорирует законные требования государств, пострадавших от японской оккупации, о возмещении Японией понесенного ими ущерба. Вместе с тем, предусматривая возмещение ущерба непосредственно трудом японского населения, он навязывает Японии кабальную форму репараций.

9. Американо-английский проект является не договором мира, а договором подготовки новой войны на Дальнем Востоке».²⁹⁹

Позицию СССР поддержали не только союзные Польша и Чехословакия, но и ряд арабских стран – Египет, Саудовская Аравия, Сирия и Ирак, представители которых потребовали исключить из текста договора указание на то, что иностранное государство может содержать на японской земле свои войска и военные базы. «Египет, территория которого до сих пор оккупирована иностранными вооруженными силами, – заявил египетский представитель, – прекрасно понимает, что, пока территория Японии оккупирована союзными войсками, не будут созданы условия свободы».³⁰⁰

Хотя шансов на то, что американцы прислушаются к мнению Советского Союза и солидарных с ним стран, было немного, на конференции на весь мир прозвучали соответствовавшие договоренностям и документам военного времени предложения советского правительства, которые сводились к следующему.

По статье 2.

а) Вместо пунктов «b» и «f» включить пункт в следующей редакции: «Япония признает полный суверенитет Китайской Народной Республики над Маньчжурией, островом Тайванем (Формоза) со всеми прилегающими к нему островами, над островами Пеэнхуледао (Песка-

---

²⁹⁹ Правда. 7.IX.1951.

³⁰⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. С. 220.

дорскими), островами Дуишачюньдао (о-ва Иратас), а также над островами Сишачюньдао и Чжуншачюньдао (о-ва Парасельские, группа Анфитриты и банка Макксилфилд) и островами Наньшачюньдао, включая о-в Спратли, и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на названные в этой статье территории».

б) Пункт «с» изложить в следующей редакции:

«Япония признает полный суверенитет Союза Советских Социалистических Республик на южную часть острова Сахалин, со всеми прилегающими к ней островами, и на Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории».

По статье 3.

Изложить статью в следующей редакции:

«Суверенитет Японии будет распространяться на территорию, состоящую из островов Хонсю, Кюсю, Сикоку, Хоккайдо, а также Рюкю, Бонин, Розарио, Волкано, Парес-Вела, Маркус, Цусима и другие острова, входившие в состав Японии до 7 декабря 1941 г., за исключением тех территорий и островов, которые указаны в ст. 2».

По статье 6.

Пункт «а» изложить в следующей редакции:

«Все вооруженные силы Союзных и Соединенных Держав будут выведены из Японии в возможно короткий срок, и, во всяком случае, не более чем в 90 дней со дня вступления в силу настоящего договора, после чего ни одна из Союзных или Соединенных Держав, а также никакая другая иностранная держава не будут иметь своих войск или военных баз на территории Японии»...

9. Новая статья (в главу III).

«Япония обязуется не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо Державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии...»

13. Новая статья (в главу III).

1. «Проливы Лаперуза (Соя) и Нэмуру по всему японскому побережью, а также Сангарский (Цугару) и Цусимский должны быть демилитаризованы. Эти проливы будут всегда открыты для прохода торговых судов всех стран.

2. Проливы, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны быть открыты лишь для тех военных судов, которые принадлежат Державам, прилегающим к Японскому морю».

Было также высказано предложение о созыве специальной конференции по вопросу о выплате Японией репараций «с обязательным участием стран, подвергшихся японской оккупации, а именно КНР, Индонезии, Филиппин, Бирмы, и с приглашением на эту конференцию Японии».

Советская делегация обратилась к участникам конференции с просьбой обсудить эти предложения. Однако США и их союзники отказались вносить в проект какие-либо изменения и 8 сентября поставили его на голосование. В этих условиях советское правительство было вынуждено заявить об отказе подписывать мирный договор на американских условиях. Не поставили свои подписи под договором также представители Польши и Чехословакии.

Отклонив предложенные советским правительством поправки о признании Японией полного суверенитета СССР и КНР над перешедшими к ним в соответствии с договоренностями членов антигитлеровской коалиции территориями, составители договора не смогли вовсе не учитывать ялтинские и потсдамские соглашения. В текст договора было включено положение о том, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года». Включая этот пункт в текст договора, американцы отнюдь не стремились «безусловно удовлетворить претензии Советского Союза», как об этом говорилось в Ялтинском соглашении.

Напротив, есть немало свидетельств того, что США сознательно вели дело к тому, чтобы и в случае подписания СССР Сан-Францисского договора противоречия между Японией и Советским Союзом сохранялись.

Следует отметить, что идея использовать заинтересованность СССР в возвращении Южного Сахалина и Курильских островов для привнесения раздоров между СССР и Японией существовала в Государственном департаменте США еще со времени подготовки Ялтинской конференции. В разработанных для Рузвельта материалах особо отмечалось, что «уступка Советскому Союзу южнокурильских островов создаст ситуацию, с которой Японии будет трудно примириться... Если эти острова будут превращены в форпост (России), для Японии возникнет постоянная угроза».³⁰¹ В отличие от Рузвельта администрация Трумэна решила воспользоваться ситуацией и оставить вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах как бы в «подвешенном состоянии».

Протестуя против этого, Громыко заявил, что «при решении территориальных вопросов в связи с подготовкой мирного договора не должно быть никаких неясностей». США же, будучи заинтересованы в недопущении окончательного и всеобъемлющего урегулирования советско-японских отношений, стремились именно к таким «неясностям». Как можно иначе расценить американский курс на то, чтобы, включив в текст договора отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, в то же время не допустить признания Японией суверенитета СССР над этими территориями? В результате усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без четкого определения, в чью пользу совершается этот отказ. И это происходило тогда, когда Южный Сахалин и все Курильские острова в соответствии с Ялтинским соглашением и другими подписанными документами уже были официально включены в состав СССР. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период. Это было настолько очевидно, что правительство Великобритании даже попыталось, хотя и безуспешно, воспрепятствовать столь явному отходу от договоренности «большой тройки» Рузвельта, Сталина и Черчилля в Ялте.

В меморандуме британского посольства Государственному департаменту США от 12 марта 1951 г. указывалось: «В соответствии с Ливадийским (Ялтинским) соглашением, подписанным 11 февраля 1945 г., Япония должна уступить Советскому Союзу Южный Сахалин и Курильские острова». В американском ответе англичанам было заявлено: «США считают, что точное определение пределов Курильских островов должно стать предметом двустороннего соглашения между японским и советским правительствами или должно быть юридически установлено Международным судом».³⁰² Занятая США позиция противоречила изданному 29 января 1946 г. Меморандуму главнокомандующего войсками союзных держав Макартура японскому императорскому правительству, в котором указывалось, что из-под юрисдикции государственной или административной власти Японии исключаются все находящиеся к северу от Хоккайдо острова, в том числе «группа островов Хабомаи (Хапомандзё), включая острова Сусио, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Сикотан (Шикотан)».³⁰³ Ради закрепления Японии на проамериканских антисоветских позициях Вашингтон был готов предать забвению основополагающие документы военного и послевоенного периода.

Это нашло свое подтверждение при ратификации Сан-Францисского договора. Тогда, 20 марта 1952 г., сенат США во всеуслышание заявил: «Предусматривается, что условия дого-

³⁰¹ Россия кэнкю (Исследования по России). 1997. № 25. С. 104 (на яп. яз).

³⁰² От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 144–145.

³⁰³ Там же. С. 139.

вора не будут означать признания за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 года, которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни были положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении». Тем самым американские сенаторы росчерком пера «отменили» соглашение глав великих держав о переходе Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу. Причина такого волюнтаристского решения состояла не столько в трогательной заботе об интересах своего недавнего заклятого врага – Японии, сколько в намерении попытаться, «вернув» эти территории Японии, использовать их для нужд военной машины США в ходе Корейской войны и при осуществлении других авантур на Дальнем Востоке.

В день подписания сепаратного мирного договора в клубе сержантского состава американской армии был заключен японо-американский «договор безопасности», означавший сохранение военно-политического контроля США над Японией. Согласно статье I этого договора, японское правительство предоставляло США «право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Иными словами, территория страны на договорной основе превращалась в плацдарм, с которого американские войска могли совершать военные операции против соседних азиатских государств. Ситуация усугублялась тем, что из-за своекорыстной политики Вашингтона эти государства, в первую очередь СССР и КНР, оставались в состоянии войны с Японией, что не могло не сказываться на международной обстановке в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Современные японские историки и политики расходятся в оценках содержащегося в тексте мирного договора отказа Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Одни требуют отмены этого пункта договора и возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. Другие пытаются доказать, что южнокурильские острова (Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан) не входят в понятие «Курильские острова», от которых Япония отказалась в Сан-Францисском договоре. Сторонники последней версии утверждают: «... Не подлежит сомнению, что по Сан-Францисскому мирному договору Япония отказалась от южной части Сахалина и Курильских островов. Однако адресат принадлежности этих территорий определен в этом договоре не был... Советский Союз отказался подписать Сан-Францисский договор. Следовательно, это государство с юридической точки зрения не имеет права извлекать для себя преимущества из этого договора... Если бы Советский Союз подписал и ратифицировал Сан-Францисский мирный договор, это, вероятно, усилило бы среди государств – участников договора мнение об обоснованности позиции Советского Союза, заключавшейся в том, что южная часть Сахалина и Курильские острова принадлежат Советскому Союзу».³⁰⁴ В действительности же в 1951 г., официально зафиксировав в Сан-Францисском договоре свой отказ от этих территорий, Япония еще раз подтвердила свое согласие с условиями безоговорочной капитуляции, оговорив лишь право претендовать на острова Хабомаи и Шикотан.

Отказ советского правительства поставить подпись под Сан-Францисским мирным договором подчас и в нашей стране трактуется как ошибка Сталина, проявление негибкости его дипломатии, ослабившие позиции СССР в отстаивании прав на владение Южным Сахалином и Курильскими островами. На наш взгляд, подобные оценки свидетельствуют о недостаточном понимании и учете специфики тогдашней международной обстановки. Мир вступил в длительный период холодной войны, которая, как показала Корейская война в Корее, в любой момент могла перерасти в «горячую». Для Сталина в тот период отношения со своим военным союзником – Китаем были важнее отношений с окончательно перешедшей на сторону США Японией. К тому же, как показали последовавшие события, подпись СССР под предложенным американцами текстом мирного договора не гарантировала безоговорочное признание Япо-

³⁰⁴ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. / Пер. с яп. М., 2000. С. 80–82.

нией суверенитета Советского Союза над Курильскими островами. Добиваться этого предстояло на прямых советско-японских переговорах.

«Не поверил своим ушам»

Заключение военного союза между Японией и США серьезно затруднило послевоенное советско-японское урегулирование. Односторонним решением американского правительства были ликвидированы Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, через которые СССР стремился оказывать влияние на процессы демократизации японского государства. В стране усиливалась антисоветская пропаганда. Советский Союз вновь стал рассматриваться как потенциальный военный противник. Однако японские правящие круги признавали, что отсутствие нормальных отношений со столь крупным и влиятельным государством, как СССР, не позволяет вернуть страну в мировое сообщество, препятствует взаимовыгодной торговле, обрекает Японию на жесткую привязку к США, серьезно ограничивает самостоятельность внешней политики. Без нормализации отношений с СССР трудно было рассчитывать на вступление Японии в ООН, установление дипломатических отношений с социалистическими странами, в первую очередь с КНР. Неурегулированные отношения с Японией не отвечали интересам и Советского Союза, ибо не позволяли налаживать торговлю с быстро восстанавливавшим экономическую мощь дальневосточным соседом и затрудняли сотрудничество в столь важной для обеих стран отрасли экономики, как рыболовство. Кроме этого, они препятствовали контактам с японскими демократическими организациями и, как следствие этого, способствовали все большему вовлечению Японии в антисоветскую политическую и военную стратегию США. Односторонняя ориентация на США вызывала недовольство в японском народе. Все большее число японцев из различных слоев населения стали требовать проведения более независимой внешней политики, нормализации отношений с соседними социалистическими странами. В 1952 г. в Японии был учрежден Комитет по развитию японо-советской торговли, а с 1954 г. стал активно действовать Национальный совет за нормализацию отношений с СССР и КНР. Образованная в январе 1955 г. Ассоциация японо-советской торговли объединяла уже около 60 промышленных и торговых компаний.

В значительной степени благодаря поддержке набиравшего силу движения за восстановление отношений с СССР на парламентских выборах осенью 1954 г. победила Демократическая партия во главе с Итиро Хатояма. Этот политик с националистических позиций открыто выступал за переход Японии к новому внешнеполитическому курсу. В своей программной речи в парламенте в качестве премьер-министра страны Хатояма заявил, что важнейшей задачей страны является как можно более быстрое достижение полной самостоятельности и независимости. В обстановке расширения в Японии антивоенного движения резонанс в обществе вызвал его призыв развивать торговлю с социалистическими странами как наиболее эффективный метод для устранения недоверия и предотвращения новой войны.

«Я уверен, что мы все вздохнем с облегчением, и наша страна получит новые возможности для процветания, когда будут установлены связи с Советским Союзом, Китаем и другими странами, с которыми у нас нет еще дипломатических отношений, когда разовьется наша торговля с ними, когда между нами будут установлены отношения не вражды, а мирного сотрудничества, когда будет налажен обмен взаимонеобходимыми товарами, когда, наконец, будут установлены между нашими странами отношения мира... Я ни на минуту не сомневаюсь, что здесь и только здесь лежит столбовая дорога ко всеобщему миру», – заявил Хатояма под бурные аплодисменты депутатов парламента.³⁰⁵

---

³⁰⁵ Цит по: Петров Д. В. Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965. С. 140.

В Советском Союзе сочли момент благоприятным, и министр иностранных дел СССР Молотов 11 сентября в ответах японскому журналисту заявил о готовности своей страны «нормализовать отношения с Японией, имея в виду, что со стороны Японии будет проявлена такая же готовность». Для начала министр предложил обсудить вопрос об «обмене официальными торговыми миссиями на условиях равноправия и взаимности».

После окончания войны объем советско-японской торговли был незначительным – 8,5 млн руб. в 1949 г. С началом войны в Корее торговля между двумя странами практически полностью прекратилась – в 1952 г. товарооборот составил всего 0,5 млн рублей. Поэтому предложение Москвы не могло остаться без реакции с японской стороны, которая понимала ущербность ориентации Японии в международной торговле главным образом на США. Сигнал Молотова был услышан, и в январе 1955 г. новый премьер-министр Японии выразил готовность проявить инициативу в вопросе прекращения состояния войны с Советским Союзом и восстановления дипломатических и торгово-экономических отношений. Однако не все в кабинете Хатояма соглашались на кардинальное улучшение отношений с СССР. Проамерикански настроенная группировка во главе с министром иностранных дел Мамору Сигэмицу была против полномасштабных переговоров с советским правительством и скорейшего восстановления дипломатических отношений. Находились и такие, кто с подачи американцев пытались объяснять предложения СССР о нормализации советско-японских отношений стремлением «вбить клин между Японией и США». Противниками переговоров выступили лидеры Либеральной партии Японии – ее председатель Т. Огата заявил, что переговоры с СССР – «игра с огнем», а генеральный секретарь этой партии Х. Икэда договорился до того, что «это равносильно поджогу отчего дома». Их поддержали председатель Федерации экономических организаций Японии Т. Исидзака и его единомышленники из числа крупных бизнесменов, заявлявшие, что восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом приведет к тому, что «с одной стороны, Япония откроет двери коммунизму, а с другой – породит напряженность в отношениях с США».

Однако политическая атмосфера в стране была не в пользу крайне правых. Опасаясь идти наперекор общественному мнению, реакционные политики избрали тактику затягивания переговоров путем выдвижения к Советскому Союзу неприемлемых требований. В этом их поддерживала американская администрация, представители которой недвусмысленно намекали на возможность пересмотра курса на помощь Японии в восстановлении экономики страны.

В создавшейся обстановке советское правительство сочло своевременным проявить инициативу с целью усилить позиции сторонников скорейшей нормализации отношений, внося предложение о начале прямых советско-японских переговоров. В начале 1955 г. представитель СССР в Японии обратился с таким предложением к министру иностранных дел М. Сигэмицу. Однако министр уклонился от переговоров. Тогда 25 января по поручению Москвы лично Хатояма было сообщено, что «советская сторона полагает целесообразным обменяться мнениями по вопросу о возможных шагах, направленных к нормализации советско-японских отношений». Была выражена готовность назначить представителей для переговоров, которые можно было бы провести в Москве или Токио.³⁰⁶

После продолжительных дебатов о месте проведения встреч дипломатов двух стран был достигнут компромисс – полномочные делегации должны были прибыть в Лондон. 3 июня в здании посольства СССР в английской столице начались советско-японские переговоры о прекращении состояния войны, заключении мирного договора и восстановлении дипломатических и торговых отношений. Советскую делегацию возглавлял известный дипломат Я. А. Малик, в годы войны являвшийся послом СССР в Японии, а затем в ранге заместителя министра иностранных дел представителем Советского Союза в ООН. С 1953 по 1960 г. он

³⁰⁶ См. подробнее: Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 61–62.

представлял СССР в Великобритании. Во главе японской правительственной делегации был близкий к премьер-министру Хатояма японский дипломат в ранге посла Сунъити Мацумото. В своей вступительной речи глава японской делегации отметил, что «прошло почти 10 лет с того дня, когда, к сожалению, между обоими государствами возникло состояние войны. Японский народ от души желает разрешения ряда открытых вопросов, возникших за эти годы, и нормализации отношений между обоими государствами». На следующей встрече Мацумото зачитал меморандум, который японская сторона предлагала положить в основу предстоящих переговоров. В этом документе МИД Японии выдвигались следующие условия восстановления отношений между обеими странами: передача Японии Курильских островов и Южного Сахалина, возвращение на родину осужденных в Советском Союзе японских военных преступников и положительное разрешение вопросов, связанных с японским рыболовством в северо-западной части Тихого океана, а также содействие приему Японии в ООН и др.³⁰⁷ При этом японская сторона не скрывала, что основной упор в ходе переговоров будет делаться на «разрешении территориальной проблемы».

Позиция Советского Союза состояла в том, чтобы, подтвердив уже состоявшиеся итоги войны, создать условия для всестороннего взаимовыгодного развития двусторонних отношений во всех областях. Об этом свидетельствовал предложенный 14 июня 1955 г. советской делегацией проект советско-японского мирного договора. Он предусматривал прекращение состояния войны между обеими странами и восстановление между ними официальных отношений на основе равенства, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и ненападения; подтверждал и конкретизировал действующие международные соглашения в отношении Японии, подписанные союзниками во время Второй мировой войны. В проекте предусматривались последующие переговоры сторон о заключении отдельных договоров и конвенций о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве, консульских отношениях и по другим практическим вопросам советско-японского сотрудничества. Советский Союз отказывался от репарационных претензий к Японии и обязался поддержать ее просьбу о приеме в ООН.³⁰⁸

Соглашалось советское правительство рассмотреть и просьбу о досрочном освобождении и репатриации осужденных в СССР японских военных преступников. Таким образом, Советский Союз, проявляя добрую волю, шел на удовлетворение практически всех просьб и пожеланий японской стороны. Камнем преткновения оставался лишь вопрос о необоснованных территориальных претензиях японского правительства. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

Как указывалось выше, в Сан-Францисском мирном договоре японское правительство официально отказалось от Южного Сахалина и Курильских островов. Однако впоследствии, ссылаясь на то, что СССР не подписал этот договор и в договоре не указано, в чью пользу произошел отказ, появились утверждения об отсутствии окончательного решения о принадлежности этих территорий. Однако обязательность для Японии Ялтинского соглашения, предусматривавшего переход Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу, вытекает из Сан-Францисского договора, в котором зафиксировано, что Япония признает все решения и все договоры союзников периода Второй мировой войны, а следовательно, и Ялтинского соглашения. Неправомерными являются и утверждения о «незаконной аннексии» этих территорий, ибо в Каирской и Потсдамской декларациях, а затем и в Сан-Францисском договоре подтверждался принцип международного права о возможности ограничения территориального суверенитета государства-агрессора в качестве меры наказания за осуществленную агрессию. Сознвая это, японские защитники подсудимых на Токийском процессе в заклю-

³⁰⁷ См. подробнее: Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 61–62.

³⁰⁸ Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964. С. 289.

чительной речи со всей определенностью заявили: «Если Япония была побеждена в войне, вся нация должна испытывать на себе последствия этого. Она должна в зависимости от обязательств платить репарации, или возместить ущерб, или должна быть лишена своей территории».³⁰⁹

Видимо, из этого исходил и представлявший Японию на Сан-Францисской конференции премьер-министр Ёсида, который в своей речи высказал претензии своей страны только на острова Хабомаи и Шикотан, выделив их из Курильской гряды. Проблема трактовки географического понятия «Курильские острова» возникла при ратификации Сан-Францисского договора в парламенте Японии. От имени японского правительства разъяснения депутатам давал заведующий договорным департаментом МИД Японии Нисимура Кумао. 6 октября 1951 г. он сделал в палате представителей парламента следующее заявление: «Поскольку Японии пришлось отказаться от суверенитета на Курильские острова, она утратила право голоса на окончательное решение вопроса об их принадлежности. Так как Япония по мирному договору согласилась отказаться от суверенитета над этими территориями, данный вопрос, в той мере, в какой он имеет к ней отношение, является разрешенным».³¹⁰ Еще более определенно позиция МИД Японии, а значит правительства, была сформулирована Нисимура 19 октября 1951 г. на заседании специального комитета по вопросу ратификации Сан-Францисского мирного договора палаты представителей японского парламента. Он заявил: «Территориальные пределы архипелага Тисима (Курильских островов. – *Примеч. авт.*), о которых говорится в договоре, включают в себя как Северные Тисима, так и Южные Тисима».³¹¹ Таким образом, при ратификации японским парламентом Сан-Францисского мирного договора высший законодательный орган японского государства констатировал факт отказа Японии от всех островов Курильской гряды.

После подписания Сан-Францисского мирного договора в политическом мире Японии существовал консенсус по поводу того, что территориальные претензии к СССР следует ограничить лишь двумя островами, а именно Хабомаи и Шикотан. Это было зафиксировано, например, в совместной парламентской резолюции всех политических партий Японии от 31 июля 1952 г. В резолюции перед правительством страны ставилась задача добиваться возвращения оккупированных Соединенными Штатами Окинавы, островов Огасавара и некоторых других, а также островов Хабомаи и Шикотан.³¹² Правительство Японии было согласно с мнением парламентариев. Премьер-министр Ёсида, как отмечалось, настаивал на том, чтобы только острова Хабомаи и Шикотан не причислялись к Курильским островам, от прав на которые Япония отказывалась; в отношении же островов Итуруп и Кунашир со стороны премьера таких возражений не выдвигалось. Более того, на конференции он дал этим территориям следующее определение: «Два острова в южной части Тисима, называемые Итуруп и Кунашир...»

В Лондоне же японская делегация, выполняя директиву правительства, предъявила претензии на «острова Хабомаи, Шикотан, архипелаг Тисима (Курильские острова) и южную часть острова Карафуто (Сахалин)». В предложенном японской стороной проекте соглашения было записано: «1. На территориях Японии, оккупированных Союзом Советских Социалистических Республик в результате войны, в день вступления в силу настоящего Договора будет полностью восстановлен суверенитет Японии. 2. Войска и государственные служащие Союза Советских Социалистических Республик, находящиеся в настоящее время на указанных в пункте

³⁰⁹ Зиланов В. К., Кошкин А. А., Латышев И. А., Плотников А. Ю. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 19.

³¹⁰ Акахата. 6.III.1969. Цит по: Черевко К. Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII–XX вв.). М., 1987. С. 97.

³¹¹ Фува Тэцудзо. Тисима мондай то хэйва дзёяку (Проблема островов Тисима и мирный договор). Токио, 1998. С. 19 (на яп. яз.).

³¹² Сугимори Кодзи. Горубатёфу-но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй (Политика Горбачева в мире и японо-советские отношения). Токио, 1989. С. 220 (на яп. яз.).

1 настоящей статьи территориях, должны быть выведены в возможно более короткий срок и, во всяком случае, не позднее чем по истечении 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Однако вскоре в Токио поняли, что эта попытка коренным образом подвергнуть ревизии итоги войны обречена на провал и приведет лишь к обострению двусторонних отношений с СССР. Это могло сорвать переговоры о репатриации осужденных японских военнопленных, достижение договоренности по вопросам рыболовства, заблокировать решение вопроса о принятии Японии в ООН. Поэтому для достижения согласия японское правительство было готово ограничить свои территориальные претензии южной частью Курил, заявив, что эта она якобы не подпадает под действие Сан-Францисского мирного договора. Это было явно надуманное утверждение, ибо на японских картах довоенного и военного времени южнокурильские острова входили в географическое и административное понятие Тисима, то есть Курильский архипелаг.

Стремясь получить поддержку этой своей новой позиции со стороны подписавших Сан-Францисский договор ведущих государств мира, в октябре 1955 г. японское правительство обратилось к правительствам США, Великобритании и Франции с дипломатическим запросом. Руководству этих государств предлагалось ответить на вопрос: «Существует ли у вас понимание того, что в “Курильские острова”, о которых говорится в Сан-Францисском договоре, не включаются острова Кунашир и Итуруп?» Поддержку своей позиции Япония получила только от Вашингтона. Великобритания и Франция же в своих официальных ответах, по существу, отказались согласиться с ничем не обоснованным вариантом толкования Сан-Францисского мирного договора.³¹³

Выдвигая так называемый территориальный вопрос, японское правительство давало себе отчет в иллюзорности надежд на какие-либо серьезные компромиссы со стороны Советского Союза. Скорее всего, расчет был на то, чтобы использовать территориальные претензии как разменную карту для выторговывания уступок СССР по другим спорным проблемам послевоенного урегулирования. Об этом, в частности, свидетельствовала полученная Мацумото инструкция, которой он должен был придерживаться при обсуждении территориального вопроса. «Инструкция МИД № 16» предусматривала три этапа: сначала требовать передачи Японии Южного Сахалина и всех Курильских островов с расчетом на дальнейшее обсуждение; затем, несколько отступив, добиваться уступки Японии «южных Курильских островов» по «историческим причинам»; и, наконец, настаивать как минимум на передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, сделав это требование непременным условием успешного завершения переговоров.

О том, что конечной целью дипломатического торга были именно Хабомаи и Шикотан, неоднократно говорил сам японский премьер-министр. Так, во время беседы с советским представителем в январе 1955 г. Хатояма заявил, что «Япония будет настаивать во время переговоров на передаче ей островов Хабомаи и Шикотан». Ни о каких других территориях речи не было. Отвечая на упреки со стороны оппозиции, Хатояма подчеркивал, что нельзя смешивать вопрос о Хабомаи и Шикотане с вопросом обо всех Курильских островах и Южном Сахалине, который был решен Ялтинским соглашением. Премьер неоднократно давал понять, что Япония, по его мнению, не вправе требовать передачи ей всех Курил и Южного Сахалина и что он ни в коей мере не рассматривает это как непременное предварительное условие для нормализации японо-советских отношений. Хатояма признавал также, что, поскольку Япония отказалась от Курильских островов и Южного Сахалина по Сан-Францисскому договору, у нее нет оснований требовать передачи ей этих территорий.³¹⁴ Демонстрируя свое недовольство такой

³¹³ См.: Фува Тэцудзо. Указ. соч. С. 17–19.

³¹⁴ Петров Д. В. Указ. соч. С. 143–144.

позицией Токио, правительство США отказалось в марте 1955 г. принять в Вашингтоне японского министра иностранных дел. Началось беспрецедентное давление на Хатояма и его сторонников с тем, чтобы воспрепятствовать японо-советскому урегулированию. В этих условиях советское правительство стремилось сбалансировать свою твердую позицию по территориальному вопросу компромиссами и уступками по другим проблемам двусторонних отношений.

Кроме территориальной, к трудным проблемам переговоров относилась и репатриация осужденных военных преступников. Среди таких осужденных, по японским данным, находилось 1016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц. Сначала советское правительство заверило японскую сторону в том, что осужденные будут амнистированы и досрочно освобождены после восстановления дипломатических отношений двух стран. Однако японские представители на переговорах настоятельно требовали незамедлительной репатриации осужденных еще в ходе переговоров. Учитывая, что вопрос о возвращении на родину оставшихся в СССР военнопленных широко использовался Хатояма и его сторонниками для обоснования необходимости начала мирных переговоров с СССР, и исходя из соображений гуманности, советское правительство пошло навстречу японским пожеланиям. Осуществлявшаяся в ходе переговоров репатриация осужденных, по мнению советской стороны, должна была способствовать достижению договоренности по поводу других проблем и скорейшему подписанию мирного договора. Однако японцы, видимо, расценили этот жест доброй воли как уступку под давлением, а потому вознамерились «дожимать» советское руководство и по территориальному вопросу.

На переговорах в Лондоне «незримо» присутствовали американцы. Дело доходило до того, что чиновники госдепартамента заставляли руководство японского МИД знакомить их с советскими нотами, дипломатической перепиской, с докладами делегации и инструкциями Токио о тактике ведения переговоров. На это в доверительных беседах с советскими дипломатами сетовали японские переговорщики.

Советские участники переговоров сообщали из Лондона, что «С. Мацумото, члены и советники японской делегации давали понять, что территориальный вопрос, вопрос о международных обязательствах и военных союзах Японии, а также пункт проекта мирного договора о режиме прохода военных судов через японские проливы – все это были области, по которым Япония не могла принимать самостоятельных решений без согласования с США. Эти вопросы фактически были изъяты Соединенными Штатами из ведения правительства Японии».³¹⁵

Подобная «откровенность» японцев, с одной стороны, преследовала цель возложить ответственность за возможный срыв переговоров на американцев, а с другой – убедить советское правительство в том, что заключить мирный договор возможно лишь на условиях, которые будут устраивать не только японцев, но и американцев. В обстановке, когда провал переговоров еще больше оттолкнул бы Японию от СССР в сторону США, тогдашний руководитель Советского Союза Н. С. Хрущев вознамерился «организовать прорыв», предложив компромиссное решение территориального спора. Стремясь вывести переговоры из тупика, он дал указание главе советской делегации предложить вариант, по которому Москва соглашалась передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, но только после подписания мирного договора.

Сообщение о готовности советского правительства на передачу Японии находящихся поблизости от Хоккайдо островов Хабомаи и Шикотан было сделано 9 августа в неофициальной обстановке в ходе беседы Малика с Мацумото в саду японского посольства в Лондоне. При этом не менее существенным было заявление советского посла о том, что «советская сторона не ставит условием нормализации советско-японских отношений и заключения мирного договора отказ Японии от ее обязательств, вытекающих из имеющихся у нее международных

³¹⁵ Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 70.

договоров».³¹⁶ В переводе с дипломатического языка советское правительство соглашалось не связывать проблему заключения советско-японского мирного договора с союзническими отношениями Японии с США, в частности с вопросом об использовании японских проливов американскими военными кораблями.

Столь серьезное изменение советской позиции весьма удивило японцев и даже вызвало растерянность. Как признавал впоследствии глава японской делегации Мацумото, когда он впервые услышал предложение советской стороны о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, то «сначала не поверил своим ушам», а «в душе очень обрадовался».³¹⁷ И это неудивительно. Ведь, как показано выше, возврат именно этих островов ставился в задачу японскому правительству. К тому же, получая Хабомаи и Шикотан, японцы на законных основаниях расширяли свою зону рыболовства, что было весьма важной целью нормализации японо-советских отношений. Казалось, что после столь щедрой уступки переговоры должны были быстро завершиться успехом. Однако, как отмечалось выше, 16 августа Токио представил свой проект договора, 5-й пункт которого предусматривал «возвращение» Японии не только всех Курил, но и Южного Сахалина. Более того, японское правительство выдвигало претензии на некие «права» на рыболовство в районах, прилегающих к территориальным водам СССР. Было очевидно, что предъявление абсолютно неприемлемых для СССР требований было инспирировано США и преследовало цель сорвать переговоры.

То, что было выгодно японцам, не устраивало американцев. США открыто воспротивились заключению между Японией и СССР мирного договора на предложенных советской стороной условиях. Оказывая сильное давление на кабинет Хатояма, американское правительство не останавливалось перед прямыми угрозами. Госсекретарь США Джон Даллес в октябре 1955 г. в ноте правительству Японии предупреждал, что расширение экономических связей и нормализация отношений с СССР «может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой правительством США». Впоследствии он «строго-настрого наказал послу США в Японии Аллисону и его помощникам не допустить успешного завершения японо-советских переговоров».³¹⁸

Вопреки расчетам Хрущева, вывести переговоры из тупика не удалось. Линия премьер-министра Хатояма на то, чтобы «сначала прекратить состояние войны, а затем решать неурегулированные вопросы», встречала упорное сопротивление со стороны не только американцев, но и антисоветски настроенных сторонников бывшего премьера Ёсида, которые, кроме всего прочего, вознамерились превратить так называемую территориальную проблему в средство политической борьбы за власть в стране. С другой стороны, несвоевременное и недостаточно обдуманное решение Хрущева пойти на территориальные уступки Японии привело к противоположному результату. Как это бывало и раньше в российско-японских отношениях, Токио воспринял предложенный компромисс не как щедрый жест доброй воли, а как сигнал для ужесточения предъявляемых Советскому Союзу территориальных требований. Принципиальную оценку самовольных действий Хрущева дал один из членов советской делегации на лондонских переговорах С. Л. Тихвинский: «Я. А. Малик, остро переживая недовольство Хрущева медленным ходом переговоров и не посоветовавшись с остальными членами делегации, преждевременно высказал в этой беседе с Мацумото имевшуюся у делегации с самого начала переговоров утвержденную Политбюро ЦК КПСС (то есть самим Н. С. Хрущевым) запасную позицию, не исчерпав до конца на переговорах защиту основной позиции. Его заявление вызвало сперва недоумение, а затем радость и дальнейшие непомерные требования со

³¹⁶ Там же. С. 71.

³¹⁷ См. подробнее: *Мацумото Сюнгити*. Мосукува-ни какэру нидзи. Ниссо кокко кайфуку хироку (Радуга над Москвой. Секретные документы о восстановлении японо-советских отношений). Токио, 1966 (на яп. яз.).

³¹⁸ Синсо. 1956. Июль. Цит по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. С. 230.

стороны японской делегации... Решение Н. С. Хрущева отказаться в пользу Японии от суверенитета над частью Курильских островов было необдуманным, волюнтаристским актом... Уступка Японии части советской территории, на которую без разрешения Верховного Совета СССР и советского народа пошел Хрущев, разрушала международно-правовую основу ялтинских и потсдамских договоренностей и противоречила Сан-Францисскому мирному договору, в котором был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов...»³¹⁹

Свидетельством того, что японцы решили дожидаться дополнительных территориальных уступок от советского правительства, было прекращение лондонских переговоров.

---

³¹⁹ Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 73.

Фиаско Хрущева

С января начался второй этап лондонских переговоров, который из-за обструкции правительства США также не привел к какому-либо результату. 20 марта 1956 г. глава японской делегации был отозван в Токио, и, к удовлетворению американцев, переговоры практически прекратились. Посол Мацумото при отъезде, желая смягчить сложившуюся ситуацию и, возможно, объяснить свое отбытие из Лондона не столько неуступчивостью Токио, сколько давлением извне, говорил на заключительном заседании: «...Стороны имеют большие успехи, что видно из того факта, что десять статей проекта мирного договора уже полностью согласованы. Стороны почти полностью пришли к общей точке зрения и по статье о торговле и мореплавании: за исключением нескольких уточнений. В целом же и эту статью можно считать согласованной. В связи с тем, что переговоры вступили в нынешнюю стадию, он, Мацумото, получил от своего правительства указание временно выехать в Токио для доклада правительству о ходе переговоров и получения новых инструкций по их дальнейшему ведению».³²⁰ Столь вежливое и доброжелательное по форме объяснение мотивов прекращения переговоров не могло, конечно, прикрыть подлинную причину их срыва, которая состояла в невозможности для японского правительства самостоятельно, без вмешательства США, решать внешнеполитические вопросы.

Сам Мацумото остро переживал неспособность японской дипломатии действовать в интересах своей страны, а не заокеанского союзника. В своей критике японского МИД он призывал реально оценивать происшедшие в мире изменения, отбросить обветшалые стереотипы. «Те, кто не любит Советский Союз, не освободились еще от своих впечатлений о нем времен Сталина. Нынешний Советский Союз представляет собой мощную индустриальную державу, обладающую современными видами вооружения, включая водородную бомбу и реактивные самолеты. С точки зрения национальной мощи он занимает, по крайней мере, второе место в мире. Совершенно не желая считаться с этими фактами, эти люди строят свои умозаключения исходя из того, каким был Советский Союз двадцать лет назад... Я думаю, что именно здесь лежит корень всех ошибок японской дипломатии» – заявлял Мацумото.³²¹

В Москве внимательно анализировали ситуацию и своими действиями стремились подталкивать японское руководство к пониманию насущной необходимости скорейшего урегулирования отношений с Советским Союзом, даже вопреки позиции США. Вывести переговоры из тупика помогли переговоры в Москве о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана. 21 марта 1956 г. было опубликовано постановление Совета министров СССР «Об охране запасов и регулировании промысла лососевых в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Объявлялось, что в период нереста лососевых ограничивался их вылов как для советских, так и иностранных организаций и граждан. Это постановление вызвало в Японии переполох. В отсутствие дипломатических отношений с СССР было весьма трудно получать установленные советской стороной лицензии на лов лососевых и согласовывать объемы вылова. Влиятельные рыбопромышленные круги страны требовали от правительства скорейшего разрешения возникшей проблемы, а именно до окончания путины. Не полагаясь на правительство, владельцы некоторых рыболовецких компаний стремились самостоятельно вступать в контакты с советскими представителями для достижения договоренности по условиям лова. Многие из них активно включились в движение общественности за скорейшее урегулирование отношений с Советским Союзом, в том числе в области рыболовства. Состоявшийся в апреле все-японский съезд рыбаков принял специальную

---

³²⁰ Тихвинский С. Л. Указ. соч. С. 77.

³²¹ Петров Д. В. Указ. соч. С. 159.

резолюцию с требованием скорейшего восстановления отношений с СССР и заключения конвенции по рыболовству.

В те годы в рыболовной отрасли было занято около 1 млн японцев. К тому же из-за введенных США и Канадой запретных для лова зон в открытом море именно северо-западная часть Тихого океана стала основным районом труда японских рыбаков. Опасаясь роста недовольства в стране затягиванием вопроса о восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений с СССР, японское правительство в конце апреля срочно направило в Москву министра сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства Итиро Коно, которому надлежало на переговорах с советским правительством добиться понимания возникших для Японии трудностей. В Москве Коно вел переговоры с первыми лицами государства и занимал конструктивную позицию, что позволило довольно быстро прийти к согласию. 14 мая была подписана двусторонняя Конвенция о рыболовстве и Соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море. Однако документы вступали в силу лишь в день восстановления дипломатических отношений. Это потребовало от японского правительства решения о скорейшем возобновлении переговоров о заключении мирного договора. Коно по своей инициативе предложил советским руководителям вернуться делегациям двух стран за стол переговоров.

Новый раунд переговоров проходил в Москве. Японскую делегацию возглавил министр иностранных дел Сигэмицу, который вновь стал убеждать собеседников в «жизненной необходимости для Японии» островов Кунашир и Итуруп. Однако советская сторона твердо отказалась вести переговоры по поводу этих территорий. Так как эскалация напряженности на переговорах могла привести к отказу советского правительства и от ранее сделанного обещания по поводу Хабомаи и Шикотана, Сигэмицу стал склоняться к прекращению бесплодной дискуссии и подписанию мирного договора на предложенных Хрущевым условиях. 12 августа министр сообщил в Токио, что «переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Все, что можно было сделать, – сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам Хабомаи и Сикотана будет поставлен под сомнение».³²²

И вновь грубо вмешались американцы. В конце августа, не скрывая своего намерения сорвать советско-японские переговоры, госсекретарь США Даллес пригрозил японскому правительству, что в случае, если по мирному договору с СССР Япония согласится признать советскими Кунашир и Итуруп, США навечно сохранят за собой остров Окинаву и весь архипелаг Рюкю. Для того чтобы поощрить японское правительство продолжать выдвижение неприемлемых для Советского Союза требований, США пошли на прямое нарушение Ялтинского соглашения. 7 сентября 1956 г. Госдепартамент направил правительству Японии меморандум, в котором заявил, что США не признают никакого решения, подтверждающего суверенитет СССР над территориями, от которых Япония отказалась по мирному договору. Играя на националистических чувствах японцев и пытаясь представить себя чуть ли не защитниками государственных интересов Японии, чиновники Госдепартамента США изобрели следующую формулировку: «Правительство США пришло к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с островами Хабомаи и Шикотан, которые являются частью Хоккайдо), всегда были частью Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии». Далее в ноте говорилось: «США рассматривали Ялтинское соглашение просто как декларацию об общих целях стран – участниц Ялтинского совещания, а не как имеющее законную силу окончательное решение этих держав по территориальным вопросам».³²³ Смысл этой «новой» позиции США состоял и в том, что Сан-Францисский договор якобы оставил открытым тер-

³²² СССР и Япония. М., 1987. С. 287.

³²³ The Japan Times. 8.IX.1956.

риториальный вопрос, «не определив принадлежность территорий, от которых Япония отказалась». Тем самым под сомнение ставились права СССР не только на Южные Курилы, но и на Южный Сахалин и все Курильские острова. Это было прямое нарушение Ялтинского соглашения. Столь беспринципное поведение Госдепартамента США было продиктовано стремлением во что бы то ни стало не допустить нормализации и последующего развития японо-советских отношений, сохранить Японию в качестве «бастиона антикоммунизма на Дальнем Востоке».

Открытое вмешательство США в ход переговоров Японии с Советским Союзом, попытки угроз и шантажа японского правительства вызвали решительные протесты как оппозиционных сил страны, так и ведущих средств массовой информации. При этом критика звучала не только в адрес США, но и собственного политического руководства, которое безропотно следует указаниям Вашингтона. Однако зависимость, в первую очередь экономическая, от США была настолько велика, что японскому правительству было весьма трудно идти наперекор американцам. Тогда всю ответственность взял на себя премьер-министр Хатояма, который считал, что японо-советские отношения могут быть урегулированы на основе заключения мирного договора с последующим решением территориального вопроса. Несмотря на болезнь, он решил отправиться в Москву и подписать документ о нормализации японо-советских отношений. Для того чтобы успокоить своих политических оппонентов по правящей партии, Хатояма пообещал после выполнения своей миссии в СССР оставить пост премьер-министра. 11 сентября Хатояма направил на имя Председателя Совета министров СССР письмо, в котором заявил о готовности продолжить переговоры о нормализации отношений с условием, что территориальный вопрос будет обсужден позднее. 2 октября 1956 г. кабинет министров санкционировал поездку в Москву японской правительственной делегации во главе с премьер-министром Хатояма. В делегацию были включены И. Коно и С. Мацумото.

И все же жесткое давление со стороны США и антисоветских кругов в Японии не позволили добиться поставленной цели – заключить полномасштабный советско-японский мирный договор. К удовлетворению Госдепартамента США, правительство Японии ради прекращения состояния войны и восстановления дипломатических отношений с СССР согласилось подписать не договор, а советско-японскую совместную декларацию. Это решение было для обеих сторон вынужденным, ибо японские политики, оглядываясь на США, до последнего настаивали на передаче Японии, кроме Хабомаи и Шикотана, еще и Кунашира и Итурупа, а советское правительство решительно отвергало эти притязания. Об этом свидетельствуют, в частности, интенсивные переговоры Хрущева с министром Коно, которые продолжались буквально до дня подписания декларации.

Как уже отмечалось, предложение о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан было сделано по личному указанию Хрущева, который, однако, считал это «большой уступкой» Японии со стороны СССР. В ходе состоявшихся 16, 17 и 18 октября 1956 г. бесед Хрущева с прибывшим в составе японской делегации министром сельского и лесного хозяйства Коно выяснилось, что японская сторона желала получить острова Хабомаи и Шикотан «немедленно, не связывая это с другими вопросами». То есть речь шла о том, чтобы СССР возвратил эти два острова безотносительно к вопросу о заключении мирного договора, а затем стороны обсуждали бы проблему принадлежности других Курильских островов. Хрущев же считал, что «передача Хабомаи и Шикотана представляет собой окончательное решение территориального вопроса». При этом он решительно отверг попытки выторговать у СССР другие территории. Хрущев заявил Коно 16 октября: «Японская сторона хочет получить Хабомаи и Шикотан без заключения мирного договора и решить впоследствии какие-то другие, не известные нам, территориальные вопросы, которых в действительности не существует. Советское правительство хочет как можно скорее договориться с Японией, и оно не использует территориальный вопрос для торга. Но я должен еще раз совершенно определенно и категорически заявить, что никаких претензий Японии по территориальному вопросу, кроме Хабомаи и Шикотана, мы принимать

не будем и отказываемся обсуждать какие бы то ни было предложения в этом отношении... Мы не можем и не пойдем ни на какие дальнейшие уступки. Хабомаи и Шикотан можно было бы передать Японии по мирному договору, но с передачей указанных островов территориальный вопрос целиком и полностью следует считать разрешенным».

Хрущев не скрывал своего намерения использовать нормализацию советско-японских отношений для внесения разногласий между Токио и Вашингтоном, в частности по территориальному вопросу, и по возможности для ослабления американского влияния на политику Японии. С этой целью он настаивал на том, чтобы передача островов Хабомаи и Шикотан «последовала после заключения мирного договора и после того, как США передадут Японии Окинава и другие исконно японские территории, которые захвачены США». Советский лидер убеждал собеседника: «Г-н Коно должен понять, что наше предложение дает фактическое и юридическое право Японии вести борьбу за возвращение Окинава и других территорий. Я знаю, что в Японии есть проамериканская группа, которая недовольна нашими переговорами, но с этим можно и не считаться. Главное заключается в том, что в итоге решения вопроса по нашему варианту Япония получит возможность оказать сильное давление на США. Имейте в виду, что без борьбы вам не вернуть ваших территорий, находящихся в руках американцев».

Отвечая на вопрос Коно, «согласно ли Советское правительство вернуть нам Кунашир и Итуруп, если Соединенные Штаты уйдут с Окинавы», Хрущев заявил: «Кунашир и Итуруп здесь совершенно ни при чем, вопрос о них давно решен. Экономически эти территории не имеют никакого значения. Наоборот, они нам приносят сплошной убыток и ложатся тяжелым бременем на бюджет. Но тут играют решающую роль соображения престижа страны, а также стратегическая сторона дела». Разгадав намерение Хрущева разыграть «американскую карту» и опасаясь бурной реакции США, Коно высказал настоятельную просьбу удалить из представленного советской стороной проекта соглашения упоминание о передаче Соединенными Штатами Японии островов Окинава. В конце концов Хрущев был вынужден с этим согласиться.

На беседе с Хрущевым 18 октября Коно предложил следующий вариант соглашения: «Япония и СССР согласились на продолжение после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении Мирного Договора, включающего территориальный вопрос».

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, согласился передать Японии острова Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Японией и СССР». Хрущев заявил, что советская сторона в общем согласна с предложенным вариантом, но просит исключить выражение «включающего территориальный вопрос». Как бы в качестве компенсации он сообщил о согласии снять ту часть советского проекта, где говорилось о передаче Японии Окинавы и других территорий. Просьбу снять упоминание «территориального вопроса» Хрущев объяснил следующим образом: «...Если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Шикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к криво толкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать».³²⁴ Хотя Хрущев называл свою просьбу «замечанием чисто редакционного характера», в действительности речь шла о принципиальном вопросе, а именно о фактическом согласии Японии с тем, что территориальная проблема будет ограничена вопросом о принадлежности только островов Хабомаи и Шикотан. На следующий день, 18 октября, Коно сообщил Хрущеву: «После консультации с премьер-министром И. Хатояма мы решили принять предложение г-на Хрущева об исключении слов “включающего территориальный вопрос”». В результате переговоров 19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Союза Советских Социалистических

³²⁴ Источник. 1996. № 6 (25). С. 116–121.

Республик и Японии, в 9-м пункте которой СССР соглашался на «передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Одновременно с Совместной декларацией был подписан протокол, в котором устанавливалось, что до заключения договоров или соглашений, предусмотренных статьёй 7 декларации (отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения), обе стороны приложат все возможные усилия с целью развития торговли между обоими государствами, для чего предоставят друг другу режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных формальностей, а также в отношении судов каждой из договаривающихся сторон в портах. Тем самым закладывалась основа будущего торгового договора и значительного расширения торгово-экономического сотрудничества двух соседних народов. 27 ноября Совместная декларация единогласно была ратифицирована палатой представителей японского парламента, а 2 декабря – при трех «против» – палатой советников. 8 декабря ратификацию Совместной декларации и других документов утвердил император Японии. В тот же день она была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР. Затем 12 декабря 1956 г. в Токио состоялась церемония обмена грамотами, что означало вступление Совместной декларации и прилагаемого к ней протокола в силу.

После ратификации Совместной декларации из Москвы в Сахалинскую область были направлены разъяснения по поводу предстоящей, как тогда считалось, передачи островов Хабомаи и Шикотан под японскую юрисдикцию. Одновременно подтверждалась линия на хозяйственное развитие остальных островов Курильской гряды. Это свидетельствовало о готовности тогдашнего советского правительства выполнить достигнутые договоренности. Однако США в ультимативной форме потребовали от Японии отказаться от заключения советско-японского мирного договора на условиях Совместной декларации. После отставки кабинета Хатояма новый кабинет министров Японии возглавил Тандзан Исибаси, а спустя три месяца его сменил проамерикански настроенный Нобусукэ Киси (дед нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ). Хотя сначала Киси заявлял в парламенте о намерении заключить мирный договор с СССР, затем, уступая давлению США, стал уходить от переговоров по этому вопросу. Для «обоснования» такой позиции вновь были выдвинуты требования вернуть Японии четыре южно-курильских острова. Это был явный отход от положений Совместной декларации. Советское же правительство действовало в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями. СССР отказался от получения репараций с Японии, согласился досрочно освободить отбывавших наказание японских военных преступников, поддерживал просьбу Японии о приеме в ООН.

В соответствии с условиями Совместной декларации 6 декабря 1957 г. был подписан советско-японский торговый договор и соглашения о товарообороте и платежах. Следует отметить, что это был первый за всю историю советско-японских отношений документ такого рода. Он представлял каждой из сторон режим наиболее благоприятствуемой нации. Срок договора был определен в пять лет.

Результат не замедлил сказаться – в 1958 г. общая сумма товарооборота между двумя странами составила 40 млн долл.: вдвое больше, чем в 1957 г. В следующем 1959 г. товарооборот составил уже 63 млн долл., превысив показатели предыдущего года в полтора раза. Важное значение для дальнейшего торгово-экономического сотрудничества имел визит летом 1961 г. в Японию первого заместителя Председателя Совета министров СССР А. И. Микояна. Затем СССР посетила делегация представителей крупнейших японских компаний во главе с президентом машиностроительного концерна «Комацу сэйсакудзё» И. Каваи. Эти визиты во многом способствовали заключению впоследствии соглашения о товарообороте и платежах на

1963–1965 гг., предусматривавшего увеличение объема японо-советской торговли за три года до 700 млн рублей. Новой формой сотрудничества стала так называемая прибрежная торговля, открывшая прямой обмен товарами между портами советского Дальнего Востока и западного побережья Японии.³²⁵

Результаты торгово-экономического и культурного сотрудничества двух соседних народов могли быть еще более впечатляющими, если бы не сознательное противодействие японских и заокеанских противников советско-японского добрососедства. Достаточно сказать об obstructии антисоветских сил заключению между двумя странами культурного соглашения, с предложением подписания которого выступило советское правительство в июне 1958 г. В этом вопросе также проявилось давление Вашингтона, не заинтересованного в знакомстве японцев с подлинным образом Советского Союза и его народа. Вскрывая подоплеку отказа своего правительства подписывать соглашение, японские газеты писали, что «аппарат министерства иностранных дел крайне пассивно относится к вопросу о заключении культурного соглашения, считая, что развитие связей с СССР в области культуры может принести социальный вред», «если бы Япония пошла на заключение культурного соглашения с СССР, то она навлекла бы на себя недоверие со стороны стран свободного мира» (читай – США. – *Примеч. авт.*)». ³²⁶

Весьма негативное воздействие на двусторонние политические отношения оказывал курс кабинета Киси, ориентированный на дальнейшее вовлечение Японии в военную стратегию США на Дальнем Востоке. Заключение в 1960 г. направленного против СССР и Китайской Народной Республики нового японо-американского Договора безопасности еще более осложнило разрешение вопроса о линии прохождения границы между Японией и СССР, ибо в сложившейся военно-политической обстановке холодной войны любые территориальные уступки Японии способствовали бы расширению территории, используемой иностранными войсками. К тому же укрепление военного сотрудничества Японии с США было весьма болезненно воспринято лично Хрущевым. Он был возмущен действиями Токио, расценил их как оскорбление, неуважение его усилий, направленных на нахождение компромисса по территориальному вопросу. Провалился и план Хрущева по «отрыву» Японии от США.

Реакция советского лидера на происходящие события была бурной. По его распоряжению МИД СССР 27 января 1960 г. направил правительству Японии памятную записку, в которой указал, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года». На это Токио ответил: «Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений Совместной декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и о-ва Шикотан, но также и других исконных японских территорий». Отношение японской стороны к Совместной декларации 1956 г. сводится к следующему:

«В ходе переговоров о заключении мирного договора между Японией и Советским Союзом в октябре 1956 года высшие руководители обоих государств подписали Совместную декларацию Японии и СССР, по которой стороны договорились продолжить переговоры о мирном договоре и нормализовали межгосударственные отношения. Несмотря на то что в результате этих переговоров Советский Союз согласился “передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан”, на возвращение острова Кунашир и острова Итуруп согласия СССР получено не было.

³²⁵ См. подробнее: *Петров Д. В.* Указ. соч. С. 300–305.

³²⁶ Майнити симбун. 13.X.1961.

Совместная декларация Японии и Советского Союза 1956 года представляет собой важный дипломатический документ, который был ратифицирован парламентами каждого из этих государств. Этот документ равен по своей юридической силе договору. Она не является документом, содержание которого можно было бы изменить только одним уведомлением. В Совместной декларации Японии и СССР было ясно записано, что Советский Союз “соглашается передать Японии группу островов Хабомаи и остров Шикотан”, и эта передача не сопровождалась никакими условиями, которые бы представляли собой оговорку...»³²⁷

С подобной трактовкой смысла Совместной декларации можно было бы согласиться, если бы не одно важное «но». Японская сторона не желает признавать очевидное – указанные острова по соглашению могли стать объектом передачи только после заключения мирного договора... И это являлось главным и неперемнным условием передачи. В Японии же почему-то «посчитали», что вопрос о Хабомаи и Шикотане уже решен, а для подписания мирного договора якобы надо решить еще и вопрос о Кунашире и Итуруп, на передачу которых советское правительство никогда не соглашалось. Именно такая, противоречащая содержанию Совместной декларации позиция и является новым дополнительным условием Токио, о недопустимости которых заявляет сама японская сторона. Эта позиция была изобретена в 50–60-е гг. теми силами, которые задались целью, выдвигая заведомо неприемлемые для Москвы условия, на долгие годы заблокировать процесс заключения японо-советского мирного договора.

Для оправдания своего нежелания окончательно урегулировать двусторонние отношения японское правительство поощряло нагнетание в стране антисоветских настроений, открыто обвиняло СССР в «захвате исконно японских земель». Из средств государственного бюджета и «пожертвований» крупного бизнеса формировался фонд для финансирования шумной кампании «за возвращение северных территорий», под которыми понимались находящиеся в составе Советского Союза южнокурильские острова – Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Началась «картографическая агрессия» – на всех географических картах Японии, включая школьные, эти острова, а подчас и все Курилы стали закрашиваться в цвет японской территории. При этом Южный Сахалин оставался незакрашенным как якобы «спорная территория». О том, что претензии на южнокурильские острова – лишь первый шаг, свидетельствовало опубликованное в октябре 1961 г. так называемое «единое мнение» правящей Либерально-демократической партии. В этом документе утверждалось, что «острова Хабомаи и Шикотан являются частью Хоккайдо», острова Кунашир и Итуруп принадлежат Японии, а «вопрос о Южном Сахалине и Северных Курильских островах должна решать международная конференция заинтересованных стран».

Характеризуя избранную официальным Токио политику в отношении СССР, профессор Калифорнийского университета, этнический японец Цуёси Хасэгава отмечает: «Изменения, которые наступили в годы холодной войны, произошли не в советско-японских отношениях, они произошли в отношениях США и СССР, когда союзники в годы войны стали врагами, а США и Япония, которые были врагами во время войны, стали союзниками... Цель США состояла в том, чтобы вовлечь Японию в свою глобальную стратегию... США стремились избежать антиамериканизма и национализма... Проблема северных территорий позволила встроить Японию в глобальную стратегию США и, отводя японский национализм от себя, направить его против Советского Союза... Фактически после восстановления дипломатических отношений с Москвой можно сказать, что у Токио не было внешней политики на советском направлении – только “политика северных территорий”... Проблема северных территорий выполняла роль клапана для сглаживания пара в международных отношениях на Дальнем Востоке. С этой точки зрения было важно, чтобы территориальный спор оставался нерешенным. Отсюда

³²⁷ Вехи на пути... С. 83.

жесткая позиция Японии с требованиями немедленного возвращения всех островов и отказ обсуждать предложения о передаче части территорий».³²⁸

Политический курс на нагнетание недружественных настроений в отношении СССР путем эксплуатации искусственно созданной «проблемы северных территорий» во многом определил последующие политические отношения двух государств. Однако заблокировать контакты двух народов-соседей не удалось – расширение связей и объективной информации друг о друге способствовало ослаблению антисоветских предрассудков, росту взаимного интереса к достижениям в области науки, техники, культуры. Расширился межпартийный, профсоюзный, молодежный обмен, связи по линии обществ дружбы, научных и учебных коллективов. В годы начавшейся разрядки международной напряженности советская и японская общественность находились в первых рядах борцов за недопущение новой мировой войны, прекращение локальных вооруженных конфликтов, ядерное разоружение.

---

³²⁸ См.: *Хасэгава Цуёси*. «Хоппо рёдо» то сэнсо 50 нэн («Северные территории» и 50 лет после войны). Тюо корон. 1995. Октябрь. С. 162–180.

Глава седьмая. На исходе холодной войны

Япония как «непотопляемый авианосец» США

Несмотря на укрепление и расширение военного союза с США, в 60–70-е гг. японское правительство считало важным развивать контакты и с соседним Советским Союзом. Увеличивалась двусторонняя внешняя торговля, заключались соглашения об экономическом сотрудничестве, между Москвой и Токио было открыто регулярное авиасообщение.

Важной вехой в развитии советско-японских отношений стал состоявшийся в октябре 1973 г. официальный визит в СССР премьер-министра Японии Какуэй Танака. В ходе переговоров на высшем уровне было выражено обоюдное удовлетворение по поводу того, что с момента восстановления дипломатических отношений на основе Совместной декларации 1956 г. советско-японские отношения получили благоприятное развитие, в частности, значительно продвинулись в политической, экономической и культурной областях. Стороны подтвердили свое намерение прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между СССР и Японией. Как отмечалось в Совместном советско-японском заявлении, подписанном 10 октября, «сознавая, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времени мировой войны, и заключение мирного договора внесут вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами, стороны провели переговоры по вопросам, касающимся содержания мирного договора». Была достигнута договоренность продолжить переговоры о заключении мирного договора. При этом стороны выступили за то, чтобы разрешение двусторонних проблем проходило в обстановке «взаимного понимания и доверия».

Серьезное внимание в ходе переговоров в Москве было уделено расширению экономических связей между Советским Союзом и Японией. Сторонами признавалось желательным осуществление экономического сотрудничества между обеими странами в возможно более широких областях на основе принципов взаимной выгоды и равенства. Было достигнуто единство мнений о необходимости форсировать сотрудничество в экономической области, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири. При этом подчеркивалось, что развитие деловых отношений между Советским Союзом и Японией не направлено против каких-либо других государств, не преследует цель нанести ущерб каким-либо интересам последних, а, напротив, при добросовестном выполнении достигнутых договоренностей может быть одним из примеров сотрудничества стран с различным общественно-политическим строем.

Однако позитивные изменения в советско-японских отношениях не устраивали представителей тех политических кругов Японии, которые солидаризировались с глобальной политикой США и сделавших в середине 70-х гг. ставку на возврат к холодной войне, отказ от рядки в пользу противоборства и конфронтации. Для обоснования своего нежелания строить с СССР отношения на основе мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества вновь был поднят «территориальный вопрос». Параллельно разыгрывалась «китайская карта». Негативное влияние на советско-японские отношения оказало включение в подписанный в августе 1978 г. японо-китайский договор о мире и дружбе положения, направленного против СССР, положения о «противодействии усилиям любой третьей страны (или группы стран) установить гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Соглашаясь с подобной формулировкой, японское правительство рассчитывало оказать давление на Советский Союз с тем, чтобы вынудить его на территориальные и иные уступки ради недопущения объединения Японии с Китаем в «едином антисоветском блоке». Тогда Москва вынуждена была заявить в ООН о своей озабоченности проявлением в японской политике «настораживающих тенденций».

Начало 80-х гг. было отмечено дальнейшим ухудшением советско-японских отношений. Задавшись целью укрепить глобальные позиции в противоборстве с лагерем социализма, администрация США потребовала от своего дальневосточного союзника ужесточения политики в отношении Москвы. Поводом для развертывания широкомасштабного наступления на СССР был использован ввод в Афганистан контингента советских войск.

29 декабря 1979 г. министр иностранных дел Японии С. Окита выступил с заявлением о поддержке линии Вашингтона на свертывание процесса разрядки, начало очередного витка гонки вооружений. МИД Японии подготовил секретный доклад, в котором формулировалась задача добиваться «согласования позиций Западной Европы, США и Японии в отношении СССР». Было заявлено, что Япония должна присоединиться к санкциям в отношении Советского Союза, наращивать свои вооруженные силы в целях более равномерного распределения «бремени обороны» западного мира.³²⁹ Было объявлено об «общности судеб» Японии и США, повышении роли Японии в глобальной военной стратегии США. Для обоснования этого курса была развернута массированная пропагандистская кампания вокруг надуманного тезиса о «возрастании советской угрозы». Японцев убеждали, что «Афганистан – это лишь одна из жертв советского экспансионизма», в числе которых может оказаться и Япония. Солидаризируясь с администрацией США, японское правительство сократило политические контакты с СССР, приняло решение о торможении развития экономического сотрудничества, сдерживания культурных и туристических связей. Следуя за США, Япония отказалась от участия в Московской Олимпиаде 1980 г.

В безапелляционной форме были отвергнуты предложения советского правительства о заключении Договора о добрососедстве и сотрудничестве. При этом депутаты от правящей Либерально-демократической партии Японии договаривались до того, что представляли предложенный советской стороной проект такого договора как ...«первый шаг к захвату Японии».³³⁰

Один из японских советологов Х. Кимура признавал: «Если бы даже не произошли афганские события, то все равно рано или поздно японо-советские отношения зашли бы в тупик, ибо позиции Японии и СССР, как и прежде, коренным образом отличались: СССР требовал заключения “Советско-японского договора о добрососедстве и сотрудничестве” без включения в него положений по территориальной проблеме, а для Японии смысл имели лишь переговоры о заключении “мирного договора” при условии возвращения четырех северных островов... Тот факт, что сам Афганистан, заключивший именно Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве с Советским Союзом, оказался объектом военной интервенции со стороны СССР, содействовал укреплению решимости Японии окончательно отказаться от заключения “Советско-японского договора о добрососедстве и сотрудничестве”... В этом смысле афганские события стали для японского правительства как бы спасительным священным ветром “Камикадзэ”».³³¹ Иными словами, афганские события были использованы как удобный повод для осуществления ранее спланированного курса на ужесточение позиции в отношении СССР, развертывания широкого пропагандистского наступления, направленного на дискредитацию советских мирных инициатив.

С этой целью Японией было использовано также обострение внутривнутриполитической обстановки в Польше. Японские средства массовой информации заполнялись материалами, «предсказывавшими» скорое военное вторжение СССР в это государство. Различные японские организации при поощрении правительства открыто оказывали моральную и материаль-

³²⁹ Нихон кэйдзай симбун. 1982. 17 авг.

³³⁰ Накаяма М. Вакариясуи сорэн си. Кёи-но кэнсё (Популярная история Советского Союза. Подтверждение угрозы). Токио, 1982. С. 274.

³³¹ Кимура Х. Курильская проблема. История японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996. С. 147–148.

ную помощь антикоммунистическому профсоюзному объединению «Солидарность». Все это добавляло напряженности в советско-японские отношения.

Одновременно для мобилизации японского населения в поддержку курса на нагнетание антисоветских настроений была активизирована кампания «за возвращение северных территорий». Эта пропагандистская кампания, нацеленная на переход к Японии южнокурильских островов, после официального учреждения в стране в 1981 г. «дня северных территорий – 7 февраля» приобрела характер государственной. Цель «дня северных территорий» состояла в том, чтобы «вплоть до окончательного возвращения Японии Северных территорий проводить в этот день специальные мероприятия, направленные на то, чтобы подтвердить свою решимость добиваться возвращения Северных территорий».³³² Одновременно во всех префектурах Японии были созданы «Префектуральные советы по вопросам возвращения северных территорий», участились поездки для «осмотра северных территорий» членами кабинета министров и даже премьер-министром Японии.

Столь явно провокационные действия официального Токио вызвали решительный протест советского правительства. 16 февраля 1981 г. в заявлении МИД СССР обращалось внимание правительства Японии на то, что кампания территориальных притязаний к Советскому Союзу «в последнее время приобретает граничащий с враждебностью в отношении нашей страны характер» и что такие шаги японского правительства могут квалифицироваться лишь как сознательно направленные на ухудшение советско-японских отношений».³³³ Председатель Совета министров СССР Н. Тихонов со всей определенностью сказал: «Мы неоднократно, в том числе на самом высоком уровне, заявляли, что в наших отношениях нет такой темы, как якобы нерешенный «территориальный вопрос»... Утверждать же, что Советский Союз признал существование «территориального вопроса», – значит преднамеренно извращать нашу позицию и вводить в заблуждение общественность Японии. Такие действия японской стороны отнюдь не приближают перспективу достижения договоренности по мирному договору».³³⁴

В связи с этим следует отметить, что правительство СССР не отказывалось продолжить переговоры о заключении между двумя странами мирного договора. Так, в 1977 г. Л. Брежнев отмечал: «В совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. была зафиксирована договоренность продолжить переговоры о заключении мирного договора. Советский Союз готов, если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело до конца. При трезвом подходе японской стороны к реальностям, сложившимся в итоге Второй мировой войны, это можно было бы сделать – и сделать быстро».³³⁵ Это было и ответом на утверждения японской стороны о якобы «признании» Брежневым существования «нерешенной территориальной проблемы». Отвергая подобное толкование Совместного заявления 1973 г., советская сторона определяла его как «одностороннее и неверное».

Таким образом, в первой половине 80-х годов позиция правительства СССР состояла в том, что в советско-японских отношениях отсутствует какая-либо «нерешенная территориальная проблема». Поэтому задачей-минимум японского правительства являлось побудить советское руководство, по крайней мере, признать существование территориального вопроса и дать согласие на его обсуждение. С этой целью в Японии был провозглашен принцип «нераздельности политики и экономики», согласно которому развитие японо-советских экономических отношений ставилось в прямую зависимость от «разрешения территориального вопроса». Увязка бизнеса с политикой привела к застою в двусторонних отношениях.

³³² Кимура Х. Курильская проблема. История японо-российских переговоров по пограничным вопросам. Киев, 1996. С. 150.

³³³ Цит. по: Латышев И. А. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992. С. 50.

³³⁴ Правда. 1982. 17 февр.

³³⁵ Правда. 1977. 7 апр.

С другой стороны, американцы стали открыто требовать от Японии расширения рамок военного союза с США, укрепления японских вооруженных сил. Родилась идея создания военно-политического альянса, объединяющего США, Западную Европу и Японию с целью «блокирования» СССР. Вынашивавшие замыслы приведения военной мощи страны в соответствие с мощью экономической правые силы Японии с энтузиазмом восприняли такую перспективу. Для подведения под нее идейно-политической основы была дана команда всячески раздувать миф о якобы усиливающейся «советской военной угрозе». Характеризуя эту политику, профессор Калифорнийского университета этнический японец Цуёси Хасэгава отмечал: «...Когда Японии потребовалось увеличить свою военную мощь, приведя ее в соответствие со статусом экономической державы, “советская угроза” была избрана в качестве удобного повода осуществить это без риска раскола общественного мнения... Ухудшение отношений с СССР соответствовало японским национальным интересам. Японцы самостоятельно выбрали эту стратегию».³³⁶

Тем не менее советские руководители не прекращали усилий, направленных на то, чтобы все же попытаться «оторвать» Японию от США, побудить ее к проведению более самостоятельной внешней политики, в том числе, конечно, и на советском направлении. Они предлагали японскому правительству разработать совместно меры доверия, заключить конвенцию о взаимном ненападении и неприменении силы, создать в Азиатско-Тихоокеанском регионе систему коллективной безопасности. Москва выражала готовность гарантировать неприменение ядерного оружия против Японии при сохранении «трех неядерных принципов» – не производить, не приобретать и не размещать на своей территории ядерное вооружение.

Однако японское правительство, игнорируя мирные инициативы СССР, солидаризировалось с курсом администрации Р. Рейгана, поставившей цель экономически измотать Советский Союз путем раскручивания очередного витка гонки вооружений. Японский премьер поддерживал ядерную стратегию Рейгана и одобрил размещение новых американских ракет в Западной Европе. Тем самым Япония впервые за послевоенный период высказалась за важнейшее решение, касающееся Европы и прямо направленное против СССР. При этом японское правительство призвало США действовать с «глобальных позиций», что означало попытку найти предлог для размещения американских ядерных ракет не только в Западной Европе, но и в Азии.³³⁷

Избранный японскими правящими кругами курс был чреват подрывом всей системы советско-японских отношений, созданной усилиями двух стран в послевоенный период. Это вынудило советское правительство выступить 4 февраля 1983 г. со специальным заявлением, в котором подчеркивалось, что соседние с Японией государства не могут не сделать соответствующих выводов из фактов резкого усиления милитаристских тенденций в политике японского правительства и будут вынуждены принять соответствующие меры для обеспечения своей безопасности.

В то же время правительство СССР стремилось не допустить сокращения объема торговли между двумя странами. В феврале 1983 г. в Москве была проведена советско-японская встреча по торговле и экономическому сотрудничеству, в которой приняла участие влиятельная и многочисленная (более 250 человек) делегация во главе с президентом Торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано. Хотя стороны выразили заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества, добиться существенных конкретных результатов не удалось. В 1983 г. товарооборот между двумя странами сократился по сравнению с 1982 г. на 18,5 % – с 3,7 млрд до 3 млрд рублей, а в 1984 г. он составил 2,9 млрд рублей.³³⁸ Экспорт промышленного

³³⁶ Хасэгава Ц. «Хоппо рёдо» то сэнсо 50 нэн («Северные территории» и 50 лет после войны) // «Тюо корон». 1995, октябрь. С.179.

³³⁷ Кутаков Л. Н. Москва – Токио. Очерки дипломатических отношений 1956–1986. М., 1988. С. 177–178.

³³⁸ Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2. С. 16.

оборудования из Японии в СССР упал на 25,6 %. В результате Япония, занимавшая в 70-е гг. второе место в торговле СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами, оказалась на пятом.

К позитивным моментам можно отнести лишь сотрудничество в традиционной и весьма важной для обеих стран области рыболовства. После введения в мире 200-мильных экономических зон межправительственный переговорный процесс по вопросам рыболовства в 80-е гг. приобрел еще большее значение и, можно сказать, стал основным и наиболее стабильным во всем комплексе советско-японских отношений. Ежегодно стали проводиться межправительственные переговоры о взаимном промысле в 200-мильных зонах и японском промысле лососевых в северо-западной части Тихого океана. Существенное значение имело то, что в 1980–1984 гг. расширилось сотрудничество в области рыболовства не только на правительственном уровне, но и на уровне частных фирм и организаций. Появилась новая форма двустороннего сотрудничества в виде совместных экспедиций по промыслу рыбы и морепродуктов в 200-мильной экономической зоне СССР.

В 1981–1986 гг. советское правительство в ответ на обращения японских рыбаков, которые были поддержаны депутатами японского парламента, дало разрешение продолжить добычу морской капусты (комбу) в районе острова Сигнальный (Южные Курилы). Партнером Министерства рыбного хозяйства СССР выступила Хоккайдская ассоциация рыбопромышленников, которая соглашалась, что «японские рыбаки, занимающиеся промыслом морской капусты... должны соблюдать законы, постановления и правила Союза Советских Социалистических Республик, действующие в этом районе, а также положения настоящего Соглашения». Все это способствовало улучшению на острове Хоккайдо политического климата в пользу японо-советского сотрудничества.

Весьма негативное влияние на советско-японские отношения оказал происшедший 1 сентября 1983 г. инцидент, в результате которого в воздушном пространстве СССР средствами советских ПВО был сбит южнокорейский пассажирский лайнер. Хотя существует немало свидетельств тому, что этот самолет совершал разведывательный полет и его пилоты сознательно вторглись на 500 км вглубь Советского Союза, в США и Японии всю вину возложили на советскую сторону. Последовали новые «санкции», дело дошло даже до прекращения авиационного сообщения между Японией и СССР. В Японии отношение к северному соседу приобрело не только антисоветский, но уже и антирусский характер.

Военная составляющая антисоветского курса Японии наиболее ярко проявилась в 1983 г. Японский премьер-министр Я. Накасонэ во время своего первого официального визита в США со всей определенностью заявил, что в концепцию японо-американского союза безусловно входит и военный союз. При этом подчеркивалось, что «Япония и США стали полноправными членами одной команды». Накасонэ назвал свою страну «непотопляемым авианосцем» и объявил о намерении «блокировать три пролива». Было обещано обеспечить минирование международных проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, с тем чтобы, как заявил Накасонэ, «по ним не могли пройти советские подводные лодки и другие корабли». На японо-американской встрече «было достигнуто согласие о проведении жесткого курса в отношении Советского Союза». По окончании совещания японская сторона заявила, что «правительство Японии готово к охлаждению отношений с СССР». И это были отнюдь не конъюнктурные заявления.

Еще в 1978 г. в официальном японском документе «Белая книга по вопросам обороны» Советский Союз был назван гипотетическим противником Японии, а в ежегоднике МИД Японии («Голубая книга») за 1979 г. подчеркивалась «потенциальная советская угроза».³³⁹ В программе развёртывания вооруженных сил Японии намечалось создание к 1987 г. крупной

³³⁹ Иомиури.1980. 20 авг.

армии, которая должна быть готовой к ведению всех видов боевых действий, включая применение ядерного оружия.³⁴⁰

Объявление новой «доктрины Накасонэ» означало дальнейшее повышение роли Японии в стратегии военной конфронтации с Советским Союзом. Более того, японское правительство стало заявлять о перспективе установления тесных контактов с НАТО. Было даже высказано пожелание вступить в НАТО в качестве «ассоциированного государства». При этом подчеркивалась необходимость «солидарности и сплоченности США, Японии, Западной Европы, а также других стран свободного мира». Одновременно США приступили к созданию на Дальнем Востоке нового военно-политического блока, включающего в себя Японию и Южную Корею. Этот блок был назван «восточным флангом НАТО».

Начиная с 1982 г. увеличилось число совместных японо-американских военных учений. Если раньше они ограничивались ВВС и ВМФ, то с 1983 г. к ним были подключены и сухопутные силы Японии. Главным противником в ходе этих учений рассматривался Советский Союз. Министр обороны К. Уайнбергер открыто заявлял, что Япония отныне будет занимать такое же место в глобальной военной стратегии США, какое занимают страны НАТО.³⁴¹

Столь явное военное блокирование Японии с США заставляло руководство СССР проявлять заботу об укреплении обороноспособности страны на Дальнем Востоке – в ответ на размещение на севере Японии американских истребителей-бомбардировщиков F-16 усиливались средства противовоздушной обороны на Курильских островах, в состав Тихоокеанского флота был включен авианесущий крейсер «Новороссийск». Это были вынужденные меры, реакция советского правительства на нежелание японских властей укреплять доверие, вести дело к ослаблению военного противостояния на Дальнем Востоке. В Японии эти меры советского правительства трактовались не иначе как «подтверждение усиления советской угрозы». В начале 80-х гг. в стране была развернута идеологическая кампания, направленная на привитие японскому населению, в первую очередь молодежи, сознания якобы «исторически обусловленной неизбежности конфронтации между Японией и Советским Союзом». Одним из направлений этой кампании стало внесение в школьные учебники антисоветских концепций истории японо-советских отношений, в частности в период Второй мировой войны. Чиновники японского министерства просвещения открыто требовали внесения в школьные учебники утверждений о «миролюбивом» характере политики Японии в отношении СССР в довоенный и военный периоды, «постоянной угрозе, которую испытывала Япония со стороны имевшей подавляющее преимущество советской армии». Особый упор делался на обвинении советского правительства в «нарушении пакта о нейтралитете с Японией». Извращая и замалчивая факты истории, подрастающее поколение японцев убеждали, что якобы «Япония добросовестно соблюдала этот пакт, а СССР напал на нее, стремясь к экспансии, захвату территорий». На основе такого рода утверждений доказывалась «невозможность заключения с СССР каких-либо политических соглашений». С другой стороны, прямо ставилась задача «воспитать японских детей в духе понимания территориальной проблемы». Вместо разъяснения фактов истории и содержания международных соглашений министерство просвещения Японии продолжает издавать школьные карты, где южная часть Курильской гряды обозначена как японская территория, а южная часть Сахалина оставлена незакрашенной как «спорная территория».

Министр иностранных дел Японии Синтаро Абэ (отец нынешнего премьер-министра Японии Синдзо Абэ) признавал в начале 1984 г., что «из всех отношений Японии с зарубежными странами связи с Советским Союзом находятся на самом низком уровне». Однако следует отметить, что нагнетание антисоветских настроений в Японии все же не смогло полностью заблокировать связи двух стран по общественной линии, воспрепятствовать культур-

³⁴⁰ Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 230–231.

³⁴¹ Там же. С. 241.

ному обмену. В первой половине 80-х гг. активно развивались двусторонние отношения по линии профсоюзов, обществ дружбы, городов-побратимов. Налаживались контакты между областями (краями) СССР и префектурами Японии. В эти годы на Хоккайдо возникло движение по созданию Домов японо-советской дружбы, укреплялись связи этого острова с Сахалинской областью.

На Японских островах ежегодно гастролировали известные советские балетные, драматические, цирковые труппы, народные ансамбли. Хотя и медленно, но увеличивался туристический обмен. Все это в известной степени ослабляло накал политического противостояния, способствовало уменьшению настороженности и недоверия друг к другу.

Советское правительство в те годы неоднократно заявляло о своем желании наладить полномасштабные добрососедские отношения, призывая японскую сторону убрать искусственно возводимые препятствия. В январе 1984 г., отвечая на вопросы корреспондента газеты «Иомиури», глава правительства СССР Н. Тихонов отмечал, что «Советский Союз неизменно проявляет конструктивный подход к развитию отношений со своим дальневосточным соседом». Он подчеркнул, что в СССР «с уважением и симпатией относятся к народу Японии и искренне желают, чтобы в наших отношениях взяли верх доверие и добрососедство. Никаких других помыслов у советских людей не было и нет». Однако японское правительство продолжало следовать согласованному с США курсу, утверждая, что еще-де «не сложилась такая обстановка, когда можно отменить санкции в отношении Советского Союза».

Попытки сделки вокруг Курил

Приход в марте 1985 г. к власти в СССР М. Горбачёва хотя и вызвал интерес в Японии, но поначалу не привёл к каким-либо серьезным изменениям в советско-японских отношениях. В Японии, особенно в МИД этой страны, появление нового советского лидера сначала воспринимали как событие больше внутреннего, чем международного масштаба. К тому же считалось, что на международной арене для СССР по-прежнему приоритетными являются отношения с США и Западной Европой.

Налаживанию советско-японских отношений в те годы препятствовало согласие Токио безоговорочно следовать в фарватере военной политики США, что нашло проявление в поддержке американской программы «звездных войн» – так называемой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ)». В заявлении МИД СССР японскому правительству от 11 октября 1986 г. подчеркивалось, что участие Японии в СОИ «не согласовывается с декларируемой Токио оборонительной военной доктриной страны... и свидетельствует о дальнейшем вовлечении Японии в военно-стратегические планы США, что не может не сказаться отрицательно на советско-японских отношениях».

Нельзя не учитывать ту роль, которую объективно играла Япония в осуществлении программы экономического изматывания СССР в навязанной ему гонке вооружений. Представление о том, что СССР проиграл в холодной войне с США, не является верным. В гонке вооружений Советскому Союзу противостояли не только США, но и мощные экономики стран Западной Европы и Японии. Не следует забывать и то, что значительные материальные средства СССР вынужден был использовать также на поддержание баланса сил с КНР, отношения с которой были напряженными. Не приходится говорить, что подобное состояние советско-китайских отношений было выгодно США и Японии и всячески ими стимулировалось. На это справедливо обращают внимание некоторые исследователи. Так, в одной из работ последних лет указывается:

«...Военный вклад Японии в “сдерживание” Советского Союза определялся участием в системе безопасности с США, собственными вооруженными силами и предоставлением японских территорий для размещения американских баз... На все это Советский Союз должен был отвечать, т. е. только “японская” часть его военных расходов должна была составлять в начале 80-х годов сумму, приблизительно равную 12–15 млрд долл. ежегодно. Это не считая, “американской части” на Дальнем Востоке.

Политический вклад с выходом на военно-политические аспекты связан с “играми” в стратегические треугольники с Китаем, особенно после подписания договора о мире и дружбе в 1978 г. В ответ на это Советский Союз, поверивший в перспективу подобного альянса, затратил немало средств как на укрепление своих границ с КНР, так и с Японией».³⁴²

Для снижения уровня военно-политического противостояния на Дальнем Востоке в СССР было решено возобновить прямой политический диалог с Японией. В январе 1986 г. новый министр иностранных дел Э. Шеварднадзе посетил с официальным визитом Токио. Хотя в японском МИД в целом позитивно оценили согласие советской стороны обсуждать вопрос о заключении мирного договора, в то время горбачевское руководство предпочло придерживаться прежней позиции в отношении претензий японского правительства на южнокурильские острова. Так, принимая японскую парламентскую делегацию, в ответ на выдвижение территориальных претензий к СССР как условия заключения мирного договора Шеварднадзе

---

³⁴² Арин О. Россия в стратегическом капкане. М., 2003. С. 113–114.

вынужден был заявить: «Что касается так называемого “территориального вопроса”, то советская сторона считает этот вопрос решенным на соответствующей исторической и международно-правовой базе. У Советского Союза территория большая, но лишней земли у нас нет».³⁴³ Это было повторение известного высказывания А. Громыко.

В Японии подобные заявления вызывали разочарования и раздражение. Однако надежды на «новое мышление» Горбачёва сохранялись. Как писал один из японских советологов, «... советская сторона, отнюдь не думая уступать Японии северные территории, все же стала считать невозможным для себя препятствовать намерению Японии вести речь об этих территориях».³⁴⁴ Будучи еще не готовым «решать» территориальную проблему, новое правительство СССР предпринимало шаги для улучшения отношений в других областях. Было возобновлено посещение японцами мест захоронения японских военнопленных на советской территории, подписан договор о налогообложении, соглашение о торговле и платежах, соглашение о культурном сотрудничестве, возобновлена деятельность комиссии по научно-техническому сотрудничеству и др.

Для того чтобы наполнить эти соглашения конкретным содержанием, советская сторона предложила ряд проектов: участие в освоении лесных ресурсов вдоль трассы БАМ, разработку месторождений асбеста и др. Состоялся обмен мнениями о реконструкции ряда предприятий, построенных с участием японских фирм, заключении четвертого Генерального соглашения по лесу. В результате этого несколько увеличился советско-японский товарооборот. Однако объем торгово-экономического сотрудничества все же нельзя было признать удовлетворительным – в 1986 г. он составлял лишь чуть больше 3 млрд рублей, что, конечно же, не соответствовало потенциалам таких держав, как СССР и Япония. В Кремле искали возможность изменить ситуацию к лучшему, побудить японское правительство отойти от принципа «нераздельности политики и экономики».

Советское руководство стало активно призывать японскую сторону привлечь «экономическую дипломатию» для вывода советско-японских отношений из состояния застоя. Об этом говорилось в речи Горбачёва во Владивостоке в июле 1986 г. Стремясь придать двусторонним отношениям новый импульс, генсек призвал к «повороту к лучшему», заявив: «Об отношениях с Японией. Здесь также намечаются признаки поворота к лучшему. Было бы хорошо, если бы этот поворот произошел. Объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого. Начало в этом году положено. Состоялся обмен визитами министров иностранных дел. На повестке дня – обмен визитами на высшем уровне».³⁴⁵

В Японии уловили примирительные нотки этого «послания», вскоре здесь родилась идея попытаться воспользоваться заинтересованностью Горбачёва и его соратников по «новому мышлению» в получении японской экономической помощи. По мере появления признаков провала политики перестройки японские советологи стали писать о том, что без финансовой помощи из-за рубежа Горбачёву не удастся оздоровить ситуацию в СССР, и он будет вынужден ради получения такой помощи все дальше идти на уступки Западу. Для японцев в качестве главной уступки понималось «возвращение» Курил. Так, в одной из посвященных политике Горбачёва японских книг прямо указывалось: «Для того чтобы поправить экономическое положение, советскому правительству требуется от нескольких миллиардов до десятков миллиардов долларов... Япония, которая вот уже 42 года требует возвращения северных территорий, должна учитывать эту ситуацию. Сколько бы московское правительство не отвергало

³⁴³ Правда. 1988. 8 мая.

³⁴⁴ Кимура Х. Указ. соч. С. 159–160.

³⁴⁵ Правда. 1986. 29 июля.

японские требования, по мере изменения внутреннего положения в стране оно может изменить свое отношение к проблеме северных территорий».³⁴⁶

Однако в Японии не спешили расширять торгово-экономические отношения с СССР, ожидая, когда Горбачёв «созреет» до решения идти на уступки Японии в территориальном вопросе. Для обоснования такой позиции в апреле 1987 г. с участием американцев официальным Токио было инициировано так называемое «дело Тосиба» вокруг поставок в СССР некоторых видов станочного оборудования, которое было отнесено к подпадающим под запрет. Японские власти развернули кампанию шпиономании, пошли на высылку из Японии советских дипломатов. Правительство СССР, естественно, ответило тем же, что послужило очередному этапу охлаждения двусторонних отношений.

Следует отметить, что в первые годы пребывания у власти Горбачёв еще не был готов согласиться на беспринципный торг по поводу Курильских островов. Более того, его раздражала та напористость, с которой зачавшие в Москву японские политики требовали от СССР территориальных уступок как проявления «нового мышления» на японском направлении. Однажды он даже в сердцах бросил одному из японских гостей: «А почему, собственно, Япония предъявляет ультиматум Советскому Союзу, – ведь мы ей войну не проигрывали?»

Однако в 1989–1990 гг., когда в результате фиаско идей перестройки экономическое положение СССР резко ухудшилось, в горбачевском окружении все больше стали соблазняться идеей получения за Курилы «хорошей цены». К этому толкали и новые партнеры по «большой семерке». Так, в 1988 г. во время визита в Москву президент США Р. Рейган настойчиво «советовал» Горбачёву пойти навстречу Японии в территориальном споре. Делал это Рейган не бескорыстно – ему было важно привлечь японские капиталы для финансирования слабеющей на глазах власти Горбачёва, спасения его «реформаторского» курса. Эту позицию всемерно поддерживал Шеварднадзе, который впоследствии признал, что «хотел отдать острова Японии».

Подвергаясь обработке из-за рубежа и со стороны своих ближайших сподвижников, Горбачёв стал склоняться к уступке Японии южнокурильских островов. В 1990 г., конечно же, не без согласования с Горбачёвым, его помощник по международным вопросам прямо заявил японскому послу в СССР С. Эдамура, что «в душе Горбачёв не исключает возможность передачи островов», но «нужно создать атмосферу для решения вопроса».³⁴⁷ Это был намек на то, что Москва заинтересована в «экономической компенсации» за острова. В Японии такую компенсацию Горбачёву называли «камфорной припаркой, реанимирующей теряющую динамизм перестройку».³⁴⁸

В Токио не преминули воспользоваться ситуацией. Японские политики стали спешно разрабатывать план обмена Курил на финансовую помощь, а фактически «выкупа» островов. Ориентировочная сумма такого выкупа была определена в 26–28 млрд долларов. Согласно японским источникам это предложение было сделано Горбачёву через его ближайших соратников и «рассматривалось в ЦК КПСС».³⁴⁹

Однако план фактической продажи Курильских островов был разрушен депутатом и предпринимателем А. Тарасовым, который, руководствуясь не до конца выясненными мотивами, публично обвинил Горбачёва в намерении сдать Японии Южные Курилы в обмен на экономическую поддержку в 200 млрд долларов. В обстановке разразившегося скандала Горбачёв не осмелился рассматривать соответствующее японское предложение, озвученное в конце

³⁴⁶ Насу К. Ябурэасита сорэн тэйкоку. Пэрэсуторойка ва хокай-но хадзимари (Развалившаяся советская империя. Начало краха перестройки). Токио, 1988. С. 94.

³⁴⁷ Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 146.

³⁴⁸ Кимура Х. Указ. соч. С. 169–170.

³⁴⁹ Хасэгава Ц. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй (Проблема северных территорий и японо-российские отношения). Токио, 2000. С. 210–211.

марта 1991 г. во время беседы в Кремле генеральным секретарем правящей Либерально-демократической партии Японии И. Одзава.

Хотя официальный Токио поспешил отмежеваться от предпринятого Одзава зондажа, а Горбачёв, назвав заявление Тарасова «ложью», пригрозил подать на него в суд, в действительности идея «выкупа» южнокурильских островов рассматривалась всерьёз. Достаточно напомнить о высказывании в 1990 г. одного из лидеров ЛДП С. Канэмару, который публично говорил, что «Япония, в конце концов, могла бы и купить острова у Советского Союза».

Склоняя Горбачева к признанию суверенитета Японии на южнокурильские острова, Одзава прозрачно намекнул на возможность сделки, заявив, что в этом случае японская сторона готова оказать «существенную экономическую помощь Советскому Союзу». Видимо опасаясь утечки информации о сути переговоров с Одзава, Горбачёв счел необходимым «решительно отвергнуть» попытку вести прямой торг вокруг судьбы Курил. По словам его помощника, присутствовавшего на беседе, «Горбачев отреагировал сразу и довольно резко: он не склонен и не может вести разговор в таком плане – что-то вы даете и за это мы вам тоже даем то, что вы хотите... Вы хотите конкретного результата. Но подход: “даешь – даю” совершенно неприемлем и не только между Японией и Советским Союзом, но и вообще».

Вместе с тем Горбачёв обещал начать обсуждение всего комплекса вопросов, включая мирный договор и в его контексте – о прохождении границы. «Хорошо понимаю, – добавил он, – настроения общественного мнения в Японии и связь вашей позиции с ним. Но и руководство Советского Союза тоже должно теперь учитывать общественное мнение».

Это не удовлетворило собеседника. Одзава перевел разговор в такую плоскость: мы, мол, не объявим вашего конкретного решения. Это останется между нами. Но давайте уже сейчас договоримся о том, на что вы пойдете во время своего визита в Японию.³⁵⁰

Хотя Горбачёв не дал на это прямого ответа, именно он первым за послевоенную историю признал существование «территориального вопроса» с Японией и выразил готовность обсуждать его на официальных переговорах. Он согласился включить в текст подписанного по итогам его визита в Японию (апрель 1991 г.) «Совместного заявления» выгодную для Японии формулировку о том, что стороны «провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между Японией и СССР, включая проблему территориального размежевания, учитывая позиции обеих сторон о принадлежности островов Хабомаи и Шикотан, Кунашир и Итуруп».

Вопреки созданному впоследствии впечатлению о том, что эта формулировка была вынужденной крайней уступкой японской стороне, на самом деле ее предложил сам Горбачёв, который заявил на переговорах в Токио: «...Мы могли бы пойти вам навстречу и сделать в этом документе такую компромиссную запись: стороны обсудили территориальные вопросы, вернее, вопросы о территориальном размежевании, учитывая позиции, которые стороны занимают по вопросу о принадлежности островов Кунашир и Итуруп и Малой Курильской гряды (т. е. островов Хабомаи и Шикотан). И советской, и японской общественности было бы видно, что проблема принадлежности островов обсуждалась и будет обсуждаться в ходе подготовки мирного договора».

В Японии сделанную в «Совместном заявлении» запись по территориальному вопросу расценили как ограниченный успех. К позитивам для Японии было отнесено признание СССР существования территориальной проблемы, а указание четырех островов облегчало японской стороне отстаивание своей точки зрения. Как определенное достижение было воспринято обещание Горбачёва установить безвизовый режим посещения четырех южнокурильских островов японскими гражданами, а также сократить в ближайшее время численность советского военного контингента, размещенного на этих островах.

³⁵⁰ Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 149.

Как отмечалось выше, Горбачёв «в душе» был готов на уступки Японии в территориальном споре. Однако ослабление его политических позиций внутри страны, активизация противников линии на ущербные для СССР компромиссы со странами Запада вынуждали его «делать хорошую мину при плохой игре», представлять свою политику на международной арене как якобы отстаивающую интересы СССР. Это проявилось в выступлении Горбачёва на сессии Верховного Совета 26 апреля 1991 г., в котором он попытался предстать защитником этих интересов на Дальнем Востоке. По поводу итогов визита в Японию было сказано следующее: «Премьер Кайфу настаивал на том, чтобы декларация 1956 г. была названа в заявлении. Мы на это не пошли. И вот почему: в ней говорится не только об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений, но и о передаче Японии двух островов после заключения мирного договора. Мы считаем, что следует опираться только на ту часть документа, которая стала исторической реальностью, имела международно-правовые и физические последствия. А то, что не состоялось, что последующая история как бы “стерла”, невозможно, спустя 30 лет, просто так реанимировать. Шанс тогда был упущен. С тех пор возникли новые реальности. Из них и надо исходить.

В итоге мы имеем в заявлении такую, а не иную формулу... Могут спросить, в обиходе так и говорят – мне это известно, чего, мол, темнить, скажите прямо: отдадим острова или не отдадим...

Я уверен, что могут быть найдены обоюдно приемлемые решения. Но для этого нужна другая обстановка, другой характер отношений, наработка их необратимости, большая взаимозависимость и взаимосвязанность».³⁵¹

---

³⁵¹ Правда. 1991. 27 апр.

«Экспромты» российского президента

Хотя Горбачёв назвал результаты визита «ничьей», в действительности это была серьезная уступка, отступление от прежней позиции СССР в территориальном споре с Японией. И это явилось проявлением осознанного решения Горбачёва. Впоследствии, лишившись всех своих постов, он сетовал: «Если бы я остался на своем посту, вопрос о северных территориях, вероятно, уже давно был бы разрешен».³⁵²

Сетуют по этому поводу и в Японии: «Он (Горбачёв) должен был заявить: «Я собираюсь возвратить четыре северных острова Японии и получить взамен долгосрочный кредит под низкие проценты»... Однако четыре дня, проведенные М. Горбачёвым в Японии в апреле 1991 г., со всей ясностью показали, что характер его лидерства уже изменился, превратившись из «новаторского» в «представительское». Они показали также, что Горбачёв опустился до уровня политика, который думает только о том, как удержаться у власти...»³⁵³

Одной из причин, по которым Горбачёв не смог совершить сделку «Курилы за кредиты», была позиция Б. Ельцина. Последний стремился перехватить инициативу в переговорах с японским правительством, не допустить, чтобы разрешение территориального спора было связано с именем Горбачёва. Речь шла, конечно, не об отстаивании прав России на Курилы, а о том, чтобы японская финансовая помощь была получена не союзным, а российским руководством. Следует согласиться с оценкой расчетов российского руководства во главе с Ельциным, данной в одной из посвященных «курильской проблеме» книг: «Демократы, боровшиеся тогда за то, чтобы отобрать власть у КПСС, остро нуждались в каком-либо крупном прорыве на любом участке борьбы, осуществленным ими в пику коммунистам. Японское направление представлялось им чрезвычайно перспективным. Многие говорят о том, что демократы, особенно их радикальное крыло, склонялись тогда к тому, чтобы в том или ином объеме принять японские требования в отношении так называемых “северных территорий”... Они рассчитывали, что в ответ на это Япония окажет мощную финансовую поддержку, которая поможет демократам прийти к власти и решить сложные экономические трудности, стоявшие перед страной».³⁵⁴

Другими словами, замыслы Ельцина и его команды в отношении Курил практически не отличались от замыслов Горбачёва и его сторонников. И те и другие намеревались превратить Курильские острова в предмет торга с Японией. Различие состояло лишь в том, что Горбачёв стремился получить японскую помощь как можно скорее для спасения перестройки, а Ельцин уговаривал японцев, оказывая финансовую поддержку России, подождать с получением островов. Именно на это был направлен так называемый «пятиэтапный план Ельцина», согласно которому территориальный спор должен был найти свое разрешение в пользу Японии по прошествии 15–20 лет.

Смысл «личного плана» Ельцина сводился к следующему. На первом этапе предлагалось отойти от занятой СССР позиции и признать, что территориальная проблема между двумя странами существует. Это должно было способствовать формированию в СССР соответствующего общественного мнения. Затем через 3–5 лет (второй этап) предполагалось объявить острова свободными для японского предпринимательства. Третий этап – демилитаризация островов в течение 5–7 лет. На четвертом этапе стороны должны подписать мирный договор. Что же касается судьбы южнокурильских островов, то для ее определения выделялся пятый этап. При этом предлагались следующие варианты разрешения территориального спора: 1. Острова

---

³⁵² Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 142.

³⁵³ Кимура Х. Указ. соч. С. 170.

³⁵⁴ Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998. С. 318.

будут находиться под общим протекторатом двух стран; 2. Островам дается статус свободных территорий; 3. Передача островов Японии. 16 января 1990 г. во время пресс-конференции в Токио Ельцин заявил: «...В рамках третьего этапа я считал бы возможным подписание мирного договора Японии с Российской Федерацией. Такова моя позиция. И ее я буду излагать и в нашей стране точно так же, как излагаю ее здесь».³⁵⁵

После распада Советского Союза российское правительство стало склоняться к тому, чтобы в расчете на японскую помощь достичь соглашения с Токио о Курилах как можно скорее. К этому его активно подталкивали сотрудники японского посольства в Москве сразу после фиаско ГКЧП. Они настойчиво предлагали руководителям вновь образованного МИД Российской Федерации незамедлительно «разрубить гордиев узел территориальной проблемы путем коротенького заявления Ельцина» о согласии с японскими требованиями. Как писала газета «Известия», российскому президенту предлагалось заявить, что-де в «советско-японских отношениях было много наносного, что уходящий режим многое натворил, но что демократическая Россия, отрекаясь от прошлого, готова открыть совершенно новую страницу...»

Новые «творцы» внешней политики России были готовы к подобным действиям. В недрах сформированного из «демократов» российского МИД была рождена формула «два плюс альфа». Согласно этой формуле, Японии безотлагательно передавались острова Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан, а по поводу самых крупных островов Курильского архипелага – Кунашира и Итурупа предлагалось вести переговоры. Эту формулу российский МИД предполагал осуществить в ходе намеченного на сентябрь 1992 г. официального визита президента РФ в Японию. Однако развернувшееся в России широкое движение протеста против ничем не обоснованных территориальных уступок Японии заставило Ельцина отменить этот визит.

Думается, не последнюю роль в принятии такого решения сыграло направленное Ельцину и опубликованное в прессе открытое письмо российских специалистов по Японии, которые предупреждали, что уступка Курил не приведет к крупномасштабной японской помощи России. Ученые писали: «Глубоким заблуждением, навязанным руководству нашей страны японской пропагандой, является мысль, будто территориальные уступки или же обещания уступок в будущем... приведут к тому, что на нашу страну прольются обильные “иеновые дожди”: японские банки и предпринимательские фирмы не подчиняются токийским политикам и дипломатам и никогда не пойдут на альтруистические, благотворительные финансовые и экономические операции».³⁵⁶

Осложнение экономической и политической ситуации в России в 1993 г. заставляло Ельцина учитывать настроения народа. В июле 1993 г. он вынужден был заявить японским журналистам: «Российскому народу сейчас трудно. Добавить ему еще территориальную проблему – он не выдержит и взорвется. Из Японии я уеду под аплодисменты, а в Россию меня не пустят».

Поэтому состоявшийся после трагических событий осени 1993 г. в Москве визит Ельцина в Японию уже не мог привести к каким-либо незамедлительным радикальным решениям территориального спора. В подписанной в Токио российско-японской декларации фиксировалось: «Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьёзные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашались в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов и на основе выработанных по договоренности между

---

³⁵⁵ Цит. по: Латышев И. А. Указ. соч. С. 109.

³⁵⁶ Русские Курилы. История и современность. М., 2002. С. 193.

двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости, и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения».

Хотя подобные формулировки были на руку японской дипломатии и свидетельствовали о намерении Ельцина «решать вопрос», в действительности они не выходили за рамки декларативных заявлений. Существенное значение имело и то, что российская сторона вопреки настояниям японцев уклонилась от включения в текст документа подтверждения действенности пункта Советско-японской совместной декларации 1956 г., в которой говорилось о возможности передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора. По существу в «Токийской декларации» содержалось лишь признание Ельциным факта существования «территориальной проблемы» и заявлялось о намерении сторон искать пути для ее решения.

В те годы позиция российского правительства на японском направлении отличалась двойственностью и непоследовательностью. При явном стремлении российского МИД удовлетворить японские требования более здравомыслящие политики считали, что этого делать не следует. Так, например, премьер-министр В. Черномырдин заявлял: «Курильские острова Россия никому не собирается отдавать. Чужого нам не надо, но свое останется при нас». О том, что в Москве не рассматривали «Токийскую декларацию» как некую «прелюдию» сдачи Курил, Черномырдин недвусмысленно заявил в ноябре 1994 г. в интервью японской газете «Иомиури». Он тогда прямо сказал, что не собирается превращать наши острова в предмет разговора и у него нет намерений возвращать территории Японии.³⁵⁷

В очередной раз иллюзии и обманчивые надежды были порождены так называемыми «встречами без галстуков» Ельцина и премьер-министра Японии Р. Хасимото. Во время этих встреч Ельцин в форме «экспромта» неожиданно заявил о намерении подписать мирный договор с Японией не позднее 2000 г. Это было воспринято как решение уступить японским требованиям о «возвращении» южно-курильских островов. Однако вскоре в Токио поняли, что данное в неофициальной обстановке обещание российского президента нельзя рассматривать всерьез. Японская газета «Майнити» писала не без сарказма: «Похоже, в России только один Ельцин верит, что территориальную проблему можно будет решить до 2000 года».³⁵⁸

Не увенчалась успехом и попытка Ельцина предложить японской стороне без разрешения территориального вопроса подписать сначала «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве». Это предложение сразу же было отвергнуто японской стороной, для которой именно удовлетворение территориальных претензий является главной и единственной целью заключения мирного договора. В конце концов, под сильным давлением российской общественности, требовавшей неукоснительного соблюдения положений Конституции РФ о целостности и неприкосновенности территории государства, Ельцин и его правительство вынуждены были отказаться от попыток форсировать заключение мирного договора с Японией.

Тем не менее политика уступок продолжалась. В феврале 1998 г., уступая японскому давлению, российское правительство сочло возможным заключить «Соглашение о некоторых вопросах сотрудничества в области промысла живых ресурсов» в районе южных Курил. По соглашению российская сторона пошла на практически свободный доступ японских рыбаков в российские территориальные воды в районе южнокурильских островов. Это было беспрецедентное решение, ибо в соглашении речь шла не о двухсотмильной экономической зоне, а о двенадцатимильной прибрежной зоне, в которую без разрешения вход иностранным судам запрещен. Японцам было разрешено явочным порядком вести промысел в непосредственной близости от берегов именно тех островов, на которые они претендуют. При этом японская сторона не только не предоставила российским рыболовным судам аналогичные права на про-

³⁵⁷ Известия. 1994. 9 ноября.

³⁵⁸ Майнити. 1998. 20 ноября.

мысел в японских территориальных водах, но и не взяла на себя никаких обязательств по соблюдению ее гражданами и судами законов и правил рыболовства, действующих в российских водах. Другими словами, японской стороне было предоставлено своеобразное «право экстерриториальности», ущемляющее российский суверенитет в пределах собственной морской территории. Не случайно депутаты Сахалинской областной думы направили президенту РФ, премьер-министру и другим российским руководящим работникам специальное обращение, в котором выступили решительно против этого ущемляющего суверенитет государства и законные интересы российских рыбаков соглашения с Японией.

Хотя президент и правительственные чиновники не сочли нужным прислушаться к мнению дальневосточников, они не могли полностью игнорировать усилившиеся в центре и на местах протесты против потакания японским требованиям. Для того чтобы несколько успокоить озабоченную судьбой Курил российскую общественность и приглушить протесты, министр иностранных дел России И. Иванов счел необходимым с большей степенью внятности, чем ранее, озвучить позицию правительства. В частности, было заявлено:

«...Абсолютно ясно, в каких рамках следует вести поиск возможного решения. Оно должно быть взаимоприемлемым, не наносить ущерба суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, отвечать нашим национальным интересам, базироваться на существующих реалиях, получить широкую поддержку общественности, быть одобренным в соответствии с установленным конституционным порядком высшими законодательными органами обеих стран.

Руководствуясь такими подходами, Борис Ельцин передал премьер-министру Японии в ноябре прошлого года соответствующие предложения российской стороны по вопросу о будущем договоре между двумя странами и о его разделе, касающемся территориального размежевания. Эти предложения составлены, исходя из убеждения, что для нас неприемлемы любые варианты, которые означали бы отказ России от суверенитета над Южными Курилами... В целом хотел бы подчеркнуть: у жителей Южных Курил нет оснований для беспокойства по поводу якобы неопределенности их судьбы в связи с ведущимися нами переговорами с Японией. Земля, на которой они живут, есть и останется неотъемлемой частью России».³⁵⁹

Итак, происходившие в нашей стране события не могли не оказать влияние и на советско-японские, а затем российско-японские отношения. Период жесткой конфронтации, ознаменовавшийся новым раундом холодной войны, постепенно стал сменяться поисками путей оздоровления двусторонних связей. Однако направленные на развитие контактов в различных областях инициативы неизменно наталкивались на «территориальную проблему», решить которую к взаимному согласию не удавалось. Хотя Горбачёв и Ельцин проявляли склонность идти на территориальные уступки Японии ради ожидавшихся экономических выгод, они не могли игнорировать позицию российской общественности и оппозиционных сил, которые решительно выступали против каких бы то ни было территориальных потерь. Немаловажное значение имело и то, что проблема подписания мирного договора с Японией на условиях уступки Курил трансформировалась в объект острой внутриполитической борьбы, в том числе на федеральных и местных выборах. В результате ни Горбачев, ни Ельцин так и не осмелились выступить против воли большинства народа, в последний момент они все же предпочитали избегать вовлечения в неприглядную сделку вокруг Курил. Что касается японской стороны, то ее ошибка состояла в том, что Токио сделал основную ставку на единоличное решение по поводу Курил того или иного российского руководителя. Негативную роль сыграло и то, что лидеры двух государств прибегали к устаревшим методам «тайной дипломатии», тщательно

³⁵⁹ Независимая газета. 1999. 23 февр.

скрывали свои намерения и содержание переговоров. Однако времена изменились. Период напряженного противостояния в конце 80-х – начале 90-х гг. по вопросу о судьбе южнокурильских островов убедительно продемонстрировал возросшую роль общественных институтов в нашей стране, рост политического влияния сил, придерживающихся государственных патриотических позиций.

Глава восьмая. Иркутское обещание

Поиск компромисса

Выдвижение сначала на пост премьер-министра, а затем избрание президентом РФ ранее малоизвестного Владимира Путина поначалу всерьез озадачило японцев. Особенно беспокоила их биография нового российского лидера, а именно его прежняя принадлежность к советским спецслужбам. По предыдущему опыту они усвоили, что так называемые «силовики», к которым в Японии относят не только военных, офицеров ФСБ, но и сотрудников внешней разведки, менее коррумпированы, патриотичны и в своем большинстве занимают достаточно твердые позиции в отстаивании интересов своей страны. Наиболее хорошо осведомленные о внутренней ситуации в России японские журналисты и политологи не без основания высказывали предположение о том, что при Путине роль выходцев из силовых структур в управлении государством заметно возрастет, а это в свою очередь может негативно для Японии сказаться на ходе переговоров о судьбе Курильских островов. Правда, были и такие, кто высказывал надежду на то, что, будучи ставленником Ельцина, новый президент продолжит прежнюю внешнюю политику, в том числе и на японском направлении.

В известной степени правыми оказались и первые, и вторые. В отличие от своего предшественника, много чего наобещавшего японцам, Путин действовал во время первых контактов с японскими лидерами весьма осмотрительно. Чувствовалось, что в сложной и новой для него материи российско-японских отношений он старался до поры до времени избегать прямого обсуждения вопроса об условиях подписания между двумя государствами мирного договора. Фактически этот вопрос был обойден и при встрече Путина с японским премьер-министром Ёсиро Мори в апреле 2000 г. в Санкт-Петербурге, и во время саммита глав «большой восьмерки» на Окинаве в июле того же года. Однако бесконечно долго отмалчиваться было невозможно.

Небезынтересно, что впервые новый президент высказался по поводу территориальных претензий Японии, отвечая на вопрос не японцев, а своих сограждан. Накануне первого официального визита в Японию в сентябре 2000 г. он посетил Сахалин, где заверил жителей области в том, что «возвращать острова не собирается».³⁶⁰ Это высказывание обескуражило японцев, но ненадолго. Со времен Ельцина токийские политики научились различать заявления российских высокопоставленных лиц, сделанные «для внутреннего пользования», то есть на российскую аудиторию, и подлинные цели и намерения Москвы, проявляемые в ходе переговоров за закрытыми дверями.

Хотя высокий российский гость старался склонять японскую сторону к обсуждению в первую очередь вопросов развития торгово-экономических отношений, обойти вопрос о границе японцы позволить не могли. Так как никаких принципиально новых подходов к разрешению территориального спора ни у Токио, ни у Москвы не было, решили ограничиться повторением прежних «ельцинских» формулировок. В российско-японское совместное заявление по итогам визита был включен пункт, который гласил: «Стороны согласились продолжать переговоры с тем, чтобы, опираясь на все достигнутые до сих пор договоренности... выработать мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи». Тем самым, как и при Ельцине, эти входящие по Конституции РФ в состав России земли по сути дела признавались спорными.

---

³⁶⁰ Коммерсант. 5 сентября 2000 г.

Соглашаясь на такую запись, Путин в то же время отверг идею японского правительства о так называемой демаркации японо-российской границы, в соответствии с которой пограничная линия двух стран переносилась на север и проходила бы между островами Итуруп и Уруп, что означало переход всех Южных Курил во владение Японии. Вместо этого президент в беседе с японским премьером довольно прозрачно намекнул на возможность иного подхода, упомянув, что российская сторона руководствуется не только подписанными Ельциным совместными заявлениями 1993 и 1998 гг., но и Совместной декларацией СССР и Японии 1956 г. При этом он дезавуировал посулы Ельцина «подписать мирный договор к 2000 году». Было разъяснено, что в заявлениях бывшего президента речь шла лишь о стремлении «прилагать усилия» к достижению взаимоприемлемых договоренностей.

Намек был понят – японские газеты подчеркивали, что Путин впервые признал действительность Совместной декларации, а значит, предстоит продолжение переговоров по территориальному вопросу. Отмечалось, что «Путин стал первым из нынешних российских лидеров, признавшим действительность декларации и возможность ее использования в качестве юридической основы для продолжения переговоров двух стран, связанных с их территориальным спором».³⁶¹ Делался вывод о склонности нового президента искать развязки политических противоречий с Японией, что порождало у официального Токио определенный оптимизм.

То, что Путина поняли правильно, фактически подтвердили представители МИД РФ, которые в своих разъяснениях японским журналистам предпочли не подтверждать, но и не отрицать подобное толкование замечаний президента. Сам же Путин на пресс-конференции в Токио ограничился лишь констатацией сложности ситуации. «Что нужно сделать для окончательного решения проблемы, которая существует между Россией и Японией?» – задал он вопрос и сам ответил на него: «Если бы мы это знали на сто процентов, то, наверное, сейчас отвечали бы на другие вопросы».³⁶²

Следует отметить, что занятая Путиным, а вернее, навязанная дипломатами еще из ельцинского окружения позиция содержала в себе явное противоречие. С одной стороны, в совместном заявлении объектами спора вновь назывались все южнокурильские острова, на которые претендует Япония, а с другой – намечалась линия на возвращение к условиям Совместной декларации 1956 г., где речь идет лишь об островах Хабомаи и Шикотан.

Уловив настроение Путина искать пути «окончательного разрешения проблемы», японские политики решили помочь в таком поиске. Наибольшую активность в этом направлении развернул занимавший на протяжении ряда лет важные посты в правящей партии и правительстве Мунэо Судзуки. Являясь депутатом парламента от расположенного на севере Хоккайдо избирательного округа, этот политик задался целью «внести личный вклад» в разрешение территориального спора с Россией. Для этого он установил тесные связи с отвечавшими за японо-российские отношения чиновниками МИД Японии, а через них с российскими дипломатами и политиками. Довольно скоро Судзуки удалось «приватизировать» территориальную проблему, добившись полного контроля над ходом ее обсуждения внешнеполитическими ведомствами двух стран.

План Судзуки и его приспешников в японском МИД состоял в том, чтобы втянуть российское правительство в обсуждение конкретных вопросов о «возвращении» для начала островов Хабомаи и Шикотан. Во время бесед с российскими политиками и дипломатами в Токио и Москве основное внимание Судзуки уделял именно островам Малой Курильской гряды, намекая на якобы существовавшую возможность при определенных условиях ограничиться передачей лишь этих территорий. В то же время своим японским коллегам он обещал побуждать российскую сторону не отказываться и от поиска решения вопроса о Кунашире и Итурупе. Однако

³⁶¹ Латышев И. А. Путин и Япония. Будут ли уступки? М., 2005. С. 100.

³⁶² Парламентская газета. 6 сентября 2000 г.

многое говорит о том, что сам-то Судзуки в своих тайных замыслах был согласен на получение лишь Хабомаи и Шикотана, ибо в этом случае эти острова, а главное – богатые морепродуктами омывающие их воды, скорее всего, административно вошли бы в район его избирательного округа со всеми вытекающими материальными выгодами. О том, что этот политикан при решении государственных вопросов не забывал про свой карман, свидетельствовал разразившийся впоследствии громкий коррупционный скандал, итогом которого стал арест Судзуки и его поделщиков из числа высокопоставленных дипломатов. Однако это было потом.

В период же 2000–2001 гг. политические маневры Судзуки на японо-российском направлении встречали понимание премьер-министра Мори, который, как и все его предшественники на этом посту, желал оставить свое имя в истории, добившись «возвращения исконно японских территорий». Это проявилось в его нескрываемой заинтересованности расширить контакты с президентом Путиным, с тем чтобы убедить последнего в большой выгоде для России разрешения территориального спора и подписания между двумя государствами мирного договора. В связи с тем, что популярность Мори в стране падала, премьер-министр рассчитывал поправить свои дела, организовав как можно скорее очередную встречу с Путиным для внесения «новых» предложений по территориальному вопросу.

Сначала японо-российский саммит в Иркутске был назначен на конец февраля 2001 г., но затем перенесен российской стороной на 25 марта. По всей вероятности, Москве нужно было время для проверки достоверности «информации» о готовности Токио к компромиссу, которую поставлял «друг России» Судзуки. Судя по последовавшим событиям, в Кремле было принято решение с большей определенностью дать японцам понять, что территориальную проблему можно было бы разрешить, вернувшись к условиям 1956 г.

Похоже, в Иркутске, в конфиденциальном порядке, Путин согласился обсуждать вариант передачи Японии Малой Курильской гряды. Если верить тогдашнему премьер-министру Мори, Путин заявил, что в случае переизбрания президентом на второй срок готов вести переговоры по поводу Шикотана и Хабомаи. По утверждению бывшего японского премьера, дословно было сказано следующее: «Передачу Японии Хабомаи и Шикотана сейчас трудно реализовать. А вот если меня переизберут на второй срок, то я приложу все силы для возвращения Японии этих островов». Впоследствии МИД РФ отказался подтвердить это высказывание.

Услышав подобное из уст президента, Мори принялся «ковать железо, пока горячо». Он всячески убеждал собеседника согласиться на «возвращение» всех южнокурильских островов, заявляя о готовности Японии получить желаемое не одновременно, а как бы в рассрочку – сначала Хабомаи и Шикотан, а затем, по прошествии некоторого времени, – Кунашир и Итуруп. При этом японская позиция подавалась как якобы проявление нового, более гибкого подхода к решению территориальной проблемы.

Естественно, Путин не мог согласиться с таким «расширительным» толкованием своего согласия на продолжение переговоров о двух островах, о чем и было прямо сказано японскому премьеру. Более того, президент счел необходимым указать на существующие разночтения записанного в Совместной декларации, заявив, что статья 9-я «нуждается в дополнительной работе экспертов для выработки единообразного понимания» ее положений. Суть же «разночтений» состоит в том, что японская сторона почему-то считает, что текст 9-й статьи якобы предполагает передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан вне зависимости от подписания мирного договора. Договор же, по японской версии, может быть заключен лишь после разрешения в пользу Японии вопроса о принадлежности островов Кунашир и Итуруп.

Подобное толкование по меньшей мере странно – ведь в этой статье Совместной декларации со всей определенностью записано: «При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан, с тем, однако, что

фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Отсюда со всей очевидностью вытекает, что по Совместной декларации 1956 г. возможность передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан предусмотрена лишь на условии согласия японской стороны с отказом от иных территориальных претензий и подтверждении этого фактом заключения мирного договора. В связи с этим выдвижение претензий на Кунашир и Итуруп является не чем иным, как произвольным шагом японской дипломатии.

Несмотря на то что в Иркутске президент Путин вежливо отверг предложение японской стороны о начале так называемых «переговоров по двум колеям», а именно по Хабомаи и Шикотану и отдельно по Кунаширу и Итурупу, он, как и год назад, подписал согласованный российскими и японскими дипломатами документ, в котором повторялись и даже расширялись выгодные Японии формулировки ельцинского периода. Тем самым как бы повисало в воздухе предложение президента рассмотреть возможность возвращения к компромиссу 1956 г.

Так как определившиеся на переговорах в Иркутске позиции сторон сопряжены и с сегодняшним подходом Путина к отношениям двух стран, приведем полный текст Иркутского заявления:

«Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии в ходе своей встречи в Иркутске 25 марта 2001 года с удовлетворением констатировали динамичное развитие российско-японских отношений во всех областях после визита Премьер-министра Японии в Санкт-Петербург в апреле 2000 года и визита Президента Российской Федерации в Токио в сентябре 2000 года.

Проведено углубленное обсуждение проблемы мирного договора на основе положений, согласованных в Заявлении Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 5 сентября 2000 года.

Стороны констатировали, что в 90-х годах наблюдалась качественная активизация переговорного процесса, углубилось представление обеих сторон о позициях друг друга. Важный позитивный импульс переговорам дала Красноярская договоренность приложить максимальные усилия с целью заключения мирного договора к 2000 году на основе Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года. Стороны отмечают, что работа по реализации Красноярской договоренности принесла весомые результаты, и ее созидательный потенциал необходимо поддерживать и впредь.

В этой связи стороны, руководствуясь уверенностью в том, что заключение мирного договора способствовало бы дальнейшей активизации поступательного развития российско-японских отношений и открывало бы их качественно новый этап:

– договорились вести дальнейшие переговоры о заключении мирного договора на основе принятых до настоящего времени документов, включая Совместную декларацию СССР и Японии 1956 года, Совместное советско-японское заявление 1991 года, Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 года, Московскую декларацию об установлении созидательного партнерства между Россией и Японией 1998 года, Заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии по проблеме мирного договора 2000 года и настоящее Заявление;

– подтвердили, что Совместная декларация СССР и Японии 1956 года представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами;

– исходя из этого, согласились ускорить дальнейшие переговоры с целью заключения мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир,

Шикотан и Хабомаи и таким образом достичь полной нормализации двусторонних отношений на основе Токийской декларации о российско-японских отношениях 1993 года;

- договорились активизировать переговоры с целью достижения взаимоприемлемого решения и в ближайшее возможное время определить конкретное направление движения к заключению мирного договора;

- подтвердили, что будут продолжать сотрудничество, связанное с островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, направленное на создание благоприятных условий для скорейшего заключения мирного договора;

- подтвердили важность реализации подписанного 16 января 2001 года в Москве министрами иностранных дел И. С. Ивановым и Ё. Коно Меморандума о новом издании Совместного сборника документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией и деятельности по разъяснению общественности важности заключения мирного договора.

Стороны исходят из того, что при проведении переговоров весьма важным является поддержание в российско-японских отношениях атмосферы взаимопонимания, доверия, широкого взаимовыгодного сотрудничества по различным направлениям.

Иркутск, 25 марта 2001 года».³⁶³

Текст Иркутского заявления, как и содержание аналогичных двусторонних документов ельцинского периода, хотя и был во многом навязан японской стороной и содержал выгодные ей констатации, не выходил за рамки «меморандума о намерениях». Указание на стремление «заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи» не означало, что вопрос о принадлежности этих островов априори должен быть решен в пользу Японии. Обратило на себя внимание появление в заявлении, видимо по инициативе российской стороны, пункта, характеризующего Совместную декларацию 1956 г. как «базовый юридический документ». Это являлось свидетельством намерения российского руководства на определенном этапе вынести условия 1956 г. в центр российско-японских переговоров о заключении мирного договора.

Однако замысел втянуть Москву в конкретные переговоры о передаче островов Хабомаи и Шикотан на условиях согласия с последующим обсуждением вопроса о принадлежности Кунашира и Итурупа осуществить не удалось. Можно сказать, что инспирированная Судзуки и его российскими партнерами комбинация с «реанимацией» условий 1956 г. обернулась как для японской, так и российской стороны фиаско. Кремлю было дано понять, что при любом развитии хода переговоров японское правительство не пойдет на отказ от притязаний на Кунашир и Итуруп. Одна из ведущих газет Японии «Асахи симбун» отмечала после иркутской встречи: «...Россия все еще утверждает, будто бы согласно Декларации территориальные переговоры завершаются с возвращением Японии лишь двух островов. Но если это так, и Россия не готова идти дальше возврата Японии двух островов, то это чревато не чем иным, как провалом переговоров. В то же время, если предположить, что Япония, требующая четыре острова, согласилась бы сейчас на получение лишь двух островов, то это все равно приведет в дальнейшем к переговорам о возврате ей двух других оставшихся островов. А поэтому на нынешней встрече руководителей двух стран подобные расхождения в их позициях остались абсолютно не преодоленными».³⁶⁴ Тем не менее итоги иркутской встречи внесли новый акцент в российско-японский диалог по проблеме заключения мирного договора, продемонстрировали стремление Москвы искать компромиссные варианты.

---

³⁶³ Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2014. С. 259–261.

³⁶⁴ Асахи симбун. 26 марта 2001 г.

«Все или ничего»

Конец закулисной деятельности вокруг Курил положил пришедший к власти в апреле 2001 г. новый премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми. Уже в своем первом выступлении в японском парламенте он особо подчеркнул, что будет неуклонно добиваться возвращения Японии всех четырех южнокурильских островов. Это означало, что сделанное российской стороной предложение о возможности передачи двух островов было отвергнуто. Критике был подвергнут и японский план ведения переговоров «по двум колеям», то есть отдельно о передаче островов Хабомаи и Шикотан и о принадлежности Кунашира и Итурупа.

Однако тесные контакты российских дипломатов с Судзуки и его помощниками продолжались до тех пор, пока в Японии вокруг этого дельца от политики не разразился небывалый по масштабам коррупционный скандал, вовлекший в себя как предпринимателей, так и немало чиновников японского МИД. И лишь после этого, поняв, наконец, с кем оно имело дело, российское руководство несколько охладело к закулисным контактам с японскими политиками. Более того, было принято решение продемонстрировать твердую позицию в отношении японских притязаний на дальневосточные земли России. С молчаливого согласия, а может быть и по инициативе Кремля, 18 марта 2002 г. в Государственной думе РФ были проведены открытые слушания «Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности». Слушания были организованы совместно Комитетом по безопасности, Комитетом по международным делам и Комитетом по геополитике, в которых преобладали лояльные правительству депутаты.

По итогам слушаний были приняты «Рекомендации», направленные президенту, правительству и органам государственной власти Российской Федерации. В них, в частности, указывалось: «Исходя из юридического, исторического и морального обоснования принадлежности южных Курильских островов, а также принимая во внимание их исключительную важность с геополитической, военно-стратегической, морально-политической и экономической точек зрения, участники парламентских слушаний заявляют о том, что так называемый территориальный вопрос нашел свое законное и справедливое решение по итогам Второй мировой войны, закрепленное соответствующими международными соглашениями, и в повестке дня российско-японских отношений стоять не должен».

Участники слушаний выразили свое убеждение в том, что «мирный договор с Японией ценой территориальных уступок России неприемлем». Было предложено, чтобы глава государства ориентировал МИД России на отказ от бесплодных переговоров и на заключение с Японией всеобъемлющего Договора о добрососедстве и сотрудничестве.

Какой-либо публичной реакции президента на это обращение не последовало. Более того, высокопоставленный представитель МИД РФ поспешил заверить японцев, что Москва «будет и дальше продолжать переговоры с Токио по поводу четырех островов». Это позволило министру иностранных дел Японии Ёрико Кавагути высказать мнение о том, что «позиция российского правительства отличается от позиции Думы» и следует «доверять заявлениям Правительства России о его готовности обсуждать все вопросы, связанные с переговорами о мирном договоре двух стран».³⁶⁵

Складывается впечатление, что цель проведения парламентских слушаний и формулирования депутатским корпусом жесткой отрицательной позиции в отношении притязаний на Курильские острова заключалась, с одной стороны, в том, чтобы подтолкнуть токийских политиков к осознанию бесперспективности выдвижения заведомо неприемлемых для России требований «возвращения всех четырех островов», а с другой – продемонстрировать, что даже в такой неблагоприятной обстановке внутри страны российское руководство не отказывается от

---

³⁶⁵ The Japan Times. March 20. 2002.

намерения заключить с Японией мирный договор на определенных компромиссных условиях. Однако сигналов о том, что эти цели достигнуты, из Токио не поступало.

В августе 2002 г. российскому президенту, находившемуся на Дальнем Востоке для встречи с руководителем КНДР Ким Чен Иром, пришлось ответить на прямо поставленный журналистами вопрос о территориальных претензиях Японии. Тогда Путин ограничился высказыванием о том, что «Япония считает Южные Курилы своей территорией, в то время как мы считаем их нашей территорией». Сообщения же средств массовой информации о намерении Москвы «возвратить» эти территории были названы «только слухами».

В это же время совершал поездку по Сахалинской области Председатель Совета Федерации Сергей Миронов, неоднократно заявлявший о полном совпадении своих взглядов с политическими позициями президента Путина. Не будучи связанным дипломатическими условностями и какими-то ни было обязательствами перед японцами, этот политик счел необходимым развеять иллюзии по поводу возможности отторгнуть от России Курильские острова. Он заявил на встрече с руководством области: «Позиция России по вопросу территориальной целостности и существующих на Дальнем Востоке границ, в том числе и Сахалинской области, неоспорима. Я полностью поддерживаю эту точку зрения и исхожу из того, что так называемый территориальный вопрос о принадлежности островов Сахалинской области нашел свое законное и справедливое решение по итогам Второй мировой войны, закрепленное соответствующим соглашением... Сахалинские законодатели правильно делают, когда выступают с законодательными инициативами по укреплению территориальной целостности Российской Федерации, и Совет Федерации поддерживает их инициативу в этом направлении».

Тем временем дипломатические ведомства двух стран стали готовить визит в Москву премьер-министра Японии Коидзуми. Озабоченный проблемами отношений с КНДР, японский лидер возлагал определенные надежды на посредничество России в разрешении японо-северокорейских проблем. Это побудило его несколько ослабить риторику по территориальному спору. Готовясь к поездке, он позволил себе весьма примечательное высказывание о том, что у Японии и России «гораздо больше сфер сотрудничества, чем конфронтации». Затем Коидзуми довольно определенно дал понять, что нерешенность территориальной проблемы не должна быть причиной отказа от сотрудничества с Россией. Такая позиция в известной степени нашла отражение в ходе состоявшихся 10 января 2003 г. переговоров руководителей двух стран в Кремле.

Как и ожидалось, никаких «прорывов» по территориальному вопросу не состоялось. В совместное заявление по итогам визита было внесено положение о «решимости посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи». Хотя южнокурильские острова вновь фигурировали как объект спора, данная запись не выходила за рамки ставшего традиционным при встречах лидеров двух стран «меморандума о намерениях». И уж конечно, из нее не следовало, что в результате «энергичных переговоров» все указанные территории должны перейти к Японии.

На январском российско-японском саммите территориальный вопрос хотя и поднимался, но центральным не стал. И этому есть объяснение. В условиях, когда обострилась ситуация на Корейском полуострове, шла война на Ближнем Востоке, в японских политических и деловых кругах появились настроения в пользу расширения сотрудничества с Россией в области обеспечения безопасности, поставок российских энергоносителей и др. Среди здравомыслящих политиков и представителей бизнеса хотя и медленно, но формировалось понимание того, что в перспективе Россия может стать привлекательным деловым партнером. Не выпадало из поля зрения японских аналитиков и то, что на фоне весьма скромного торгово-экономического обмена с Японией Россия быстро и успешно расширяет деловое сотрудничество с КНР, Республикой Корея, Индией, странами АСЕАН, стремится активно участвовать в работе АТЭС,

формировании Восточноазиатского сообщества. Не желая, как говорят японцы, «опоздать на автобус», деловой мир этой страны смелее, чем прежде, стал идти на капиталовложения в российскую экономику, создание в России своих предприятий.

Это не на шутку обеспокоило тех японских политиков, для которых главным в отношениях с Россией является «дожимание» российского руководства по вопросу о Курилах и демонстрация твердости японской позиции. Ими 25 марта 2003 г. была учреждена так называемая «Парламентская ассоциация за возвращение северных территорий», целью которой было объявлено «скорейшее возвращение Россией Японии островов Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан».

Новая провокационная затея части японских парламентариев заставила российское внешнеполитическое ведомство в отличие от прошлых лет занять принципиальную позицию. Российская сторона, заявили тогда в МИД РФ, «считает этот шаг группы японских законодателей недружественным, контрпродуктивным и идущим вразрез с позитивными тенденциями, доминирующими в настоящее время в российско-японских отношениях».

В период начавшейся в России подготовки к выборам в Государственную думу, а затем и к избранию президента японское правительство воздерживалось от излишнего нагнетания страстей по поводу Курил, понимая, что это может спровоцировать российских политиков, стремившихся демонстрировать патриотизм и защиту российских интересов, на ужесточение позиции в отношении территориальных притязаний Японии. Официальный Токио решил дожидаться переизбрания Путина на второй срок, рассчитывая, что, будучи уже не связанным последующими выборами, он сможет пойти на смелые волевые решения по «окончательному разрешению проблемы». Известный российский японовед профессор Игорь Латышев так описал тогдашнюю ситуацию: «Хотя сам Путин нигде, ни разу в своих официальных заявлениях не подтвердил эту версию (о готовности передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. – *Примеч. авт.*), тем не менее японские политологи были склонны видеть в его молчании некий скрытый знак согласия, а в самом Путине были склонны видеть тайного друга, лишь ждущего момента, когда его политический вес станет достаточно велик, чтобы пойти наперекор отношению российской общественности к японским притязаниям на Курилы. Именно в лице Путина видели японские аналитики такого политика, который способен был решить территориальный спор на приемлемых для Японии условиях, а именно путем передачи японцам требуемой ими части Курильского архипелага».³⁶⁶

Справедливости ради следует заметить, что не все японские специалисты по России были столь оптимистичны. Наиболее искушенные аналитики предупреждали, что максимум, чего можно ожидать от Путина, – это согласие вернуться к условиям 1956 г. Так, например, упоминавшийся выше профессор Кимура, оценивая сделанное Путиным в беседе с премьер-министром Коидзуми в дни празднования 300-летия Санкт-Петербурга замечание о том, что тот «не собирается топить территориальный вопрос в болоте», открыто подверг сомнению искренность российского президента, употребив слова «риппу сабису», что даже в облегченном варианте можно перевести как «мягко стелет, да жестко спать».

Отнюдь не воодушевили Токио и слова нового министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова о том, что российская сторона в вопросе о территориях руководствуется положениями российской Конституции, которые необходимо строго соблюдать.

В ответ, в очередную годовщину подписания акта о капитуляции милитаристской Японии – 2 сентября 2004 г., был организован широко освещавшийся японскими СМИ демонстративный «инспекционный осмотр» премьер-министром Коидзуми «японских северных территорий». Причем, в отличие от предшественников, «инспектирование» было осуществлено не с вертолета, а с борта приблизившегося к российским территориальным водам японского сторо-

³⁶⁶ Латышев И. А. Указ. соч. С. 340.

жевика. На состоявшейся после вояжа в сторону российских земель встрече японского лидера с представителями местного населения он объяснил, что данную акцию предпринял «для того, чтобы японский народ глубже осознал: северные территории – это не проблема жителей Хоккайдо, это проблема всей страны». Вместе с тем было подчеркнуто, что «заключения мирного договора с Россией не будет без решения проблемы северных территорий».

И все же Путин выполнил данное Мори обещание. В октябре 2004 г. было обнародовано российско-китайское соглашение, по которому Россия уступала КНР остров Большой на реке Аргунь, остров Тарабарова на реке Амур и часть Большого Уссурийского острова. Площадь переданных Китаю земель составила 337 квадратных километров. Хотя принятое без согласования с местными властями и населением Хабаровского края решение вызвало удивление и недовольство как на Дальнем Востоке, так и в Москве, каких-либо серьезных массовых акций протеста не последовало. Это вселило у российских руководителей надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и на японском направлении.

14 ноября 2004 г., участвуя в напоминающей «ток-шоу» телепрограмме «Апельсиновый сок», министр иностранных дел РФ Лавров без какого-либо очевидного повода вдруг заявил на всю страну: «Мы хотим урегулировать отношения с Японией в полной мере. Для этого важно подписать мирный договор, в рамках которого должна быть урегулирована территориальная проблема... Среди обязательств СССР есть и декларация 1956 года... Как государство-продолжатель мы эту декларацию признаем, но ее реализация требует, чтобы разговаривали две стороны».

Конечно же, это был не экспромт Лаврова, а согласованная с высшим руководством страны акция. Не случайно уже на следующий день на заседании правительства президент Путин, опять-таки без специального повода, похвалил Лаврова за сделанное им накануне телевизионное заявление. В развитие обнародованной министром позиции он сказал: «Мы всегда выполняли и будем выполнять взятые на себя обязательства, тем более ратифицированные документы, но, разумеется, в том объеме, в каком наши партнеры готовы выполнять те же самые договоренности. Пока же, как мы знаем, нам не удалось выйти на понимание этих объемов так, как мы это видим и как это видели в 1956 году». Как в России, так и в Японии эти заявления министра и президента были восприняты не иначе как предложение заключить мирный договор на условиях передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан.

Каковы же были цели столь неожиданных заявлений? Думается, их было несколько. Во-первых, это был зондаж российского общественного мнения, попытка выяснения реакции народа на возможное изъятие части Курильских островов в пользу Японии. Во-вторых, важно было понять, насколько непримирима позиция японского правительства к идее компромисса. Наконец, для Москвы была выгодна ситуация, когда мяч перебрасывался на японскую сторону, и в отсутствии прогресса на переговорах по мирному договору можно было винить Токио. Не случайно представители кремлевской администрации сразу заговорили о том, что, дескать, Россия прошла свою часть пути и теперь дело за Японией.

Реакция в России была весьма бурной. Незамедлительно активизировались противники любых территориальных уступок Японии. С резкими заявлениями выступили видные политики из числа депутатов Государственной думы, волна демонстраций и митингов протеста прокатилась по Дальнему Востоку, особенно на Сахалине и Курилах. Депутаты Сахалинской думы направили в Москву обращение, в котором указывалось: «Мы полагаем, что без предварительного заявления по вопросу о Курильских островах визит Президента РФ в Японию (назначенный на начало 2005 года) является потенциально опасным для России, и просим воздержаться во время этого визита от подписания двусторонних документов, касающихся передачи Курильских островов». Одновременно было опубликовано «Заявление Сахалинского совета общественных организаций» о намерении всеми средствами защитить российские земли. В нем, в частности, говорилось: «Мы заявляем, что в случае проведения переговоров с Японией

по вопросу передачи ей Южных Курильских островов, а тем более в случае подписания договора об их передаче без согласования с населением Сахалинской области, мы оставляем за собой право призвать население к гражданскому неповиновению. Мы заявляем, что в случае передачи Курильских островов Японии мы оставляем за собой право обратиться к Федеральному собранию РФ с требованием об отрешении от должности Президента Путина В. В. по обвинению в государственной измене. Мы призываем политические партии, общественные организации, всех, кто неравнодушен к судьбе России, кто согласен с нами, поддержать нас и проявить свою волю».³⁶⁷ Заметим, что в акциях по отстаиванию Курил принимали тогда участие и местные отделения пропрезидентской «Единой России».

Следует отметить, что телевизионные высказывания российских руководителей по поводу Курильских островов, на наш взгляд, были не до конца продуманы и небезупречны с юридической точки зрения. Они основывались на документе полувековой давности без учета существенных изменений, произошедших за столь продолжительный срок. На это указывалось депутатами Сахалинской областной думы в «Открытом обращении к министру иностранных дел РФ С. Лаврову» (опубликовано 24 мая 2005 г.). В обращении говорится: «В 1956 году не существовало международно признанных 200-мильных экономических зон, исходной точкой отсчета которых являются в данном случае побережья Курильских островов. Таким образом, сейчас в случае передачи территорий объектом передачи уже являются не только и не столько острова, сколько неотделимые от них прилегающие экономические зоны, которые только контрабандных морепродуктов дают на сумму до 1 млрд долларов США в год. Разве появление в мире после 1956 года морских экономических зон не является существенным изменением обстановки?»

В связи с этим заявление Путина о готовности «выполнять взятые на себя обязательства, тем более ратифицированные документы», выглядит в ином свете. Что касается зафиксированного в Совместной декларации 1956 г. обещания передачи на определенных условиях Хабомаи и Шикотана, то здесь, по мнению юристов, могут быть применимы положения Венской конвенции ООН о праве международных договоров (1969 г.). В ней, в частности, предусмотрено, что «основанием для прекращения договора или выхода из него» может стать ситуация, когда «последствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору» (статья 62, пункт 1 «б»). Используя это и другие обстоятельства, депутаты Сахалинской думы поставили вопрос об «отказе от обязательств, данных российской стороной в части 2-й статьи 9-й Совместной декларации». Если ссылки на изменившиеся обстоятельства признать правомерными, поддержанное президентом Путиным предложение министра иностранных дел Лаврова будет выглядеть уже не как «выполнение обязательств», а как жест доброй воли, причем весьма щедрый.

Однако в Японии этот жест не был оценен. 16 ноября 2004 г. премьер-министр Коидзуми высокомерно заявил: «До тех пор, пока ясно не определится принадлежность Японии всех четырех островов, мирный договор заключен не будет... Этот курс правительства останется неизменным». Такой бескомпромиссный «курс» совпадает с позицией японских правых сил, которые открыто объявляют: «В настоящее время вопрос с японской стороны стоит принципиально: возврат всех северных островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп или – ни одного». И это при том, что по опросам общественного мнения около трети японцев заявляют об «отсутствии необходимости упорно цепляться за возвращение территорий». Даже в «центре движения за возвращение северных территорий» хоккайдском городе Нэмуно, где проживает большинство выходцев с Южных Курил, 42 % населения соглашается на частичную передачу островов или на совместное владение ими.

³⁶⁷ См.: Южно-Сахалинск сегодня. 15 ноября 2004 г.

Свой ответ на объявленную непримиримую позицию японского правительства Путин дал 23 декабря 2004 г. во время большой пресс-конференции в Кремле. Тогда, отвечая на вопрос японского журналиста, он, в частности, сказал: «...Когда вы мне сегодня говорите: мы два острова не хотим, мы хотим четыре – для меня это несколько странно. Зачем было ратифицировать тогда?.. Если Япония ратифицировала эту Декларацию, почему сейчас японская сторона поднимает снова вопрос о четырех островах?»

Несмотря на отказ российского президента выходить за рамки Совместной декларации 1956 г., прибывший в середине января 2005 г. в Москву министр иностранных дел Японии Нобутака Матимура продолжал упорно настаивать на том, что только «четкое заявление обеих сторон о принадлежности всех четырех островов Японии» позволит его стране пойти на подписание мирного договора. Хотя на пресс-конференции по итогам переговоров министр иностранных дел Лавров по поводу территориального спора ограничился заявлением о том, что «наши позиции на этот счет расходятся, они противоположны», как стало известно потом, между руководителями внешнеполитических ведомств двух стран произошел весьма нелицеприятный разговор. Одна из японских центральных газет сообщала: «В ответ на требование Матимур министр иностранных дел Лавров ясно сказал, что он намерен в дальнейшем вести переговоры на основе Совместной декларации... Если же Япония не захочет видеть окончательное решение вопроса в возврате ей двух островов, то тогда наш ответ будет нулевым...»

В сложившейся обстановке российская сторона благоразумно решила не спешить с визитом президента в Японию, тем более в период 150-й годовщины подписания Симодского трактата, по которому входившие в состав Российской империи Южные Курилы ради установления дипломатических и торговых отношений отходили к Японии.

Видимо осознав бесперспективность дальнейших переговоров с целью нахождения взаимоприемлемого компромисса, президент Путин решил расставить точки над *i*, внеся, наконец-то, ясность в позицию Кремля по поводу Курильских островов. Незадолго до официального визита в Японию, во время проведенной 27 сентября 2005 г. телевизионной «Прямой линии» он со всей определенностью заявил, что Курильские острова «находятся под суверенитетом России, и в этой части она не намерена ничего обсуждать с Японией... Это закреплено международным правом, это результат Второй мировой войны».

Заявление произвело в Японии эффект разорвавшейся бомбы. Токио был обескуражен тем, что в высказывании Путина на сей раз не был упомянут даже так называемый «компромиссный вариант» по поводу двух островов. Смоленской площади пришлось объясняться – дипломатам было поручено растолковать японским журналистам существо фактически новой позиции российского руководства. Она, как выяснилось, состоит в том, что правительство Японии сначала должно подписать мирный договор, в котором был бы официально подтвержден суверенитет Российской Федерации над всеми четырьмя южнокурильскими островами, и только после этого российская сторона сможет вступить в переговоры о принадлежности островов Хабомаи и Шикотан. Это и был «нулевой ответ», о котором предупреждал своего коллегу министр Лавров.

Хотя горячие головы в Японии стали предлагать в ответ расширить претензии к России, заявив о непризнании правомерности владения ею всем Курильским архипелагом и Южным Сахалином, потребовав выплаты денежных компенсаций переселенным с Южных Курил японцам и их семьям и прочее, руководители страны в обстановке фактического прекращения контактов на высшем уровне с правительствами КНР и Республикой Корея, не говоря уж о КНДР, постарались избежать ухудшения отношений еще и с Россией. Поэтому состоявшийся в ноябре 2005 г. непродолжительный визит президента РФ Путина в Японию внешне был обставлен как дипломатическое мероприятие с целью продолжения обмена мнениями по двусторонним и международным вопросам. Однако в действительности произошло качественное изменение характера обсуждения вопроса о заключении мирного договора. Если при Горбачеве и Ель-

цине японское правительство позволяло себе насаждать на партнеров по переговорам, открыто требовать необоснованных уступок, то теперь, столкнувшись с принципиальной позицией российского руководства, тактику приходилось менять.

Новым моментом в отношениях стал и неожиданный для японцев отказ российской стороны подписывать и публиковать совместное заявление по итогам визита. Для японского правительства это было небывалое ранее фиаско – ведь в таких совместных заявлениях из раза в раз Токио добивался фиксации согласия сначала Горбачёва, а затем Ельцина вести переговоры о принадлежности Курильских островов, тем самым в нарушение Конституции РФ подвергая сомнению их принадлежность России. Отказавшись подписываться под выгодными японцам формулировками ельцинского периода, Путин, таким образом, еще раз подтвердил серьезность своего заявления о нежелании обсуждать вопрос о суверенитете Курильских островов. Вместе с тем в Токио им вновь было заявлено о готовности к совместному поиску взаимоприемлемых условий, на которых можно было бы подписать мирный договор. Судя по последующим высказываниям российского президента, он продолжает верить в такую возможность. Так, 9 сентября 2006 г. во время проходившей в Ново-Огарево встречи с иностранными политиками он говорил: «С Японией нам бы хотелось урегулировать все наши спорные вопросы, в том числе территориального характера. Мы не хотим их консервировать – мы искренне хотим решать, но на приемлемых условиях и для России, и для Японии».

Хотя президент Путин продолжал допускать разрешение территориального спора путем возврата к положениям Совместной декларации 1956 г., на тот момент как в Японии, так и в России отсутствовали политические и, что еще важнее, психологические условия для согласия даже на такой компромисс. Ведь согласно проходившим в нашей стране опросам общественного мнения, против передачи Японии как четырех, так и двух островов выступило подавляющее большинство граждан России. По данным проведенного ВЦИОМ в октябре 2005 г. опроса, о своем несогласии с уступкой Японии Южных Курил выступали 73 процента опрошенных и только 2 процента считали это допустимым. Эти цифры были опубликованы накануне визита президента РФ в Японию и, по всей видимости, были должным образом учтены.

С другой стороны, японские политики уже давно стали заложниками искусственно созданной в годы холодной войны «территориальной проблемы» и, даже если бы захотели, не смогли бы ни на шаг отойти от заостренней позиции. Это подтверждает пример с немедленным дезавуированием и осуждением осторожного допущения министром иностранных дел Японии Таро Асо возможности ограничить требования к России тремя южнокурильскими островами.

От конфронтации к сотрудничеству

На протяжении многих лет японское правительство стремилось использовать заинтересованность Москвы в развитии торгово-экономического сотрудничества с Японией для достижения своих политических целей. Во времена Горбачёва и Ельцина с различными вариациями Токио применял принцип «нераздельности политики и экономики». Японские лидеры открыто заявляли, что широкое экономическое сотрудничество с Россией возможно только при разрешении в полном объеме в пользу Японии территориальной проблемы. Расчет делался на то, что в обстановке дальнейшего обострения экономического и финансового кризиса в России руководство этой страны рано или поздно будет вынуждено идти на поклон к Японии, пересматривать свою политику в отношении японских территориальных требований. Как показано выше, эта тактика приносила определенные плоды. В нашей стране было сформировано хотя и малочисленное, но весьма активное «японское лобби», которое убеждало российское руководство идти на уступки требованиям Токио ради получения материальных благ – финансовых займов, кредитов и инвестиций.

Однако в действительности пассивность японского бизнеса в отношении России объяснялась не столько нерешенностью территориальной проблемы, сколько отсутствием в России привлекательного инвестиционного климата. Политическая нестабильность, законодательная чехарда, повсеместная коррупция, разгул организованной преступности – все это отпугивало японских бизнесменов, привыкших к понятным и безопасным правилам ведения международной торговли и экономического сотрудничества с зарубежными государствами. Россия негласно была объявлена «зоной повышенного риска для бизнеса», страной, где могли преуспеть не солидные инвесторы, а различного рода международные спекулянты и авантюристы.

Подтверждением вышесказанному является то, что как только в России приступили к наведению элементарного порядка в отношении условий работы на российском рынке иностранных компаний, японский крупный капитал не пожелал оказаться обойденным на этом рынке корпорациями других стран. Позитивные изменения в российской экономике способствовали оживлению двусторонних деловых связей и прежде всего росту востребованности российского рынка японским бизнесом для наращивания сбыта своей продукции.

Качественные подвижки в инвестиционной политике Японии в России начали проявляться в 2005–2006 гг. в связи с принятыми в этот период решениями корпораций «Тойота» и «Ниссан» о строительстве крупных сборочных предприятий в Ленинградской области. За ними последовали японские автомобилестроительные компании «Судзуки», «Исудзу», «Мицубиси моторс». Заявили о своем желании создать свои предприятия в России и выпускающие дорожно-строительную технику компании «Комацу» и «Хитати».

Нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, откуда Япония импортирует 80 % необходимой ей нефти, заставила японский крупный бизнес искать пути диверсификации источников углеводородного топлива. В связи с этим японские компании возлагают немалые надежды на сотрудничество с российским топливно-энергетическим комплексом. Были запущены нефтегазовые проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2», рассматривались возможности инвестиционного участия в освоении якутских нефтегазовых и угольных месторождений, программах энергосбережения на предприятиях российского ТЭК, в сфере атомной энергетики.

Японские власти и бизнес заявляли о своей заинтересованности в скорейшем сооружении нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», что позволит значительно расширить импорт российских углеводородов. В обстановке, когда не удалось подписать межправительственное соглашение о сотрудничестве в осуществлении этого проекта, велись переговоры об участии японских компаний в строительстве нефтепровода. Японские компании проявили

интерес к участию в геологоразведочных и нефтегазодобывающих проектах, в особенности в Иркутской области.

По данным ученых, в России сконцентрировано 30 % мировых запасов угля, причем более 60 % российских запасов угля находятся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Среди этих запасов имеются месторождения, уголь которых уже сейчас экспортируется или перспективен для экспорта в страны Северо-Восточной Азии, в том числе в Японию. Немалые возможности и в развитии международной кооперации в части разработки и реализации современных технологий преобразования угля в жидкое и газообразное топливо.³⁶⁸

Весьма перспективным может стать проект модернизации Транссибирской железнодорожной магистрали. В этом весьма заинтересованы японские концерны, возводящие свои заводы в Европейской части России. Эффективное использование российских железных дорог позволило бы экономить время и значительные средства при доставке на эти заводы комплектующих деталей и необходимого оборудования. Модернизация Транссибирской магистрали и вследствие этого ее большая загрузка выгодна и для экспортно-импортных грузоперевозок между восточноазиатскими и европейскими государствами.

Успешно работали на российском рынке и японские предприятия, выпускающие товары широкого потребления. В Калининграде корпорация «Мацусита дэнки сангё» выпускала плоские телевизоры на жидких кристаллах, на территории России было налажено производство японских табачных изделий и пива.

Важно отметить, что, в отличие от прошлых лет, Россия стала проявлять заинтересованность не столько в японских инвестициях, финансовых вливаниях, сколько в приобретении на взаимовыгодных условиях японских технологий для осуществления инновационных проектов по модернизации российской экономики. Это, конечно, не исключает соглашений о предоставлении долгосрочных кредитов для финансирования различных проектов в России. Этому был призван содействовать Российско-японский инвестиционный форум, собирающийся поочередно в России и Японии.

Способствовал расширению торгово-экономических связей и приход на российский рынок ведущих банковских холдингов Японии и страховых компаний. В Москве начал работать второй по величине активов в Японии холдинг «Мидзухо», финансовая корпорация «Номура сёкэн» и ведущие страховые компании. С другой стороны, некоторые российские банки изучали возможность выхода на японский рынок – второй по величине финансовый рынок планеты.

Позитивные явления в российско-японских торгово-экономических отношениях с удовлетворением отмечали японские дипломаты. Так, тогдашний посол Японии в России Ясуо Сайто, подводя промежуточные итоги, говорил: «Объем товарооборота в 2005 году впервые превысил 10 миллиардов долларов, а в 2006 году достиг 13,7 миллиарда. В этом (2007) году высока вероятность, что падет планка в 20 миллиардов. Когда я приехал в вашу столицу, в Японский бизнес-клуб в Москве входило 130 японских компаний, сейчас их 169, и каждый месяц становится больше в среднем на две компании».³⁶⁹

Видимо, возымели эффект и слова бывшего Председателя Правительства Российской Федерации М. Е. Фрадкова, который при посещении Японии с официальным визитом в феврале 2007 г., обращаясь к представителям крупного бизнеса этой страны, заявил: «Сейчас риска инвестировать в Россию нет, есть риск потери прибылей из-за боязни инвестировать в Россию».³⁷⁰

---

³⁶⁸ Отчет о 5-м японо-российском форуме. Токио, 2007. С. 215.

³⁶⁹ Эксперт. № 47. 2007. С. 136.

³⁷⁰ Отчет о 5-м японо-российском форуме. С. 210.

В результате заметного повышения активности японского бизнеса на российском рынке товарооборот двух стран достиг уровня, сопоставимого с товарооборотом Японии и Франции. Однако доля России в общем объеме внешней торговли Японии в 2006 г. составила лишь 1,1 %, а удельный вес Японии во внешнеторговом обороте России – 2,8 %. Для сравнения достаточно сказать, что японский товарооборот с Китаем был в 17 раз больше, чем с Россией. Не могла удовлетворять нашу страну и номенклатура российско-японской торговли, когда в структуре российского экспорта преобладают сырьевые компоненты.

Необходимость совершенствования структуры российско-японских торгово-экономических связей находила понимание в Японии. Посол Сайто отмечал: «...Обе страны взаимно дополняют друг друга. У России богатые природные ресурсы, а у Японии – высокие технологии. Сотрудничество в освоении ресурсов, несомненно, очень выгодно обеим странам. Кроме того, для России, стремящейся к диверсификации структуры промышленности и повышению ее добавочной стоимости, большой интерес должны представлять технологические мощности и ноу-хау Японии. Россия серьезно заинтересована в освоении Дальнего Востока и Восточной Сибири, а в ходе встречи на высшем уровне в июне этого года Япония предложила "Инициативу по укреплению японо-российского сотрудничества в регионах Дальнего Востока и Восточной Сибири". Этот документ затрагивает сферы интересов обеих стран в различных областях, включая энергетику, транспорт, информацию и связь, охрану окружающей среды, обеспечение безопасности и так далее. Президент Владимир Путин на встрече на высшем уровне в сентябре заявил, что Россия также хотела бы вести освоение Дальнего Востока и Восточной Сибири в сотрудничестве с Японией».³⁷¹

Такое сотрудничество во многом способствовало бы осуществлению принятой 15 июня 2007 г. правительством РФ «Восточной программы» развития азиатской части страны. На состоявшихся в декабре 2007 г. переговорах делегации Газпрома с японскими партнерами стороны отметили значительные перспективы взаимодействия в рамках этой программы. В частности, особое внимание было уделено сотрудничеству в области развития на Востоке России газоперерабатывающих и газо-химических производств и маркетинга произведенной продукции.³⁷²

Идея необходимости разумного баланса дипломатического диалога и экономического сотрудничества постепенно овладевала и умами японских политиков высшего звена. Японский политический истеблишмент начинал сознавать, что использование экономического сотрудничества в качестве политического инструмента для оказания давления на российское руководство в новых условиях возрождения России не даст ожидаемых результатов. Подкрепляемый реальной политикой курс на восстановление России в качестве одной из великих держав убеждал официальный Токио в необходимости отказываться от принципа «неразрывности политики и экономики». В своей программной речи тогдашний премьер-министр Японии Ясуо Фукуда высказался за выведение отношений с Россией на «высокий уровень». «Чтобы поднять отношения с Россией на высокий уровень, – заявил он в своем выступлении в парламенте, – мы будем активизировать с ней переговоры о территориях и вместе с тем развивать связи в широком круге областей».

Развивая эту позицию премьер-министра, министр иностранных дел Масахико Комура назвал Россию «важной соседней страной» и высказался за построение с ней отношений «стратегического партнерства». «С важной соседней страной Россией, – сказал министр, – мы будем вести переговоры на основе решительного стремления добиться прогресса по вопросу о северных территориях. Вместе с тем мы будем прилагать усилия к развитию отношений в широком

³⁷¹ Эксперт. № 47. С. 137.

³⁷² Finam.ru. 21.12.2007.

круге областей, стремясь к построению стратегического партнерства путем усиления сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Дальний Восток и Восточную Сибирь».

Отмечалось, что «в Токио обратили внимание на то, что глава МИД указал на готовность подходить к отношениям с Россией в рамках своей азиатской дипломатии, которую нынешний кабинет министров считает важнейшим направлением внешней политики Японии. Речь идет о готовности сотрудничать не только по вопросам обеспечения безопасности, но и в решении проблем экологии, развития новых связей в сферах торговли, инвестиций и технологий».

Контакты сменившего Путина на посту президента РФ Дмитрия Медведева с японскими руководителями характеризовались стремлением продолжить поиск путей разрешения существующих противоречий на основах взаимопонимания и уважения позиций и интересов друг друга. К этому времени обозначился интерес японского крупного бизнеса к развитию торгово-экономических связей с Россией. Это соответствовало и интересам российского руководства, которое призывало развивать политические и экономические отношения параллельно, не связывая их между собой, как это делалось прежде. Как отмечалось выше, на протяжении десятилетий японское правительство открыто провозглашало принцип «неразрывности политики и экономики», заявляя, что полнокровное экономическое сотрудничество с СССР, а затем с Россией, возможно только после удовлетворения японских претензий на Курильские острова.

Однако такое поступательное развитие торгово-экономических связей двух соседних стран оказалось не по нраву тем силам в Японии, которые продолжали настаивать на необходимости использовать заинтересованность России в экономическом сотрудничестве для усиления давления на Москву по «территориальному вопросу». Принадлежащие к правому крылу японского политического истеблишмента экспертные группы и общества регулярно направляли в правительство «рекомендации», в которых призывали не поддерживать крупные проекты с Россией, увязывать такую поддержку с конкретными уступками Москвы в вопросе о принадлежности Курил. Они фактически отвергали постулат о том, что именно широкие торгово-экономические и культурные связи создают необходимый политический климат, при котором возможны какие-либо подвижки в политических вопросах, особенно таких психологически тонких, как территориальные. Эти мысли пытался довести до сменившего Фукуда премьер-министра Таро Асо президент Медведев, пригласивший в феврале 2009 г. своего японского коллегу на Сахалин на церемонию открытия сооруженного с участием японского капитала завода по сжижению природного газа. Видимо желая привнести какой-то элемент новизны в российскую позицию, президент предложил поиск «нестандартного решения» пограничного вопроса. Скорее всего, это был намек на то, чтобы подумать о возможности компромиссного разрешения противоречий.

Японский премьер это понял и устами спецпредставителя правительства, бывшего первого замминистра иностранных дел Сётаро Яти, предложил решение, которое можно назвать «арифметическим». Была выдвинута идея сложить площади «спорных островов» и поделить полученную сумму пополам. По японским расчетам, в этом случае к Японии должны были отойти острова Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан, весь остров Кунашир и около четверти острова Итуруп. При этом Россия лишалась не только островов, но и омывающих их 200-мильных экономических зон и имеющих важное военно-стратегическое значение глубоководных проливов. Естественно, российское руководство не могло согласиться с таким «разделом», тем более что для его основания не существует никаких юридических оснований.

В обстановке приближавшихся всеобщих парламентских выборов премьер-министр Таро Асо решил заявить о себе и своей партии как твердых поборниках интересов Японии. Отбросив дипломатический, этикет, он сделал в мае 2009 г. в парламенте заявление о том, что южная часть Курильских островов якобы находится под «оккупацией России». Необходимо подчеркнуть, что формулировка «незаконная оккупация северных территорий» – это пропагандистское клише из арсенала японских националистических организаций. Обычно офици-

альные лица Страны восходящего солнца, тем более премьер-министры и министры, избегали подобных высказываний. Это был явный вызов, не отвечать на который было невозможно.

Ответ был дан 29 мая 2009 г. во время церемонии вручения в Кремле верительных грамот вновь прибывшими в российскую столицу зарубежными послами, среди которых был и новый чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Масахару Коно. В своем приветственном слове российский президент Медведев довольно твердо заявил: «Мы стремимся к новому качеству взаимовыгодного партнерства с Японией, но не можем не отметить попытки японской стороны поставить под сомнение суверенитет России над Курильскими островами. Такие действия, конечно, не способствуют продолжению переговоров, на них следует обратить внимание. Надеюсь, что в Токио адекватно оценят ситуацию и сделают правильные выводы по этому поводу».

Однако внутренние интересы токийских политиков возобладали над соображениями дипломатии. Демонстрируя избирателям свою «непримиримость и твердость» в отношении России по территориальному вопросу, депутаты японского парламента, причем как правящих, так и оппозиционных партий, пошли на явно провокационную акцию. В июне – июле сначала нижняя, а затем верхняя палаты парламента единогласно приняли специальную резолюцию, объявляющую принадлежащие России южно-курильские острова «исконными территориями Японии» и призывающую добиваться скорейшего их «возвращения». Попытка закрепления в законодательном порядке притязаний на входящие в состав РФ согласно Конституции Российской Федерации земли вызвали резкую реакцию российских законодателей, потребовавших от японских коллег дезавуировать этот провокационный документ. В противном случае правительству РФ предлагалось прекратить всяческое обсуждение с официальным Токио проблем территориального размежевания. Однако представители японского МИД ограничились лишь комментарием о том, что-де принятая палатами резолюция не имеет обязательной силы и не должна повлиять на ход японо-российских переговоров по мирному договору.

Естественно, подобные «разъяснения» не могли удовлетворить Москву. МИД РФ предупредил: «Рассматриваем необоснованное нагнетание территориальных требований к России как неуместное, неприемлемое и несоответствующее поиску взаимоприемлемых решений по вопросу заключения мирного договора». Высказался на эту тему и президент Медведев, встретившийся в рамках саммита G8 в итальянском городе Л'Аквила с премьер-министром Японии Таро Асо. Внимание японской стороны было обращено на то, что обсуждение такой сложной и важной темы, как заключение мирного договора и территориальная проблема, должно проходить в соответствующей атмосфере. А эта атмосфера, по оценкам российской стороны, «в последнее время не сильно улучшилась, и даже наоборот, ряд шагов привел к всплеску эмоций».

Эмоции японских политиков подогревались правыми силами страны, которые усилили критику правительства за развитие торгово-экономических отношений с Россией при условиях отсутствия какого-либо прогресса в вопросе о «северных территориях». В условиях острой предвыборной борьбы, как это бывало не раз в прошлом, тема претензий на Курильские острова в равной степени использовалась обеими противоборствующими сторонами.

В августе 2009 г. на парламентских выборах в Японии победила Демократическая партия, новым премьер-министром страны стал Юкио Хатояма. С этим политиком в России связывали определенные надежды на более реалистичный подход к проблемам, по которым позиции не совпадают. Принималось во внимание то, что дед нового японского лидера в бытность в 1956 г. премьер-министром восстановил японо-советские дипломатические отношения, а его новоизбранный на высший государственный пост внук, возглавляя до последнего времени Общество «Япония – Россия», вносил немалый вклад в расширение двусторонних связей. В Москве с удовлетворением восприняли объявленную Хатояма в парламенте политическую платформу, в которой провозглашались партнерские отношения Японии с Россией. В посвященной нашей

стране части выступления отмечается: «Если говорить о японо-российских отношениях, то я намерен продвигать вперед и политические, и экономические отношения, как “два колеса одной телеги”, и активно работать над тем, чтобы подписать мирный договор, окончательно разрешив вопрос о северных территориях – главный нерешенный вопрос между нашими странами. Также, рассматривая Россию как партнера в Азиатско-Тихоокеанском регионе, я намерен и в дальнейшем укреплять отношения сотрудничества».³⁷³ Однако, как показали последовавшие события, это была в значительной степени личная позиция премьера-демократа.

---

³⁷³ Посольство Японии в России. <http://www.ru.emb-japan.go.jp>

Глава девятая. Курильский пинг-понг. Затянувшаяся партия

«Непозволительный произвол» Медведева

Как показали первые шаги японского правительства демократов, в нем существовали различные подходы к территориальным проблемам с соседними государствами – Россией, КНР, Республикой Корея и КНДР. Часть министров, включая премьер-министра Юкио Хатояма, понимали, что, объявляя приверженность идее создания Восточноазиатского сообщества, не следует искусственно нагнетать страсти вокруг противоречий по вопросам границ. Однако занимавшие ключевые министерские посты политики для демонстрации своей патриотичности и твердости в отстаивании интересов государства были склонны продолжать «прессинговать» российское правительство, открыто требуя уступок. Зная, что российское руководство решительно отвергает обвинения в «незаконном владении Курилами», они тем не менее пошли на очередную политическую провокацию. В конце 2009 г. было обнародовано правительственное заявление о том, что южнокурильские острова «находятся под оккупацией России».

Столь грубая фальсификация истории и откровенные притязания на законно включенные в состав СССР/России земли подпадают под понятие «реваншизм», что в данном случае означает «стремление к пересмотру результатов поражения в прошлом, к возвращению потерянных в войне территорий». Поэтому вполне уместна была жесткая реакция российского руководства на подобные попытки произвольно в одностороннем порядке подвергнуть ревизии закрепленные международными соглашениями итоги Второй мировой войны. В направленной 24 ноября 2009 г. в МИД Японии официальной ноте МИД РФ, в частности, говорилось: «В Москве обратили на упомянутый шаг правительства Японии самое серьезное внимание. Считаем необходимым подчеркнуть, что Южные Курильские острова являются неотъемлемой частью территории Российской Федерации на законных основаниях по итогам Второй мировой войны в соответствии с имеющими обязательную юридическую силу для Токио соглашениями и договоренностями между союзными державами, а также Уставом ООН, который ратифицирован Японией. Одобрение японским правительством документа, воспроизводящего вышеуказанную формулировку, не может быть расценено иначе, как неприемлемое».³⁷⁴

Занятая японским правительством позиция делала бесперспективными переговоры о заключении между двумя странами мирного договора, о необходимости которого постоянно говорит Токио. Это сознавали не только политики, но и подавляющее число граждан нашей страны. По данным проведенного в 2009 г. ВЦИОМ опроса, 89 % ответивших выступили против территориальных уступок Японии. При этом 79 % заявили, что пора перестать обсуждать этот вопрос. Важно было и то, что 63 % ответили, что их отношение к тогдашнему президенту РФ Дмитрию Медведеву изменится в худшую сторону в случае уступки Курил Японии.³⁷⁵

После неудачных попыток предложить правительству Японии, как тогда считалось, взаимоприемлемый вариант разрешения противоречий по вопросу территориального размежевания, а именно фактическое согласие Владимира Путина реанимировать «хрущевский компромисс», в Кремле решили ужесточить позицию. Это проявилось во время приветственной речи президента Д. Медведева на церемонии вручения верительных грамот вновь назначенными послами иностранных государств, среди которых был и новый посол Японии Масахару Коно.

---

³⁷⁴ Россия. № 45. 2009 г. Ноябрь.

³⁷⁵ <http://rosbalt.ru/2009/07/24/657879.html>

В следующем 2010 г. было сообщено о предстоящей рабочей поездке президента РФ в Сахалинскую область с посещением одного из Курильских островов. Целью поездки объявлялась проверка хода осуществления Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов на 2007–2015 годы». До этого ни советские, ни российские высшие должностные лица Курильские острова не посещали.

Премьер-министр Японии Наото Кан открыто призвал Медведева отказаться от поездки на Курилы, поскольку Япония считает эти острова своей территорией. Не обошлось и без угроз – глава японского МИД Сэйдзи Маэхара добавил, что запланированная поездка Медведева негативно скажется на японо-российских взаимоотношениях, и японская сторона должна будет дать решительный отпор.

Посольству Японии в Москве было поручено довести до российского руководства о том, что Токио считает абсолютно неприемлемой поездку президента Д. Медведева на Курилы. Однако МИД РФ решительно пресек попытки оказывать давление на Россию. Заместитель министра иностранных дел РФ А. Бородавкин заявил вызванному в МИД РФ японскому послу М. Коно, что попытки Японии влиять на выбор президентом РФ Д. Медведевым маршрутов своих поездок по территории России абсолютно неприемлемы и несовместимы с добрососедским характером российско-японских отношений.³⁷⁶

1 ноября 2010 г. президент РФ Дмитрий Медведев прибыл на остров Кунашир. Представляя поездку как сугубо внутреннее дело российского государства, он, не комментируя японские протесты, написал в микроблоге: «Обязанность президента – контролировать развитие всех регионов России, в том числе самых отдаленных... Сегодня впервые посетил Курилы. Поговорил с людьми, посетил геотермальную станцию... Как много в России красивых мест!»

Сопровождавший Медведева полпред президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Виктор Ишаев в интервью для СМИ сообщил, что надеется на посещение главой государства и других островов Южных Курил – Итурупа и Шикотана. Он сказал: «Не исключаю, что эти поездки (на Южные Курилы) продолжатся. Это такой российский уголок с необычайно красивой природой, который требует постоянного президентского внимания. Уверен, государство уделяло и будет уделять большое внимание развитию Курильских островов». Полпред отметил также доброе и теплое отношение курильчан к приезду президента: «Они, конечно, понимают, что проблем много, но для них посещение островов главой государства – это знаковое событие. Раз президент прилетел к ним, значит, эти острова действительно нужны России».

Ишаев заявил также, что государство вкладывает в развитие Курил значительные средства, отметив, что только за последние три года на острова было направлено более 8 млрд рублей. «По программе "Социально-экономическое развитие Курильских островов Сахалинской области" до 2015 года государством будет выделено еще довольно много средств. Уже сегодня строятся два аэропорта. Один на Кунашире, второй аэропорт на Итурупе, возводятся больницы, школы, жилье. Уровень безработицы на Курильских островах ниже, чем в среднем по России, более чем в два раза, снизился и отток населения, а средняя заработная плата около 30 тысяч рублей. То, что сегодня реально реализуется на островах, – это заметно», – сообщил полпред.

Отвечая на вопрос о нервном отношении к поездке президента в японской столице, полпред ответил, что реакция отдельных японских политиков на посещение президентом России Курильских островов «не есть точка зрения всех японцев». «Я знаю многих японских бизнесменов, и крупных, и средних, которые хотят сотрудничать с Россией, они понимают эти вещи. Нужно сказать, что и дальневосточники искренне хотят сотрудничать с Японией. Это нормально и нашим отношениям не повредит», – говорил Ишаев.

---

³⁷⁶ <https://ria.ru/world/20101101/291488577.html>

Он подчеркнул, что Россия сделала много шагов навстречу Японии. «Советский Союз в свое время вообще не признавал никаких территориальных претензий японской стороны. Была Вторая мировая война, была безоговорочная капитуляция Японии, и здесь поставлены все точки. Затем Борис Ельцин признал наличие территориального вопроса, и началось его обсуждение. Владимир Путин разрешил безвизовый въезд для японских граждан на острова, разрешил вести определенную хозяйственную деятельность. То есть можно сказать, что целый ряд серьезных шагов был сделан навстречу. Со стороны Японии ничего подобного мы так и не увидели», – делает вывод Ишаев.³⁷⁷

В знак протеста против посещения президентом Медведевым Южных Курил правительство Японии предприняло беспрецедентный в послевоенной истории двусторонних отношений дипломатический демарш. Власти Японии временно отозвали своего посла из России, что в дипломатической практике является одним из высших проявлений недовольства. Ожидалось, что аналогично поступит и Москва, но этого не произошло. Тем самым лишний раз Токио было дано понять, что рабочие поездки российских руководителей различного ранга на Курилы – обычная практика, которая на российско-японские отношения влиять не должна. Тем не менее поездка Д. Медведева на Южные Курилы в 2010 г. стала причиной заметного охлаждения двусторонних отношений. Москва в ответ на японский демарш заявила, что суверенитет РФ в отношении Курил не подлежит пересмотру, а официальные лица будут совершать рабочие поездки независимо от реакции Токио. Вслед за Медведевым Южные Курилы посетили ряд министров правительства России.

Отношения Дмитрия Медведева с японским правительством демократов совсем разладились после того, как премьер-министр Японии Наото Кан в выступлении на митинге, посвященном «возвращению северных территорий», назвал действия российского президента, посетившего вопреки предупреждениям Токио Южные Курилы, «непозволительным произволом», что в России было переведено и как «грубость», и даже «оскорбление». Как российские, так и японские СМИ отметили, что высказывание премьера следует признать «небывало резким».

Ответ последовал немедленно. «Эти выражения явно не дипломатические, они резко контрастируют с той вежливой тональностью, с позитивной тональностью, которая была характерна для встречи премьер-министра Наото Кана и президента Дмитрия Медведева в Иокогаме осенью прошлого года», – заявил министр иностранных дел РФ С. Лавров. Российский МИД вновь подтвердил, что поездки российского президента и высших лиц государства по различным регионам страны – внутреннее дело России. Москва также потребовала провести расследование и принести извинения в связи с надругательством над российским государственным флагом у ворот посольства РФ в Токио, совершенное активистом одной из многочисленных в Японии ультраправых националистических организаций в так называемый «день северных территорий» – 7 февраля.

Однако это требование выполнено не было. При явном попустительстве властей правонационалистические силы Японии продолжали начавшуюся после визита Медведева на Кунашир шумную пропагандистскую кампанию нагнетания недружественных к России и ее руководству настроений. Рупор правых сил, газета «Санкэй симбун», не ограничившись каждодневными антироссийскими, а подчас и антирусскими пасквилями на своих страницах, быстро сострепала целую книгу под деланно гневным заголовком «Кто позволил Медведеву незаконный въезд в (нашу) страну?». В ней совершались нападки не только на власти России за их нежелание «возвращать исконные японские территории», но и клеймилось правительство демократов, не способное-де отстаивать японские требования.³⁷⁸

³⁷⁷ <https://ria.ru/politics/20101102/291658311.html>

³⁷⁸ См.: Дарэ га Мэдобэдэфу о фухо нюококу сасэта ка. (Кто позволил Медведеву незаконный въезд в (нашу) страну?). Токио, 2011.

11 марта 2011 г. на северо-восточное побережье основного острова Японии Хонсю обрушилось сопровождавшееся небывалым цунами землетрясение, повлекшее гибель около 20 тысяч человек. Тысячи были ранены. Жители целых районов потеряли жилье и свое добро. Ситуация чрезвычайно усугубилась, когда в результате природного катаклизма произошла авария на АЭС «Фукусима-1».

Испытавшие трагические последствия чернобыльской трагедии русские люди с искренним сочувствием отнеслись к беде соседнего народа. Президент РФ Д. Медведев первым из лидеров ведущих держав мира направил премьер-министру Японии Н. Кану соболезнование, в котором говорилось: «С душевной болью воспринял сообщения о постигшем Японию стихийном бедствии – сильном землетрясении и цунами, которые унесли человеческие жизни и привели к значительным разрушениям». Президент Медведев подчеркнул, что «Россия готова оказать Японии необходимую помощь в преодолении последствий произошедшей трагедии». Россия оказалась одной из первых стран, предложивших Японии помощь в ликвидации последствий стихийного бедствия. В МИД РФ заявили, что цель России – «помочь японцам справиться с этим кошмаром, а не думать о каких-то прагматичных вещах, хочется верить, что все эти события создадут новую атмосферу в отношениях». И это были не просто слова.

Сбербанк открыл специальный счет для сбора пожертвований и перевел на него 20 млн рублей. В короткие сроки на счет было перечислено около 2 млн долларов США. Посол Японии в России выразил Сбербанку официальную благодарность за помощь пострадавшим от землетрясения в Японии. 22 июня 2011 г. в Москве руководству Сбербанка была вручена благодарственная грамота, подписанная послом Японии в России М. Коно, за пожертвования пострадавшим в землетрясении и цунами. «Посольство Японии в России выражает глубокую благодарность и признательность ОАО «Сбербанк России» за открытие благотворительного счета и внесение пожертвований в поддержку японского народа в период ликвидации последствий разрушительного мощного землетрясения на востоке Японии», – говорилось в грамоте.³⁷⁹

Произошедшая авария заставила японское правительство остановить практически все работавшие на территории страны атомные электростанции, которые производили до 30 % потребляемой в Японии электроэнергии. Для преодоления энергетического кризиса российское правительство заявило о готовности немедленно поставить Японии дополнительные объемы сырья. Речь шла об удвоении поставок нефти и увеличении продажи угля. Газпром был готов нарастить объемы экспорта газа в Японию. Премьер-министр В. Путин призвал ускорить разработку энергетических проектов на Дальнем Востоке, чтобы обеспечить будущий спрос из Японии.³⁸⁰

В Японию были направлены российские спасатели, которые в труднейших условиях, в подверженной радиоактивному заражению зоне разыскивали в завалах возможно еще оставшихся в живых людей. В телефонном разговоре с президентом Медведевым премьер-министр Японии Кан выразил благодарность за помощь в преодолении последствий землетрясения и цунами. Особо был отмечен вклад группы российских спасателей и прибывших в Японию специалистов по атомной энергетике.

Но не обошлось и без злопыхателей, которые где только можно, даже в обстановке обрушившейся беды, сеют недоверие и неприязнь к нашей стране и народу. Руководитель японской правонационалистической организации, именующей себя неправительственной, но в действительности тесно связанной с правительством и правящей ЛДП – Совета по вопросам национальной безопасности (Ампокэн) профессор-русист Сигэки Хакамада страшил: «Если у японцев сложится впечатление, что Россия рассматривает несчастье, постигшее Японию, в качестве

---

³⁷⁹ *Кожневиков В. В.* Авария на АЭС «Фукусима-1» и российско-японские отношения // <http://ifl.dvfu.ru/files/>

³⁸⁰ Там же.

удобной возможности для реализации собственных стратегических интересов и расширения своего бизнеса, это не просто не улучшит японо-русские отношения, но и произведет противоположный эффект».³⁸¹ В японской прессе появлялись и такие страшилки: «По данным информированного источника, Россия собирается построить АЭС на Курильском острове Кунашир, чтобы снабжать Японию электроэнергией. Если правительство Японии поддержит этот план, возможно, оно будет вынуждено отказаться от притязаний на Курильские острова».³⁸²

Невзирая на подобную пропаганду, российское правительство выражало готовность открыть новую страницу в отношениях двух стран, углубить их экономическую составляющую. Об этом говорил посетивший Токио глава администрации президента РФ Сергей Нарышкин, отметивший, что «в последнее время сложилась новая атмосфера в диалоге между Россией и Японией, она стала более благоприятной для обсуждения соответствующих вопросов».

На переговорах по линии МИД двух стран министром иностранных дел С. Лавровым было предложено «отказаться от мешающей развитию нашего экономического сотрудничества идеологии по известному территориальному вопросу и заняться совместными проектами в экономической области, в том числе на южнокурильской гряде». «Японская сторона, – заявил глава МИД РФ, – с интересом восприняла саму идею, но конкретных соображений в ответ не высказала. Будем надеяться, что эта возможность сохраняется (и не только для экономических проектов, но и для взаимных инвестиций)». При этом министр подчеркнул, что речь идет о российской территории, и именно поэтому «мы предлагаем японским коллегам подумать над реализацией совместных проектов. В территориальном вопросе – главное противоречие между Токио и Москвой. Мы не раз заявляли о том, что эта территория принадлежит России, но мы могли бы успешно взаимодействовать в экономической, инвестиционной, торговой сферах при ее освоении».

В течение длительного времени японская сторона не шла на обсуждение перспектив совместного освоения Курильских островов, но в начале осени 2011 г. появились признаки изменения ее позиции. 7 сентября министр иностранных дел Японии Коити Гэмба заявил о своем намерении выработать конкретный план по продвижению стратегического партнерства с Россией, включая совместную экономическую деятельность на Южных Курилах. Газета деловых кругов Японии «Нихон кэйдзай» написала по этому поводу: «Негативные мнения в отношении японо-российского сотрудничества, включающего проблему северных территорий, также являются сильными, однако не нужно отказываться от сотрудничества, отвечающего интересам Японии. Скорее надо полагать, что наращивание экономического сотрудничества, опирающегося на реальные интересы, будет способствовать японо-российскому доверию и приведет к созданию основы для будущих территориальных переговоров».

Однако, несмотря на искреннее стремление Москвы нормализовать отношения с Токио, вернуть их в русло сотрудничества и поиска взаимоприемлемого решения проблем, по которым мнения сторон не совпадают, японские правящие круги не захотели этого сделать. В Японии стали уповать на то, что президентский срок Медведева заканчивается и ему на смену вновь придет Владимир Путин. Разочаровавшись в Медведеве, японцы убедили себя, что Путин как поклонник дзюдо и всего японского с большим пониманием относится к Стране восходящего солнца и ее позиции по территориальному вопросу. В том, что новым президентом России будет вновь Путин, в Японии не сомневались.

³⁸¹ <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/20110409.shtml>

³⁸² Кошкин А. Близкий сосед важнее дальнего родственника // <http://file-rf.ru/analitics/128>

«Хикивакэ» Путина – ничья по Курилам

В условиях энергетического голода японские политики и бизнесмены разрабатывали конкретные проекты и предложения российской стороне по взаимовыгодному использованию природные ресурсы Дальнего Востока и Сибири. Внимания заслуживает предложение о создании на близких к Японии российских территориях энергетической сети для восполнения потерь Японии в электроэнергии в результате остановки атомных электростанций. Имеется в виду строительство сети новых тепло- и гидроэлектростанций с последующей поставкой по кабелю электроэнергии на Японские острова. Реализация этой идеи окажется экономически гораздо выгоднее, чем поставка в эту страну сырой нефти и газа.

Япония ранее в основном использовала возможности вложения инвестиций и эксплуатации рынков Восточной Азии. Но страны этого региона сейчас все более обретают экономическую независимость и уже не столь нуждаются в помощи Японии. Деловые люди этой страны, не воспринимая антироссийскую агитацию националистов, стремятся активнее осваивать российский рынок. Кстати, так было и раньше, во времена Советского Союза. Достаточно напомнить, что даже в разгар холодной войны и шумной кампании за возвращение «северных территорий» в 70-е гг. Япония делила с ФРГ первое и второе места среди торгово-экономических партнеров СССР из числа капиталистических государств.

За более свежими примерами далеко ходить не приходится. Совершивший в конце апреля 2013 г. официальный визит в Россию премьер-министр Японии Синдзо Абэ, вернувшийся после правления демократов к власти, привез с собой около 120 бизнесменов, возглавляющих крупные японские компании. И это было вовсе не дипломатическим жестом в адрес вновь избранного президента России В. Путина, который активно выступает за широкое развитие российско-японских торгово-экономических отношений. Японские бизнесмены приехали с конкретной целью – найти возможности расширения сотрудничества в сфере энергетики, развития городской среды, медицины, инфраструктуры на Дальнем Востоке.

В свою очередь президент Путин выражал удовлетворение отношениями с дальневосточным соседом. На встрече с японским премьером С. Абэ в ходе саммита АТЭС на индонезийском острове Бали он заявлял: «Развиваются экономические связи. Хочу отметить рост товарооборота между нашими странами, рост инвестиций. Япония входит в десятку наших крупнейших инвесторов. У нас впереди очень интересные и важные для наших экономик совместные проекты. Заработал и наш совместный инвестиционный фонд, о создании которого мы с вами договаривались на одной из предыдущих встреч. Он уже получил заявки на финансирование более чем на 10 миллиардов долларов». Экономическое сотрудничество обеих стран должно перестать быть некоей приманкой, средством склонения России к территориальным уступкам. И это уже происходит в силу того, что Россия и ее рынок становятся необходимыми самой Японии.

Хотя японский бизнес и не подчиняется напрямую политической власти, он в своих решениях все же зависим от настроений в стране, не может не учитывать позиции влиятельных средств массовой информации, в том числе по вопросам экономических отношений с Россией. Желание снять искусственно возводимые политические препоны на пути широкого развития взаимовыгодных торгово-экономических связей двух соседних стран существует и во властных структурах нашей страны, включая президента.

В опубликованной перед президентскими выборами 2012 г. В. Путиным статье «Россия и меняющийся мир» значительное место уделено Азиатско-Тихоокеанскому региону. И это не случайно. В начале века президент В. Путин фактически пересмотрел проводившийся в 90-е гг. курс на ориентацию в основном на США и Западную Европу и значительно усилил восточный вектор внешней политики России. И хотя в статье основное внимание уделено углублению

отношений с Китаем, можно ожидать, что будет возрастать значение экономических связей и с другими странами Восточной Азии, в том числе с высокоразвитой соседней Японией.

Об этом, в частности, свидетельствовали высказывания Путина во время встречи в марте 2012 г. с журналистами ведущих стран мира. Тогда он по своей инициативе заявил о желательности нахождения компромисса по продолжающему омрачать отношения наших стран «территориальному вопросу», применив известное ему по увлечению дзюдо японское слово «хикивакэ» – ничья. В частности, было сказано: «Мы с вами, как дзюдоисты, должны делать смелые шаги, но для того, чтобы выигрывать и не проигрывать. В этой ситуации, как ни странно, мы не должны добиваться какой-то победы. В этой ситуации мы должны добиться приемлемого компромисса. Это что-то вроде "хикивакэ"... Надеюсь, мы все-таки найдем точки соприкосновения, которые позволят двигаться дальше в решении этой проблемы... Давайте так, когда я стану президентом, мы соберем наше министерство иностранных дел, посадим с другой стороны японское министерство и дадим им команду: "Хадзимэ!" ("Начинай!")».

Однако в Японии, похоже, не совсем правильно восприняли это выражение. Ведь в действительности имелось в виду не столько прямое возвращение к условиям советско-японской совместной декларации 1956 г. о передаче Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотан, как считает Токио, сколько стремление к нахождению такого политического решения, когда не было бы ни выигравшего, ни проигравшего.

Присутствовавший на пресс-конференции ведущий политический обозреватель газеты «Асахи симбун» Ёсибуми Вакамия даже счел возможным поправить Путина, заметив, что, «если мы хотим "хикивакэ", то двух островов недостаточно». Этим он, по сути, разъяснил, что в Японии содержащееся в совместной декларации 1956 г. согласие советской стороны передать Хабомаи и Шикотан не воспринимается как «ничья».³⁸³

Да Путин и не мог напрямую предложить реанимацию «хрущевского компромисса». Этому объективно препятствуют разнообразные факторы. Автоматического возвращения к условиям 1956 г. быть не может потому, что за прошедшие полвека ситуация существенно изменилась – были введены 200-мильные экономические зоны, появились технологии добычи с шельфа островов полезных ископаемых, в первую очередь энергоносителей. В случае «передачи» островов вместе с ними пришлось бы лишиться и богатейших обширных морских пространств. Ошибкой советской дипломатии, совершенной в 1956 г. под давлением тогдашнего лидера СССР Никиты Хрущева, было то, что Хабомаи обозначены в совместной декларации и продолжают обозначаться и сейчас как один остров. В действительности же это архипелаг, состоящий из 18 островов, а также входящих в его состав мелких островов, камней и отмелей. И вокруг каждого из них существует 200-мильная хозяйственная морская зона России.

Более того, есть обоснованное опасение и того, что в случае передачи островов на них могут появиться направленные против России военные базы, о чем недавно открыто говорил президент РФ. И представители японского руководства не могут отрицать, что уход России с Южных Курил и перевод их под японский контроль способны привести к созданию на островах новых рубежей передового развертывания американской или объединенной японо-американской военной группировки. Территория Южных Курил может быть использована для передислокации части военных баз США на Окинаве, чего упорно добивается население этого острова. Так как Пентагон не намерен сокращать свое присутствие на Японских островах, размещение американских баз на Курилах в случае их передачи было бы подходящим решением и для Токио, и для Вашингтона. Насколько можно полагаться на заверения о том, что этого не произойдет, свидетельствует опыт вывода наших войск из Германии. Тогда тоже обещали «не расширять НАТО на восток».

³⁸³ См.: Ёсибуми Вакамия. Хоппо рёдо мондай но наймаку. (Закулисная сторона проблемы северных территорий). Токио, 2016. С. 11–15.

Нельзя не учитывать и то, что политическая ситуация в России с 2001 г., когда Владимир Путин счел возможным согласиться, что условия соглашения 1956 г. остаются в силе, существенно изменилась. Если против попыток разрешить территориальные противоречия на основе компромисса тогда выступали в основном патриотические (КПРФ) и националистические (ЛДПР) политические организации России, ныне же попытками территориальных уступок Кремля могут воспользоваться и так называемые либеральные силы, которые не преминут использовать вопрос о суверенитете Южных Курил для политической борьбы против нынешней российской администрации. В этих условиях территориальные уступки стали бы сродни политическому самоубийству. Это относится и к японским политикам, которые, став фактически заложниками «проблемы северных территорий», не могут поменять нынешнюю жесткую позицию, даже если захотят.

О том, что российское правительство согласно на широкое сотрудничество с Японией, но считает все Курильские острова российскими и не собирается никому их передавать, свидетельствовали повторные поездки Д. Медведева уже в качестве премьер-министра на Кунашир (2012 г.) и Итуруп (2015 г.). Медведев заявлял по поводу своего визита на Курильские острова летом 2015 г., что вопрос территориальных претензий не должен увязываться с отношениями России и Японии. «Мы с Японией хотим дружить, Япония – наш сосед, мы хорошо относимся к Японии, но это никак не должно быть связано с Курильскими островами, которые являются частью России, входят в субъект России под названием Сахалинская область, и поэтому мы посещали, посещаем и будем посещать Курилы», – подчеркнул он.³⁸⁴

В ответ Япония отложила визит своего министра иностранных дел страны в Москву. Правительство Японии заявило, что посещение премьер-министром РФ спорных территорий может стать большой помехой в развитии политического диалога Японии и России. Глава МИД Японии Фумио Кисида передал послу России официальный протест. «Весомость этого визита значительно отличается от поездок других министров. И этот поступок ранит чувства жителей Японии, которые хотят возвращения этих территорий», – прокомментировали в МИД Японии приезд на Курилы российского премьера.

«Мы обеспокоены повторяющейся ситуацией с односторонними действиями российской стороны в отношении северных территорий. Мы настоятельно требуем [от России] конструктивной позиции для дальнейшего развития японо-российских отношений, в том числе в связи с проблемой заключения мирного договора», – заявил Кисида.

В Москве ответили, что российские официальные лица продолжают посещать Курильские острова, невзирая на позицию Японии по этому вопросу.

Было очевидно, что японские политики вовсе не стремятся к компромиссам, о которых давал понять президент Путин, а упорно стоят на нереалистичной позиции «все или ничего». В этой ситуации в нашей стране росло понимание того, что мирный договор – это не что иное, как анахронизм, искусственно подогреваемый японскими политиками, задавшимися целью через это соглашение реализовать свои реваншистские помыслы, добиться от страны-победителя политических и территориальных уступок. Отрадно, что такое понимание целей японского правительства существует и в высшем руководстве нашей страны.

Как известно, Япония присоединилась к объявленным западным миром во главе с США незаконным экономическим и иным санкциям в отношении России, выступив против справедливого, основанного на волеизъявлении народа «возвращения в родную гавань» Крыма. В этой ситуации в Кремле, похоже, решили прекратить потакание японским притязаниям на российские Курильские острова. 26 января 2016 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил на пресс-конференции, что Москва не считает заключение мирного договора с Японией тождественным решению территориальной проблемы, как это представляет себе Токио. «Да, есть

³⁸⁴ Болотов С. Заявление Лаврова по Курилам возмутило японцев // <http://www.ridus.ru/news/210753>

договоренность между президентом России и премьер-министром Японии, чтобы среди тех вопросов, которые предстоит решить, обязательно присутствовал вопрос мирного договора, – отметил министр. – Мы не считаем, что мирный договор – это синоним решения территориальной проблемы. Это шаг, который необходим для того, чтобы отношения между двумя странами были нормальными не только по сути, но и по юридическому оформлению».³⁸⁵

В ответ японцам не оставалось ничего другого, как в очередной раз выразить свое недовольство позицией России. Правительство Японии заявило о «неприемлемом характере заявлений главы МИД РФ по проблеме северных территорий», обещав и впредь «проводить адекватную политику» в вопросе принадлежности Курил. Однако политика конфронтации с Россией, снижения уровня торгово-экономического взаимодействия с нашей страной не отвечает интересам испытывающей затянувшиеся экономические невзгоды Японии. Ослаблению напряженности в отношениях двух стран и попытке вернуться к обсуждению вопроса заключения мирного договора, включающего территориальное размежевание, должен был послужить прямой разговор лидеров двух стран.

Неофициальный визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Сочи для проведения бесед с президентом РФ В. Путиным 6 мая 2016 г. ознаменовался интригующими заявлениями о достигнутой договоренности сторон прибегнуть к некоему «новому подходу» к развитию двусторонних отношений, включая поиск взаимоприемлемого решения так называемой «территориальной проблемы». Готовясь к встрече, президент Путин 14 апреля 2016 г. заявил журналистам, что постоянно поднимаемый японским правительством так называемый «территориальный вопрос» когда-то найдет свое компромиссное решение. Хотя разъяснений о том, каким может быть этот компромисс, не последовало, в Японии расценили слова президента как подтверждение его согласия продолжать обсуждать японские претензии.

Такое подтверждение было для японского правительства особо важно, ибо прозвучавшее 2 сентября 2015 г., в день 70-й годовщины подписания милитаристской Японией Акта о безоговорочной капитуляции, высказывание заместителя министра иностранных дел РФ Игоря Моргулова свидетельствовало о другом. Моргулов заявил: «Никакого диалога с Токио по “курильской проблеме” мы не ведем. Этот вопрос решен 70 лет назад: Южные Курилы перешли к нашей стране на законных основаниях, по итогам Второй мировой войны. Суверенитет и юрисдикция России над ними сомнению не подлежит». Затем эту позицию подтвердил и министр иностранных дел РФ С. Лавров, заявив, что принадлежность Курил «не является предметом для дискуссий».

И вот – новый разворот. Отвечая на вопрос об обсуждении в Сочи «территориальной проблемы», пресс-секретарь президента РФ Д. Песков заявил: «Тема поднималась в весьма конструктивном ключе. Контакты будут продолжены на уровне министерств иностранных дел». А японское агентство «Киодо цусин» сообщило, что С. Абэ предложил Путину новый подход к решению проблемы Курильских островов. Однако в чем состояла новизна японской позиции, не раскрывалось.

Как и следовало ожидать, архаичная в век информационной революции «тайная дипломатия», обернулась слухами о том, что «Путин продает Курилы». Дело дошло до того, что МИД РФ вынужден был раздраженно и не очень дипломатично опровергать эти слухи, назвав их «бредом». Дабы не нагнетать страсти, президент решил успокоить общественность, заявив, что не собирается что-либо продавать. Однако успокоения не наступило, ибо четкого подтверждения неприкосновенности российских дальневосточных границ не последовало. Пришлось министру иностранных дел РФ С. Лаврову разъяснять в интервью, что «мы не отдаем Курильские острова и не выпрашиваем у Японии мирный договор». Но при этом руководитель

---

³⁸⁵ Лавров: мирный договор с Японией – это не синоним решения территориальной проблемы // <http://tass.ru/politika/2615101>

внешнеполитического ведомства сделал акцент на подтверждении приверженности российского правительства положениям подписанной 19 октября 1956 г. Советско-японской совместной декларации. Подтверждение российским МИД действенности этого положения позволяло японским политикам считать, что вопрос о передаче Хабомаи и Шикотана якобы решен, и теперь следует упорно добиваться от России еще и самых больших и наиболее освоенных островов Курильской гряды – Кунашира и Итурупа, о которых речь в декларации вообще не идет. Более того, в японской прессе стали появляться утверждения о том, что «возвращение четырех островов» должно предшествовать подписанию мирного договора, а не наоборот, как предусмотрено в тексте декларации.

Содержание состоявшихся в Токио консультаций заместителя министра иностранных дел РФ И. Моргулова с представителем Японии по вопросам российско-японских отношений Тикахито Харада также осталось неизвестным российской общественности. И журналистам пришлось пользоваться информацией от некоего безымянного источника, который сообщил о том, что «в ходе переговоров японские партнеры допустили возможность рассмотреть предложение о совместной хозяйственной и экономической деятельности» на южных островах Курильской гряды. Прочитируем одно из тогдашних сообщений: «Содержание этой закрытой дипломатической беседы по понятным причинам не раскрывается, однако, как отмечает издание (газета "Известия") со ссылкой на источник, близкий к переговорам, на переговорах обсуждалась совместная экономическая деятельность на Курильских островах, что может стать колоссальным прорывом в российско-японских отношениях».

Но в японской прессе подтверждения этой информации не было. Среди японских специалистов по поводу публикации в «Известиях» высказывалось мнение, что подобная «утечка» организована для того, чтобы прозондировать позицию Японии по поводу участвовавших призывов российских высокопоставленных лиц приступить к совместному развитию Южных Курил. Зато они утверждали, что на консультациях в Токио обсуждался территориальный вопрос.

Раздутую российскими СМИ «сенсацию» по поводу якобы достигнутых «прорывных решений» вынужден был опровергать министр Лавров, заявив во время интервью, что были лишь подтверждены договоренности 2013 г. о развитии двусторонних отношений. И все же «новация» японской позиции имела место. Она состояла в том, что если раньше Токио соглашался на широкое экономическое сотрудничество с нашей страной только после «возвращения северных территорий», то теперь, в условиях экономических трудностей России, было решено предложить такое сотрудничество в обмен на согласие Москвы вернуться к обсуждению японских притязаний на Курилы. И в определенной степени японцы в этом преуспели. В российской прессе наперебой стали рекламировать представленный российскому президенту премьер-министром С. Абэ «план из восьми пунктов по экономическому сотрудничеству».

Тем временем определенная часть российских журналистов, не обременяя себя знанием истории российско-японских отношений, продолжала сетовать по поводу отсутствия мирного договора между двумя странами, называя вслед за премьером С. Абэ ситуацию «ненормальной». Они упорно тиражировали ложные утверждения о том, что между Россией и Японией в отсутствие мирного договора якобы сохраняется «формальное состояние войны», которое ради всемерного развития экономических отношений с Японией надо незамедлительно прекратить. И это притом, что, как отмечалось выше, в первой статье совместной декларации 1956 г. провозглашается: «Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения».

В российской прессе стали появляться сообщения о том, что-де японцы уже определяют суммы крупных инвестиций в российскую экономику. Газета «Известия» утверждала, что некий «источник, близкий к дипломатическим кругам Японии», сообщил, что во время

визита в Японию президента РФ В. Путина премьер-министр С. Абэ предложит пакет инвестиционных проектов в обмен на передачу Курильских островов. Был назван и объем инвестиций – около 20 миллиардов долларов. Японская газета «Нихон кэйдзай» информировала, что, в частности, японские власти готовы предложить России новейшие технологии в области медицины, а также сотрудничество японских компаний с «Почтой России».

Параллельно японцами давалось понять, что экономическая помощь непосредственно связывается с политическими уступками Москвы по поводу Курил. Представитель японского правительства сообщил, что Токио не пойдет на компромиссы, а будет добиваться выполнения своих требований в полном объеме. То есть настаивать на «возвращении» Японии всех Южных Курильских островов – Итурупа, Кунашира, Шикотана и гряды Хабомаи. Государственный министр по делам Окинавы и северных территорий (Курильских островов) Ёсукэ Цурухо не оставил на этот счет никаких сомнений, заявив: «Базисный курс правительства Японии заключается в том, чтобы на переговорах определить принадлежность всех четырех островов». Естественно, речь шла о принадлежности их Японии.

Не скрывал своих целей и сам С. Абэ. Находясь под давлением оппозиции и националистических правых сил, он не мог искать компромиссные решения. «Мы думаем усиленно вести переговоры с российской стороной, чтобы, развивая отношения в самых широких областях, включая экономику, решить вопрос о возвращении четырех островов и заключить мирный договор», – заявил премьер-министр, отвечая на вопросы депутатов японского парламента.

В известной степени точки над *i* были поставлены президентом В. Путиным в состоявшемся 1 сентября 2016 г. во Владивостоке интервью корреспонденту американского информационного агентства Блумберг. Приведем отрывок из интервью, касающийся так называемого «территориального вопроса»:

«Дж. Миклетвейт: Один из гостей (форума) – это премьер-министр Японии Абэ, он приезжает во Владивосток, и кажется, что намечается политическая сделка, можно так сказать. Возможно, вы отдадите один из Курильских островов в обмен на серьезное экономическое сотрудничество, его наращивание. Готовы ли вы к такой сделке?

В. Путин: Мы не торгуем территориями, хотя проблема заключения мирного договора с Японией является, конечно, ключевой и нам бы очень хотелось с нашими японскими друзьями найти решение этой проблемы. У нас еще в 1956 году был подписан договор, и, на удивление, он был ратифицирован и Верховным Советом СССР, и японским парламентом. Но затем японская сторона отказалась его выполнять, а затем и Советский Союз как бы свел тоже на нет все договоренности в рамках этого договора.

Несколько лет назад японские коллеги попросили нас вернуться к обсуждению этой темы, и мы это сделали, мы пошли навстречу. За предыдущие пару лет не по нашей инициативе, а по инициативе японской стороны фактически эти контакты были заморожены. Но сейчас наши партнеры проявляют желание вернуться к обсуждению этой темы. Речь не идет о каком-то обмене, о каких-то продажах. Речь идет о поиске решения, при котором ни одна из сторон не будет чувствовать себя внакладе, ни одна из сторон не будет чувствовать себя ни побежденной, ни проигравшей.

Дж. Миклетвейт: Ну, а вы сейчас к этой сделке близко подошли? Ближе, чем в 1956 году?

В. Путин: Я не думаю, что ближе, чем в 1956 году, но, во всяком случае, мы возобновили диалог на этот счет и договорились о том, что наши министры иностранных дел и соответствующие эксперты на уровне заместителей министров активизируют эту работу. Конечно, это всегда является и предметом обсуждения и на уровне президента России, и премьер-министра.

Уверен, что, когда мы будем встречаться с господином Абэ здесь, во Владивостоке, мы также будем эту тему обсуждать, но для того, чтобы ее решить, она должна быть очень хорошо

продумана и подготовлена, повторяю еще раз, на принципах не нанесения ущерба, а, наоборот, на принципах создания условий для развития межгосударственных связей на длительную историческую перспективу.

Дж. Миклетвейт: Действительно, мне кажется, что территория на восточном фланге вас не так сильно волнует. Вы остров Тарабаров, например, Китаю отдали в 2004 году, а вот Калининград, например, может, тоже отдать?

В. Путин: Мы ничего не отдавали, это были территории, которые являлись спорными и в отношении которых мы вели переговоры с Китайской Народной Республикой в течение 40 лет – хочу это подчеркнуть, 40 лет, – и в конце концов нашли компромисс. Часть территории окончательно закреплена за Россией, часть территории окончательно закреплена за Китайской Народной Республикой.

Хочу подчеркнуть, что это стало возможным исключительно – это очень важно – на фоне очень высокого уровня доверия, которое сложилось к тому моменту между Россией и Китаем. И если мы добьемся такого же высокого уровня доверия с Японией, то и здесь мы можем найти какие-то компромиссы.

Но есть принципиальная разница между вопросом, связанным с японской историей, и, скажем, с нашими переговорами с Китаем. В чем она заключается? Она заключается в том, что японский вопрос возник как результат Второй мировой войны и закреплён в международных документах, связанных с результатами Второй мировой войны. А наши дискуссии с китайскими друзьями по пограничным вопросам ничего общего со Второй мировой войной и с какими-то военными конфликтами не имеют. Первое. Вернее, это уже второе.

А третье – что касается западной части. Вы сказали про Калининград.

Дж. Миклетвейт: Это шутка, конечно.

В. Путин: А я вам скажу без всяких шуток. Если кому-то хочется начать пересматривать итоги Второй мировой войны, давайте попробуем подискутировать на эту тему. Но тогда нужно дискутировать не по Калининграду, а в целом по восточным землям Германии, по Львову, который был частью Польши, и так далее, и так далее. Там есть и Венгрия, есть и Румыния. Если кому-то хочется вскрыть этот ящик Пандоры и начать с ним работать, – пожалуйста, флаг в руки, начинайте».³⁸⁶

Главное в сказанном президентом было указание на то, что для России неприемлема схема «торговли территориями», обмена их на экономическое сотрудничество, а также четкое предупреждение против попыток пересматривать итоги Второй мировой войны, включая территориальные.

---

³⁸⁶ Полный текст интервью Владимира Путина Bloomberg // <https://rg.ru/2016/09/05/polnyj-tekst-interviu-vladimira-putina-bloomberg.html>

«Троянский конь» на Курилах

Перед неоднократно откладывавшимся из-за оппозиции правительства США и лично президента Б. Обамы визитом президента В. Путина в Японию участились разговоры о якобы возможном достижении российско-японского согласия по поводу совместной хозяйственной деятельности на южных островах Курильской гряды. Эта идея была воспринята в нашей стране неоднозначно. Ученые специалисты по Японии и российско-японским отношениям и депутаты Сахалинской областной думы обратились к президенту РФ с открытым письмом, в котором, в частности, отмечали: «Вызывают озабоченность настойчивые попытки японского руководства, предлагающего в последнее время – в обмен на расширение японо-российского, включая инвестиционное, сотрудничества – различные схемы организации некоего “совместного хозяйственного освоения” Южных Курил, истинной целью которых неизменно остается “не мытьем, так катаньем” добиться удовлетворения своих территориальных претензий к нашей стране».

Заговорили о запуске процесса ползучей сдачи Японии всех южных островов Курильской гряды. Ибо экономически более активная и финансово богатая Япония легко за несколько лет приберет к рукам всю экономику островов, заселит их колонистами и даже при формальном суверенитете России превратит их в свои.

Тем не менее, как сообщалось, в ходе визита в Японию в декабре 2016 г. президент В. Путин в беседе тет-а-тет убедил своего партнера по переговорам премьера С. Абэ согласиться с участием японских компаний в совместной деятельности на Курилах. В то же время он призвал японцев «прекратить исторический пинг-понг» по Курилам. Однако в ответ премьер Абэ вновь связал проблему заключения мирного договора именно с решением «территориальной проблемы». Он заявил, что Москва и Токио должны продвигаться к заключению мирного договора, «отсутствие которого пока не дает странам урегулировать территориальный спор вокруг северных территорий».³⁸⁷

В Японии, хотя и были недовольны результатами визита В. Путина, ибо не произошло желанного «возвращения» островов, понимают, что сразу добиться удовлетворения требований возврата островов едва ли удастся, и потому могли бы согласиться на растянутое по времени превращение Южных Курил в японские владения. В этом японцев усиленно убеждает их премьер-министр. В отличие от помощника президента РФ по международным вопросам Юрия Ушакова, делающего акцент на том, что совместная деятельность будет вестись строго по российским законам, Абэ утверждает, что по договоренности с Путиным речь идет о совместной экономической деятельности на Южных Курилах в рамках какой-то новой особой юридической системы. По сообщениям из Токио, в телевизионном интервью сразу после завершения визита глава японского правительства объявил, что речь идет о чем-то «беспрецедентном». По его словам, «совместная экономическая деятельность на островах будет вестись вне рамок японского или российского законодательства, чтобы не ставить под сомнение позиции двух стран».

В связи с этим уместно напомнить первоначально сокрытую от российской общественности «беспрецедентную» сделку российских и японских дипломатов 1998 г. по поводу разрешения японским рыбакам вести лов даже не в 200-мильной экономической зоне России, а в ее территориальных водах. Об этой нарушающей российское законодательство сделке рассказывал один из ее инициаторов, тогдашний посол РФ в Японии А. Панов. Он заявил:

---

³⁸⁷ Путин призвал прекратить «исторический пинг-понг» по Курилам // www.newsru.com/world/16dec2016/pingpong.html

«Японцы прямо не признают суверенитет России над Курилами и поэтому могут потребовать особых экономических зон со своими правилами. Это вполне возможно. Не теряя своего лица, обе стороны могут согласиться на такое экономическое сотрудничество...

Примерно так же мы сделали, когда договорились о так называемом промысле японцев возле этих островов. Тогда Россия фактически пошла на изменение (читай – нарушение. – *Примеч. авт.*) своего законодательства, хотя это не афишировалось, о том, что японские рыбаки могут осуществлять рыболовство в территориальных водах этих островов. Ни одно государство фактически не разрешает осуществлять рыболовство в своих территориальных водах».

Не приходится говорить, что незаконный допуск японских рыбаков в территориальные воды нашей страны серьезно нарушал интересы отечественного рыболовства в данном, весьма богатом рыбой и морепродуктами регионе, что вызывало протесты российских рыболовных кругов. Японская сторона по подписанному заместителем премьера Б. Немцовым соглашению не только не предоставила российским рыболовным судам аналогичные права на промысел в японских водах, но и не взяла на себя никаких обязательств по соблюдению ее гражданами и судами законов и правил рыболовства, действующих в Российской Федерации. Другими словами, японской стороне было предоставлено своеобразное «право экстерриториальности», ущемляющее российский суверенитет в пределах собственной морской территории.

Можно допустить, что именно о подобной «экстерриториальности» для японцев, но теперь уже на суше, говорит японский премьер. В Японии неизменно подчеркивают значимость двусторонних экономических связей для скорейшего развития российского Дальнего Востока и Сибири. Однако взаимовыгодное сотрудничество – это одно, а попытки с помощью «экономического пряника» добиваться реализации политических целей по нарушению территориальной целостности нашей страны, отторжению законно принадлежащих ей земель – совсем другое. И тут, конечно, компромиссы недопустимы.

С самого начала вызывало сомнение то, что японское правительство действительно пойдет на участие в развитии Южных Курил, ибо согласие Токио на работу японских компаний на южнокурильских островах с подчинением российскому законодательству противоречит японской позиции о непризнании суверенитета России на эти территории. Напомним, что в 2009 г. депутаты обеих палат японского парламента единогласно приняли закон, подтверждающий японский суверенитет на эти, принадлежащие России, территории. Закон провозглашает неотъемлемой частью Японии острова Итуруп, Шикотан, Кунашир, а также группу островов Хабомаи.

Возможны два объяснения сложившейся ситуации. Или стороны в декабре 2016 г. по поводу суверенитета так и не договорились, оставив вопрос открытым для последующего обсуждения, или российская сторона не в полной мере информировала граждан РФ о достигнутых соглашениях по поводу компромисса в вопросе о распространении на японских граждан действующего на островах законодательства.

Не было полной ясности в этом вопросе и в Японии. ТАСС сообщал из Токио: «Последний соцопрос проводился после визита Путина, который прошел в декабре прошлого года, и в целом японцы положительно относятся к идее совместной деятельности. Единственно, наиболее важный вопрос, по мнению японцев, – это то, как она будет осуществляться? Премьер-министр Абэ говорит о том, что для этого нужно создать специальную систему. Конкретики пока на этот счет мало, однако речь идет, скорее всего, о том, что стороны должны определиться с главным вопросом: это юрисдикция. То есть под чьим управлением эти территории будут находиться? Естественно, российская сторона придерживается мнения, что все должно остаться, как сейчас есть. Острова принадлежат России, и Япония на них не может претендовать».

О том, что взаимоприемлемого решения нет, свидетельствуют предложения Токио о характере возможного взаимодействия. Предлагаемая организация японского морского туризма к Курильским островам без высадки на них ориентирована на то, чтобы избежать оформления российских виз или каких-либо других въездных документов. В принципе, это, конечно, возможно, если при этом японские власти не замышляют так называемый «ностальгический туризм», призванный активизировать затухающее среди японцев, особенно молодежи, «движение за возвращение северных территорий».

Едва ли осуществима и идея оказания помощи через Интернет в лечении больных курильчан. Для этого ни на Курилах, ни на Хоккайдо, да и вообще в Японии, нет квалифицированных врачей, в должной степени владеющих японским или русским языками. Пользоваться же не имеющими медицинского образования переводчиками просто опасно, ибо малейшая ошибка в переводе может быть пагубной для пациентов. Подготовка же в ближайшее время японских врачей с хорошим знанием русского языка или владеющих японским языком русских врачей представляется маловероятной.

А вот сотрудничество в рыборазведении весьма перспективно и, видимо, рано или поздно может быть реализовано. Ибо объединение усилий ученых и специалистов двух стран в этой области позволит к немалой взаимной выгоде достигать впечатляющих результатов, в том числе в поддержании и увеличении численности ценных морских животных и морепродуктов, например таких искусственно трудноразводимых, как крабы и популярные в Японии моллюски. До последнего времени такое сотрудничество стопорилось все теми же японскими политическими претензиями.

Если же власти Японии будут усматривать в своем участии в развитии Курил лишь способ внедриться на острова и постепенно захватывать на них «командные высоты», заодно приучая местное население к японскому присутствию, с тем чтобы овладеть «северными территориями», перспективы «совместного хозяйствования» представляются весьма призрачными.

Нельзя соглашаться с тем, чтобы японцы получили монопольные права на работу на островах южной части Курильской гряды. Тем более неприемлемо требование создания для японских компаний «режима экстерриториальности», чреватого тем, что на острова будет запущен японский «тройной конь». Если японские власти не желают работать на Курилах по российским законам, это право должно быть предоставлено всем желающим – компаниям Китая, Республики Корея, Индии, Вьетнама и других стран ЮВА, а также американцам и европейцам.

Следует согласиться с полпредом президента в ДФО Юрием Трутневым, который в ходе рабочей поездки на Сахалин так прокомментировал ситуацию с совместным с Японией освоением островов Курильской гряды: «Если планы по совместной с Японией деятельности по освоению островов так и останутся на стадии разговоров, мы создадим ТОР “Курилы”... Мы сильно долго ждать не будем. Если увидим, что никаких особо эффективных форм совместной деятельности не возникает, будем вносить предложение о создании ТОР «Курилы». У нас все созданные ТОР работают. Мы знаем, куда идти и как развиваться. Мы можем это сделать с японскими коллегами, а можем и без них».

Предупреждение было услышано. В ответ генеральный секретарь кабинета министров Японии Ёсихидэ Суга подтвердил, что Япония сохраняет свой подход к ведению совместной экономической деятельности с Россией на «северных территориях». «Мы твердо намерены настаивать на своих идеях», – заявил официальный представитель правительства Японии. Отсюда следует, что линия на тесное увязывание возможного экономического сотрудничества на Курилах с политическими претензиями Токио на эти территории будет сохранена, и никаких изменений ожидать не приходится. Конечно же, такая позиция не может вселять оптимизм по поводу реализации достигнутых, как объявлялось во время декабрьского визита, договоренностей.

Весьма осторожно оценивают перспективы совместной хозяйственной деятельности и японские специалисты по России. Так, эксперт по японо-российским отношениям, профессор университета «Такусёку» Кэнро Нагоси написал для авторитетного журнала «Форсайт» статью, в которой заключает: «Российская сторона выразила желание развивать структуру сотрудничества в сфере рыбной промышленности вблизи четырех островов, по которой было достигнуто соглашение в 1998 году. Тем не менее, что касается совместной хозяйственной деятельности на суше, то, похоже, количество сложных задач вырастет. Предполагается, что российская таможня и пограничники, исповедующие консервативные взгляды, могут стать препятствием.

Также неизвестно, будет ли способствовать развитие такой деятельности решению проблемы принадлежности островов. Совместная хозяйственная деятельность, в ходе которой японцы и японские компании будут впервые после войны работать на четырех островах, станет неизведанным испытанием для Японии».

В связи с этим следует определиться и с раздачей гектаров на Курильских островах. Очевидно, что Южные Курилы должны быть исключены из объектов этой в целом, возможно, полезной кампании. Во-первых, это пограничные территории. А границу в частную собственность не отдают. Во-вторых, эти земли надо сохранить как заповедник – национальный парк. Заповедными землями должно владеть государство. В-третьих, не следует давать шанс спекулянтам с континента, помышляющим получить большой выкуп за «гектары» в случае сдачи островов японцам. Доводилось слышать, что такие настроения отмечались в период, когда Б. Ельцин замыслил «возвращение» Курил, а японцы сулили отъезжающим десятки тысяч долларов в качестве «подъемных».

Настойчивое требование Токио, по сути, вывести Южные Курилы из-под под российского суверенитета и законодательства и установить на их территории некий «особый режим» потребовало соответствующего реагирования. 23 августа 2017 г. премьер Д. Медведев подписал постановление правительства РФ № 992 о создании территории опережающего развития (ТОР) «Южные Курилы». Под руководством министерства РФ по развитию Дальнего Востока разрабатывается план перспективного развития этой территории ТОР, для которого предусмотрено около 7 млрд бюджетных вложений. Финансовые вливания в Южные Курилы поступают и от фонда развития Дальнего Востока, и по линии Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2016–2025 годы».

Отвергнуты необоснованные и, прямо скажем, несуразные требования японского правительства об изменении статуса Курил (как субъекта Российской Федерации в составе Сахалинской области) и на дипломатическом уровне. МИД РФ четко разъяснил позицию дипломатического ведомства и, надо понимать, высшего руководства страны по поводу заключения мирного договора с Японией и условий совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах.

Любые будущие договоренности по совместной хозяйственной деятельности РФ и Японии на Курильских островах не должны противоречить российскому законодательству, которое в полном объеме распространяется на этот регион, заявил в интервью заместитель министра иностранных дел РФ И. Моргулов. «Реальность такова, что на этих островах в полном объеме действует российское законодательство. Любые будущие договоренности по СХД не должны ему противоречить», – сказал высокопоставленный дипломат в интервью японской газете «Токио симбун». Такая позиция отвергает спекуляции японских СМИ по поводу якобы согласия Москвы рассматривать предложения о предоставлении желающим работать на Южных Курилах японским гражданам неких «особых юридических прав».

Не менее важным является и заявление И. Моргулова о том, что Россия будет последовательно добиваться от Японии признания и уважения итогов Второй мировой войны. Он указал: «Относительно проблемы мирного договора наша позиция хорошо известна и остается

неизменной. Будем последовательно добиваться признания японской стороной итогов Второй мировой войны».³⁸⁸ Обратим внимание, что столь четкое заявление было сделано в дни, когда в мире отмечалась 72-я годовщина капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны.

Однако, похоже, премьер-министр С. Абэ уже перестал реагировать на заявления МИД РФ. Все свое внимание он уделяет контактам главным образом с президентом В. Путиным, который, по его мнению, так же, как и он, стремится разрешить территориальную проблему и подписать долгожданный мирный договор. На сентябрьской встрече во Владивостоке в 2017 г. он особо подчеркивал в выступлении на экономическом форуме: «Самое главное для японско-российских отношений – заключение мирного договора. Так сказал президент Путин во время своего визита в Японию. На этот раз мы полны решимости, что именно нашими руками мы подпишем мирный договор». Путин вежливо не возражал.

Стремление Абэ оставить заметный след в истории, выполнив завет своего отца, министра иностранных дел Японии Синтаро Абэ подписать договор с СССР/Россией, понятно. Тем более что он его и не скрывает. Понятна и поспешность Абэ. Несмотря на убедительную победу возглавляемой им партии на всеобщих парламентских выборах, обещавшая экономический прорыв «абэномика» буксует, социальная ситуация не улучшается, многие японцы недовольны резким креном страны вправо, уходом от пацифизма, опасным следованием в военной политике за США, что нагнетает напряженность в Северо-Восточной Азии в непосредственной близости от Японии.

Конечно, заключение мирного договора с Россией добавило бы немало политических очков в копилку С. Абэ и помогло бы сохранять власть. Но трудно допустить, что ради этого он пойдет на кардинальное изменение условий заключения мирного договора, вплоть до согласия с предложенным Путиным «хикивакэ». В Японии существуют весьма влиятельные и могущественные силы, которые едва ли позволят Абэ, как и какому-либо другому премьеру, экспериментировать в политике на российском направлении. Не заинтересован в полной нормализации и всемерном развитии японо-российских отношений и союзер Японии – США.

А значит, затянувшаяся партия в «курильский пинг-понг», вопреки интересам народов-соседей, стремящихся к не обремененному проблемами из прошлого сотрудничеству, к сожалению, будет японским правительством продолжена. А вот должна ли Россия продолжать участвовать в этой бесплодной дипломатической игре?

---

³⁸⁸ Моргулов: Москва будет добиваться от Токио признания итогов Второй мировой // <https://ria.ru/politics/20170904/1501675814.html>

Послесловие

Состоявшийся в сентябре 2017 г. во Владивостоке Восточный экономический форум явился важным событием российско-японских отношений последнего времени. Ставший ежегодным, форум свидетельствует о серьезности политического курса руководства страны на всемерное развитие восточных районов России, на политическое, торгово-экономическое и культурное сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Но, несмотря на то что в нашей прессе много говорится о важности привлечения иностранных инвестиций на Дальний Восток и в Сибирь, как показали встречи президента РФ В. Путина с администрацией и главами крупных предприятий региона, не меньшее внимание обращается на работу здесь и российских компаний. Президент справедливо потребовал интенсифицировать реализацию программ развития Дальнего Востока и Сибири. Ибо, сколько бы мы ни ожидали иностранной помощи, в том числе из Японии, основную работу в этих обширных районах России должны выполнять наши люди.

Важны также состоявшиеся встречи президента РФ с главами правительств стран региона, состоявшиеся в рамках форума в момент тревожного осложнения военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии вокруг ситуации на Корейском полуострове. Ведь в результате непродуманной и, можно сказать, авантюрной политики США создана ситуация, которая ставит мир на грань если не большой войны, то серьезного вооруженного конфликта. В данной ситуации сверка часов и согласование мер по разрядке напряженности с лидерами Южной Кореи и Японии были весьма своевременны и политически продуктивны. Если с японским премьер-министром Синдзо Абэ президент РФ встречается довольно часто, (за последнее время это уже была девятнадцатая встреча), то знакомство с новым президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином позволило установить с ним деловой контакт и наметить дальнейшие совместные действия с этим экономически важным для нас государством.

Как и ожидалось, премьер-министр Японии на двусторонней встрече с российским лидером продолжил обсуждение проблемы заключения между двумя странами мирного договора. Руководство нашей страны соглашается вести переговоры по этому вопросу. Однако перспективы подписания такого договора, по сути, блокируются необоснованными претензиями японского правительства на принадлежащие нашей стране Курильские острова. Такая позиция есть рецидив холодной войны, от которого давно следовало бы отказаться. Как справедливо заявляет руководство МИД РФ, Япония должна признать и уважать итоги Второй мировой войны, в том числе территориальные. Поэтому, полагаю, переговоры по этому вопросу едва ли имеют для Японии какие-либо перспективы. И если японские политики считают, что отсутствие мирного договора – это ненормальная ситуация, то ее легко можно сделать нормальной. Для этого требуется только одно – Япония должна отказаться от своих необоснованных претензий. А иных сложных проблем между двумя странами не существует. Ведь все основные вопросы послевоенного урегулирования давно, уже 60 лет назад, разрешены при подписании и ратификации Советско-японской совместной декларации, которая, как отмечалось, прекратила состояние войны и в полном объеме восстановила межгосударственные отношения.

Другой вопрос, который сейчас активно обсуждается и в Японии, и в нашей стране, – так называемая совместная хозяйственная деятельность на южных островах Курильской гряды. Япония, безусловно, могла бы внести большой вклад в развитие Сибири и Дальнего Востока, в том числе и Курильских островов. У японцев есть новейшие технологии переработки рыбы, выращивания редких морских животных, опыт создания туристической инфраструктуры. Но всё опять-таки упирается в требование – признать Курильские острова японскими.

Новым словом в развитии Курил может стать создание ТОР – территорий опережающего развития. Если действительно будут созданы благоприятные условия для работы на этих тер-

риториях, в том числе и для иностранных компаний, то капитал, как иностранный, так и отечественный, туда потянется. Ведь для предпринимателей главное – это прибыль, а хорошая прибыль в этих регионах практически гарантирована. Поэтому если японские компании пожелают участвовать в разработке промышленных и сельскохозяйственных проектов и минеральных ресурсов Дальнего Востока и Сибири в рамках ТОР, то могут работать там вполне успешно.

Что касается других развитых государств региона, в первую очередь, Республики Корея и КНР, то они уже проявляют большой интерес не только к ТОР, но в целом к возможностям, которые открывают наши новые программы развития Дальнего Востока и Сибири. Известно, что не только страны Северо-Восточной Азии, но и Вьетнам, Индия и даже европейские компании проявляют немалый интерес к работе в восточных районах нашей страны. Поэтому непосредственные встречи, обсуждения конкретных проектов – дело весьма перспективное. Будем надеяться, что подписываемые на Восточном экономическом форуме документы выйдут за рамки протоколов о намерениях и начнут действовать в интересах как России, так и сопредельных государств.

Однако, похоже, не всем такая перспектива по душе. Те же США далеки от энтузиазма и согласия с тем, что их военно-политические союзники на Дальнем Востоке втягиваются в активное торгово-экономическое сотрудничество с Россией. Из Вашингтона требуют, чтобы Япония и Республика Корея учитывали так называемые санкции, которые американская администрация не только ужесточает сама, но и навязывает другим, зависящим от США странам. Известно, что Япония была вынуждена присоединиться к санкциям в отношении нашей страны. Отрадно, что Южная Корея не пошла по этому пути и как развивала двухсторонние отношения, так и развивает. И нам не надо оглядываться на тех, кто пытается вставлять палки в колеса, затруднить сотрудничество России со странами региона, а следует смотреть вперед, строить планы, ставить конкретные задачи и добиваться их исполнения.

И еще один важный вопрос, напрямую затрагивающий военную безопасность нашей страны. Об этом В. Путин особо говорил по итогам своей очередной встречи с премьер-министром Японии С. Абэ в ноябре 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге, прямо заявив об ограничениях в проведении Японией внешней и военной политики: «Есть много вопросов по мирному договору, и мы должны тоже посмотреть, какие обязательства есть у Японии с ее партнерами в сфере обороны и безопасности... Это повлияет на ход переговорного процесса по мирному договору с Японией. Какие обязательства она имеет и что может и не может делать самостоятельно», – откровенно отметил президент. При этом он не скрывал и то, что изменить ситуацию в одночасье невозможно и для этого потребуется продолжительное время. Было заявлено: «Вполне естественно, что если есть какие-то договоренности (Японии с США), то нужно их соблюдать. И нужно думать, как это отразится на наших отношениях. Это большая работа и, может, действительно рассчитанная не на один год».

Заметим, что серьезные японские политики и аналитики с пониманием относятся к такой аргументации, признают, что она ставит японское руководство в весьма сложное положение. Да и что можно ответить, когда, по сообщениям японским СМИ, Токио собирается закупать в США такое наступательное оружие, как, например, «Томагавки», предназначенные в первую очередь для «возвращения островов, оккупированных врагами», а также размещать на японской земле окружающие российскую территорию новейшие системы ПРО?

Отрадно, что возглавляющий как главнокомандующий вооруженные силы президент со всей серьезностью и обоснованностью разъясняет как японским руководителям, так и народу своей страны о недопустимости передачи законно принадлежащих России земель кому бы то ни было, тем более государству, находящемуся в союзе с главным потенциальным противником.

Подводя итог анализу российско-японских отношений, можно сказать, что, скорее всего, надежды японских политиков на то, чтобы воспользоваться хозяйственными и финансовыми

неурядицами нашей страны и подманить российское руководство японским «экономическим пряником», не оправдаются. А посему японскому правительству следовало бы активно развивать двусторонние отношения, не выдвигая вопросы противоречий по пограничному размежеванию на первый план. Ситуация в мире развивается таким образом, что рано или поздно японский политический класс поймет, что по военно-стратегическим и торгово-экономическим соображениям неразумно замыкать японо-российские отношения на уже порядком надоевшие перепалки относительно того, признавать или не признавать итоги Второй мировой войны. Новым поколениям народов наших стран нужна не конфронтация, а спокойная мирная жизнь и взаимовыгодное сотрудничество соседних государств. Так думают многие простые японцы. Имея немало друзей в Японии, знаю это не понаслышке.

Декабрь 2017 года